

М. А. ЛУЧИНСКИЙ

ДЕНЬГИ НА РУСИ
IX—XII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕЛОРУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1987

386
Л 84

М. Ф. ЛУЧИНСКИЙ

ПРОІНВЕНТАЗОВАНО
В 1960 році

ДЕНЬГИ НА РУСИ ІХ—ХII вв.

Против одного ошибочного представления

ПЕРЕВІРЯНО

1982 р.

ПЕРЕВІРЕНО

2007

101941 ✓

ПЕРЕВІРЕНО

2005

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1958

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Казанского университета

Под редакцией доц., канд. историч. наук
И. М. Ионенко

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

*Казанского финансово-экономического
института имени В. В. Куйбышева*

Выпуск XII

1958

А

ВВЕДЕНИЕ

Предметом нашей работы является не весь вопрос о денежном обращении древней Руси, а лишь часть его. Совершенно ясно, что исследовать плодотворно часть невозможно без освещения целого. В историографической справке мы должны поэтому, может быть очень скрупульно, охарактеризовать это целое.

Каковы современные представления о денежном обращении древней Руси? Как сложились эти представления?

ГЛАВА I

ВЕРСИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ДЕНЕГ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1

Первые попытки систематического изложения истории древней Руси, если не считать «Повести временных лет», принадлежат дворянским историкам XVIII и начала XIX столетий. В числе других общих черт все эти работы объединяет отсутствие под ними прочной археологической базы. Археология как наука в строгом смысле слова тогда еще не существовала. Основой этих работ были письменные источники и свидетельства, внутренние и внешние. Русская археография как наука переживала период своего становления.

Изучая древнерусские письменные источники, в первую очередь «Правду Русскую» и летописи, историки не могли не столкнуться с их показаниями о денежном счете и о денежных единицах древней Руси, а столкнувшись, не могли уклониться от объяснения их, от перевода на русский язык своего времени. Мы говорим «от перевода» потому, что к XVIII—XIX векам время начисто вытерло из русской речи большую часть наименований древнерусских денежных единиц, превратило их в нероглифы.

Возьмем, например, статью 42 «Краткой Правды»: «А се поклон¹ вирный: вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю, тъже

¹ Археографический список — покон.

овен любо полот, или две ногате; а в среду резану въже сыры¹, в пятницу такоже; а хлеба покольку могут ясти², и пшена; а кур по двое на день; коне 4 поставити и сути им на рот³, колько могут зобати; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 веверицы; а перейде гривна или ся пригоди в говение рыбами, то взяти за рыбы 7 резан; ть всех кун 15 кун на неделю; а борошна колько могут изъясти; до неделе же виру сберуть вирницы. То ти урок Ярославль⁴.

Здесь перечислены все основные названия древнерусских денежных единиц: ногата, резана, веверица, куна и гривна. Среди них лишь последняя как термин находила в лице гривенника своего аналога и потомка и была в известной степени привычна для русского уха XVIII—XIX столетий. Что касается остальных наименований, то ногата и резана были совсем непонятны, а куна и веверица перекликались (так принято считать) с наименованиями известных пушных зверьков: куницы и белки. Заметим, что куна была не только денежной единицей, но во множественном числе, как и другой термин «скот», означала понятие, передаваемое на современном русском языке термином «деньги».

Что представляли собой скот, куны, куна, ногата и прочее по своей вещественности, по своему телесному бытию? Так в сущности был поставлен вопрос перед исторической наукой. Поиски ответа на него породили большую литературу, по преимуществу полемического характера. Этот вопрос стал предметом едва ли не двухсотлетнего спора между учеными, исследователями и просто любителями и ценителями русских древностей.

В ходе научного спора о материальной субстанции древнерусского денежного эквивалента или эквивалентов сложилось несколько версий. Дворянские историки XVIII века (Татищев, Щербатов, Шлецер, Болтин) в своих «примечаниях» ограничились робкими и глухими намёками на возможное решение вопроса. Мы не будем здесь излагать их высказывания, потому что в обобщенном виде и с наибольшей четкостью их точка зрения получила свое выражение в начале XIX столетия у наиболее яркого представителя и, в сущности, завершителя русской дворянской историографии Н. М. Карамзина.

«Славяне Российские ценили сперва вещи не монетами, а шкурками зверей куниц и белок: слово куны означало деньги», — писал Н. М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского»⁵.

Так в наиболее отчетливой форме было положено начало

¹ Археографический список — въже сыры нет.

² Там же — изъясти.

³ Там же — вместо: сути им на рот — сыпали им на конь.

⁴ Правда Русская. Том II, М. Л., 1947 г., стр. 223.

⁵ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, том I, стр. 246.

меховой версии кун, то есть денег. Куны по своей материальной субстанции — меха пушных зверей.

Общеизвестно, что Карамзин литератор-повествователь явно доминировал над Карамзиным историком-исследователем. Несмотря на большой успех и популярность «Истории Государства Российского» среди широкой публики, еще при жизни историографа раздавались голоса критики и протesta против его порой упрощенного и произвольного истолкования и обращения с историческими фактами. Тем не менее авторитет Карамзина-историка сохранялся долго после его смерти. Еще в шестидесятых годах Погодин устроил ему настоящий апофеоз. Это обстоятельство, может быть, не в качестве решающего, вместе с другими создало в XIX и XX столетиях целую плеяду последователей меховой версии древнерусских денег.

Н. М. Карамзин был родоначальником еще одной версии. По его мнению, куны — меха пушных зверьков играли у древних руссов роль денег лишь сперва, в какой-то начальный период русской истории.

«Скоро неудобность носить с собой целые шкуры для купли подала мысль заменить оные мордками и другими лоскутками; куньими и бельими. Надобно думать, что правительство клеймило их и что граждане сначала обменивали в казне сии лоскутки на целые кожи»¹.

Так была сформулирована вторая версия древнерусских кун-денег. Куны — лишенные стоимостной субстанции, клейменые лоскутки шкурок пушных зверьков, заместители, знаки стоимости. Они предполагают вклад в казну мехами. Говоря современным языком, они представляют собой кредитные орудия обращения и платежа, своеобразные банкноты или чеки, обеспеченные депонированными шкурками пушных зверьков и на них разменявшиеся.

Нам необходимо здесь дать небольшую терминологическую справку. В современном русском языке слова кожа и шкура по своему прямому смысловому значению вполне обособились. Кожа — это лишенная волосяного (шерстяного) покрова, выделанная шкура животного. Шкура — наоборот, невыделанная, с волосяным (шерстяным) покровом кожа животного². Обработанная, выделанная шкура или шкурка животного в качестве меха, то есть с сохранением волосяного покрова, в современном речевом обиходе никогда не называется кожей. В XVIII и XIX веках указанные слова являлись почти синонимами. Н. М. Карамзин, например, в приведенной выдержке меха пушных зверьков называет то целыми шкурами, то целыми кожами. Такое словоупотребление привело к тому, что рассматриваемую вторую версию древнерусских денег в литературе XIX века неко-

¹ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, том, I, стр. 246.

² Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д. Н. Ушакова, том I, стр. 1392 и том IV, стр. 1352, изд. 1947 г.

торые авторы называют версией кожаных денег. Впрочем, сам Н. М. Карамзин дал прямой повод так ее именовать. В том же I-м томе своей «Истории...» он указывает: «Как ходячая монета древних Россиян была действительно не серебряная, а кожаная...»¹. Здесь он имеет в виду лоскутки (мордки, лобки и проч.) шкурок пушных зверьков.

В литературе вопроса существует другая контрверза кожаных денег, знаков стоимости из кусочков выделанной, то есть лишенной волосяного покрова кожи. Бытование этих кожаных знаков стоимости относится к XVII веку, то есть ко временам на несколько столетий более поздним, чем времена кунных ценностей.

Помимо упреков критики в адрес Н. М. Карамзина по части слишком вольного обращения с историческими фактами, раздавались и другие. Модернизация прошлого, часто не только в плохо прикрытых, но и довольно грубых формах, — нередкий гость в его исторических работах. Еще Лелевель отмечал искашение Карамзиным действительного хода исторического развития «через сообщение предшедшему времени — характера настоящего».

Корни приведенных представлений Н. М. Карамзина о древнерусском денежном обращении надо искать в XVIII столетии. На денежном обращении времен молодого Карамзина тяжелым грузом лежала медь. В расчетах не только оптового, но и полуоптового звена при слабом развитии банковского дела она представляла действительно чрезвычайные неудобства. За воз некоторых товаров нередко надо было расплачиваться возом медных денег. Своим появлением и успехом, по крайней мере на первых порах, ассигнации были обязаны в числе других и этому фактору. Эти представления Н. М. Карамзин, не смущаясь, переносит на времена, отдаленные на 600—800 лет назад в глубь веков. Говоря о распаде в XV столетии кунного обращения, он указывает: «Наконец, мы столько имели серебра, что могли отменить мордки и куны, древние наши ассигнации, бывшие не менее пятисот лет в обращении и весьма полезные для успехов промышленности за недостатком в металлах»².

Итак, по Карамзину:

1. Меховая версия древнерусских денег. Сперва, в начальный период древней Руси, роль денег выполняли меха пушных зверьков. Это были субстанциональные деньги.

2. Ассигнационная версия. Позднее — куны — клейменые лоскутки шкурок пушных зверьков, знаки стоимости, древние ассигнации, разменяваемые на меха.

В подтверждение последней версии Н. М. Карамзин не мог по понятным причинам сослаться на какие-либо вещественные

¹ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, том I, прим. 298.

² Там же, стр. 246.

памятники. Клейменые лоскутки древних руссов не могли в сокровищницах, а последние по преимуществу были земляными, сохраниться до времен Карамзина. Противоположное мнение Черепнина, очень опытного археолога, с работами которого мы будем иметь дело ниже, тем не менее принять трудно. В кладах, известных уже при жизни Карамзина, не обнаружено даже следов или хотя бы косвенных намеков на древние ассигнации. Никакой поддержки в этом вопросе он не встречал и со стороны русской археографии. Большинство дежижных кладов с серебряными слитками и чужеземной монетой, равно и Нежинский клад с серебряной монетой первой русской чеканки, не могли быть известны Карамзину и вообще всем русским дворянским историкам, так как они были открыты много лет спустя после них.

2

Против кунных версий Н. М. Карамзина впервые в нашей литературе в 1818 году выступил Успенский. В своем «Опыте повествования о Древностях Русских» он писал: «Весьма вероятно предполагать можно, что упоминаемые в летописях наших, например, бельи лобки и куны мордки суть не части сих зверьков вещественные, как многие сие утверждают, почитая оные, якобы по неимению вещественной или действительной металлической монеты, за настоящие или подлинные лобки и мордки, но звания особых и ценою различных монет с изображением оных частей или самих зверьков в малом виде, а потому хотя монеты сии были и металлические, но или удерживали старинное название, или именованы так по находившимся на них изображениям»¹.

Так было положено начало третьей версии древнерусских денег — металлической. Куны — не меха и не части меха, а металлические монеты, лишь воспринявшие меховые или созвучные меховым наименования. Почему меховые или созвучные меховым? Потому что на монетах были или должны были быть изображения частей зверьков или самих зверьков «в малом виде».

Любопытно, что, подобно Н. М. Карамзину, Успенский в своем исследовании остается в области древнерусских терминов, отыскивая созвучные им аналоги в современном ему русском языке, то есть не может освободиться от своеобразного терминологического капкана. Он соглашается со сторонниками ассигнационной версии кун, что бельи лобки — это лбы беличьих шкурок, что кунья мордка — это мордочка шкуры куницы.

Впрочем, удивляться этому не приходится. Скольжение по поверхности терминов — удел не только одного проф. Успен-

¹ Успенский. Опыт повествования о древностях Русских, Харьков, 1818 г., стр. 665.

ского. Находились же исследователи, которые ногату, одну из древнерусских денежных единиц, без смущения расшифровывали как шкурку ценного пушного зверька с ногами, хотя конечности лесных зверьков ни в древнем, ни в современном русском языке никогда не называли ногами, всегда лапами или лапками¹. В литературе вопроса встречается предложение рассматривать ногату как шкурку пушного зверька с ногтями, хотя ни в древнем, ни в современном русском языке никогда когти зверей не назывались ногтями². В. К. Трутовский сообщает, что некоторые слова ногата производят от ногой, то есть голый, предлагая её рассматривать как оголённую, облезлую, со стершимся волосяным покровом, шкурку пушного зверька³.

Все это столь же грустно, сколь и поучительно.

Успенский переносит изображения белок и куниц или «оные части» этих зверьков, то есть лоб белки и мордочку куницы, на металлические монеты, от этих изображений получавшие соответствующие наименования. Если при том уровне техники чеканки монет, который имел место в древней Руси, на Востоке и Западе, можно было изобразить на монете какого-либо зверька или его часть в малом виде, то можно ли было практически изображение белки или её части отличить от изображения куницы или её части? Автор этим вопросом не задаётся. Но дело, разумеется, даже не в этом, если иметь в виду необычайную живучесть всякого рода условностей. Называли же мы десятью рублями в девяносто девяти случаях из ста на протяжении более 20 лет банковый билет достоинством в один червонец, на котором ни цифры 10, ни слова рубль не было.

Спор между сторонниками меховой и ассигнационной версий, с одной стороны, и сторонниками металлической версии древнерусских денег был бы закончен еще в первой половине XIX века, если бы Успенский мог сослаться хотя бы на несколько экземпляров таких монет в минц-кабинетах и собраниях с указанными изображениями или даже надписями. Таких древнерусских монет ко временам Успенского открыто не было. Не открыто ни одной такой монеты и на протяжении почти ста сорока лет, истекших после написания им своего «Оыта...», хотя археологи и нумизматы достигли за этот отрезок времени, и в особенности в советский период, исключительных успехов, зарегистрировав значительное количество денежных кладов древнерусской поры.

Сторонники ассигнационной версии кун не имели возможности опереться на вещественные памятники потому, что последние за 600—800 лет не могли, по господствующему среди археологов мнению, сохраниться; сторонники металлической версии

¹ И. И. Толстой. Монеты Псковские.

² Прозоровский. Монета и вес..., стр. 518.

³ Трутовский. Что такое ногата? М., 1911 г., стр. 7.

не могли опереться на вещественные памятники не потому, что они не могли сохраниться, а потому, что они не были открыты ни в XVII, ни в XIX столетиях. Не открыты они и в XX. Спор между указанными группами историков и исследователей продолжался и разгорался все с новой силой.

Перенося изображения или названия бельих лобков или куньих мордок на гипотетические монеты из металла, Успенский тем самым по существу отвергал версию Карамзина о клейменых лоскутках меха как знаках стоимости. В сороковых годах прошлого века его в этом отношении энергично поддержал проф. М. Т. Каченовский, представитель школы критического скептицизма в нашей исторической науке. С особой силой и в тонах крайнего сарказма обрушился он на карамзинские древние ассигнации. «Басня о кожаных деньгах,— писал он,— якобы государственной монете с давних времен владела умами писателей, чужих и наших, и мы вслед за ними, как бы околдованные каким-нибудь безжалостным чародеем, толковали о кожаных лоскутках, о бельих лобках, о куньих мордках. К счастью, некому было шутить над нами»¹.

Итак, версия Карамзина — басня, а сам он безжалостный чародей.

В годы, когда проф. Каченовский писал свой трактат о кожаных деньгах, еще свежи были представления об ассигнационном периоде в денежном обращении России. Русские экономисты и ученые тех времён дружно рассматривали ассигнации как государственный долг. В соответствии с этим проф. Каченовский продолжает: «Допустить существование кожаных лоскутков в разных областях древней России, лоскутков клейменых, обращавшихся вместо монеты, значит то же, что и верить существованию государственного кредита — в такое время и при таких обстоятельствах, когда, по всем соображениям ума человеческого, не мог еще, не говорю созреть, но даже прозябнуть сей плод усовершенствованного общежития и гражданского устройства. Смело говорю так и утверждаю, вопреки остроумным объяснениям историков, которым кожаные лоскутки, мнимые куницы мордки и бельи лобки представлялись государственными ассигнациями, будто бы отчасу понижавшимися в курсе против металлической гривны»².

Проф. М. Т. Каченовский нанес ассигнационной версии кун очень сильный удар, тем не менее вопрос в целом ему похоронить не удалось. И позднее к числу сторонников «безжалостного чародея» примыкали в этом вопросе весьма крупные буржуазные историки. К числу их относится, например, С. М. Соловьев, являвшийся сторонником меховой версии и допускав-

¹ М. Т. Каченовский. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде, М., 1848 г., стр. 8.

² Там же, стр. 21.

ший для определенного периода параллельное обращение меховых ценностей в качестве денег наряду с металлической монетой. С. М. Соловьев энергично поддержал и асигнационную версию Н. М. Карамзина. «Труднее объяснение другого явления,— писал он,— именно собственно кожаных денег, имеющих условную ценность; но в истории много таких явлений, которых мы объяснить теперь не можем и которых однако отвергать не имеем права, если о них существуют ясные и не подлежащие сомнению известия. Но таковы именно свидетельства современников и очевидцев — Рубруквиса и Гильберта де-Ланноа. Названия единиц нашей древней монетной системы могли, положим, ввести в заблуждение новейших исследователей, могли, положим, ввести в заблуждение Герберштейна, за сто лет до которого, по его собственному свидетельству, перестали уже употреблять вместо денег мордки и ушки белок и других зверей; но как же отвергать свидетельства Рубруквиса и Ланноа — очевидцев? Один старый исследователь¹, отвергавший кожаные деньги, смеялся над свидетельством, что в Ливонии ходили беличьи ушки с серебряными гвоздиками и назывались ногатами; другой, позднейший исследователь², находит это известие замечательным; по его мнению, оно может указывать на обычай наших предков мелкую серебряную монету для сохранности укреплять в лоскутки звериных шкур, откуда легко могло образоваться у иностранцев мнение, что в России ходили беличьи и куницы мордки и ушки, части шкуры, негодные для меха, но надежные для хранения монет. Исследователи могут успокоиться насчет кожаных лоскутков с гвоздиками, ибо такова была именно форма древнейших асигнаций в Европе; в 1241 году император Фридрих II пустил в обращение кожаные деньги в Италии; они состояли из кожаного лоскутка, на одной стороне которого находился небольшой серебряный гвоздик, а на другой — изображение государя; каждый лоскут имел ценность золотого августиала. Знаем, что такого же рода монеты ходили во Франции в XVI веке. Неужели же мы должны предположить, что Ланноа в Новгороде, Рубруквис в степях приволжских, итальянские, французские историки на западе Европы — все согласились выдумывать кожаные деньги и дать им обращение в своих известиях только?! Наконец, знаем, что у татар в описываемое время были бумажные и кожаные деньги, по образцу китайскому³.

Подробное рассмотрение всей системы доводов, свидетельств и показаний за и против обращения в древней Руси заместителей действительных денег не входит в предмет нашего исследо-

¹ Здесь имеется в виду трактат М. Т. Каченовского о кожаных деньгах.

² Здесь имеется в виду исследование Казанского о древней русской монетной системе.

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, том IV, 1854 г., стр. 260—263.

вания. Отметим лишь, что как опровергнуть, так и, наоборот, доказать существование знаков стойности является делом одинаково трудным.

Отвергая карамзинскую версию о кунах и мордках как знаках стойности, проф. М. Т. Каченовский, по стопам Успенского, пытался обосновать металлическую версию кун, утверждая, что куна, ногата, резана, кунья мордка и т. п. были не чем иным, как металлическими монетами из серебра подлого качества, со всё более увеличивавшимися примесями меди. Он ссылался при этом на то, что в средние века в странах центральной и западной Европы такое серебро было известно под наименованием черного серебра (нигро аргенто, аргентум нигрум).

Мы уже отмечали выше слабость металлической версии кун русской буржуазной исторической науки. Сторонники этой версии не находили себе никакой поддержки у археологии; они не могли в нумизматических собраниях и кабинетах указать монеты, которые носили бы на себе хоть какие-либо следы названий или изображений кун, лобков, ногат, мордок и т. п. Гробовое молчание нумизматики в этом вопросе сильно колебало их позиции. Когда перед ними ставили вопрос: укажите же хотя бы на одну металлическую куну или ногату, они пускались в совершенно беспомощные сетования на открывателей кладов с древними монетами и даже на нумизматов, упрекая их в том, что они монету подлую, из черного серебра (нигро аргенто) в первую очередь варварски отправляли в тигли.

Вот, например, мужественные и в то же время беспомощные рассуждения по этому вопросу М. Т. Каченовского: «Если куны и мордки,— возразят нам,— были металлическими монетами, а не кожаными, то куда же они девались? Под какими названиями хранятся они в минц-кабинетах? Ответствуем: и куны и мордки ходили в качестве монеты мелкой, разменной, так же как и белые пенязи; разница в том только, что последние равны были ценностию и весом серебру чистому, то есть гривна белых пенязей ходила наравне с гривною серебра чистого. Совсем другое отношение к чистому серебру имела монета черная. Само собой разумеется, что ходячая монета чистая везде предпочиталась подлой по мере большего ея достоинства перед последнею. Везде желали, чтобы серебро хорошего качества было представителем вещей ценных, даже самых малых; но не везде могли иметь потребное количество сего металла; прибавим, и корыстолюбие было причиной тому, что серебро входило в обращение с большей или меньшей примесью меди. Вот чем совершенно объясняется для нас и неодинаковое содержание гривны кун и гривны серебра, а отнюдь не тем, будто бы кожаные лоскутки сами собой дешевели. Что куны считались на гривны, дивиться нечему; в серебре была гривна весом, а в пенязях была она же числительная. Не одни мы, но и жители других стран Европы находились в затруднительном положении от изменя-

ности ходячих мелких денег в цене против серебра чистого. Опять повторяем вопрос: где теперь искать наших кун и мордок? — В минц-кабинетах дорожат монетами известного достоинства, хорошо сбереженными, которые имеют на себе признаки места и времени; прочее — до чрезвычайности разнообразные шиллинги и пфенниги подлого качества — исчезло: перелито и растерялось. В нумизматических книгах, однако же, можно видеть изображение шиллингов и пфеннигов, даже брактеатов. Что же касается до нашей мелкой монеты, то, не зная, где найти куны, можем указать на медные пула Новгородские, Тверские, Кашинские, Московские разной величины с разными фигурами на них и надписями. Бытие сих монет простирается в историческую даль до XIV века, и между ними есть пуло Тверское с изображением на одной стороне бычьей морды с рогами. Не они ли назывались у нас мордками и даже кунами?»¹.

Проф. М. Т. Каченовский в конце концов отказывается даже от своей основной концепции, что куны, ногаты, мордки и проч. были серебряные монеты, хотя и из подлого, то есть черного серебра. Он готов в кунах и ногатах видеть медные пула, забывая или игнорируя тот факт, что последние — продукт на несколько столетий более поздний, чем древние куны и ногаты. В своем трактате проф. Каченовский с присущим ему темпераментом восставал против производства слова мордка от морды пушного зверька. Здесь он, впадая в противоречие с самим собой, растерянно пытается связать мордку с мордой бычьей.

После язвительных и разящих ударов проф. М. Т. Каченовского древние ассигнации из лоскутов шкурок пушных зверьков отошли как-то на задний план, и исследователи вопроса о материальной субстанции древнерусских денег разделились на два лагеря, если не считать еще один лагерь — сторонников версии денег-скота, о котором речь будет идти ниже.

Металлическую версию в своих работах защищали Успенский, Каченовский, Авенариус, Забелин, Кене, Куник, Френ, Прозоровский, Толстой, Иверсен, Строев, Погодин, Савельев, Казанский, Бартоломей, Чернов, Тизенгаузен, Сонцев, Гутцейт, Мрочек-Дроздовский, Черепнин и друг. К меховой версии, помимо Карамзина, примыкали Ланге, Никитский, Усов, Шодуар, Лешков, Беляев, Соловьев, Шуберт, Рейхель, Заблоцкий, Ключевский, Трутовский и другие.

Оба лагеря, надо заметить, каждый внутри себя, не отличались законченным единством взглядов по отдельным и частным вопросам древнерусской денежной системы. Некоторые, по своей основной концепции примыкая к одному лагерю, по частным вопросам, например, по вопросу о материальной субстанции отдельных денежных единиц переметывались в противоположный.

¹ М. Т. Каченовский. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде, М., 1849 г., стр. 77—81.

Другие, например Ключевский, занимали компромиссную позицию, допуская параллельное обращение двух валют, меховой и металлической¹.

Нам нет нужды рассматривать все особенности во взглядах отдельных дворянских и буржуазных историков и исследователей денег древних руссов. Длительности спора между сторонниками меховой и металлической версий кун способствовали не только беспечность первых и беспомощность вторых по части археологии, то есть нумизматических памятников. Этому способствовала в сильнейшей степени противоречивость письменных показаний, во многих случаях неясность и непонятность древнерусской исторической документации. Часто одно и то же показание источника истолковывалось противниками в совершенно противоположных, каждому нужном, смыслах.

Так как преобладающая часть документации досталась нам не в оригиналах раннего периода, а в списках более позднего времени, то в спорах между учеными очень часто «козлами отпущения» становились переписчики. Не только отдельные места того или иного документа, но и целые документы, противопоказующие какой-либо версии, сторонниками последней не всегда обоснованно и вразумительно объявлялись подложными, недействительными,искаженными.

Несомненный интерес представляют попытки дореволюционных историков и исследователей вывести металлическую версию древнерусских денег из затруднительного положения, связанного с нумизматическим безмолвием. Никаких кун, ногат, резней и т. п., как металлических монет с надписями или изображениями зверьков или их частей, как мы отмечали выше, нумизматика не дала.

Д. И. Прозоровский высказывал следующие догадки: «Продолжая заниматься розысканиями о древних русских ценностях, я более и более убеждаюсь, что наши куны не что иное, как византийские милиарезии...»². Аналогичный намек можно найти у П. С. Савельева, связывавшего свои предположения с циркуляцией арабских дирхемов³. А. А. Куник расширяет предположение и, кроме мугаммеданских и византийских монет, указывает на монеты англосаксонского и немецкого чекана. В. В. Кене, соглашаясь, что «западноевропейские монеты, так же как и арабские дирхемы, были для России древнейшими металлическими деньгами», продолжает: «Вообще арабские дирхемы находят в таком множестве на севере, что можно думать, что здесь они некогда составляли государственную монету»⁴. Еще более четко формулирует эту мысль И. Е. Забелин: «Наиболее многочисленные монеты 8, 9 и 10 вв... попадаются целыми и резанными на куски, по-

¹ В. Ключевский. Курс русской истории, том I, стр. 266, изд. 1923 г.

² Известия Имп. Русск. Археолог. Общ., том VII, в. 2, стр. 136.

³ Записки Имп. Археолог. Общ., том V, отделен. 2-е, стр. 58.

⁴ Записки Имп. Археолог. Общ., том IV, 2, 3 и 36.

ловинки и четверти. Очень вероятно, и даже очевидно, что эти диргемы и их обрезки ходили по всей Руси, как своя народная монета, и непременно обозначались русскими именами вроде кун, резан, веверии, векшиц и т. п.»¹.

Любопытный оттенок в трактовке кунных ценностей мы встречаем у А. И. Никитского. По его мнению, «куны были не денежными знаками, а денежными суррогатами. Они не были простыми лоскутками кожи, а настоящими мехами, имевшими свою рыночную ценность»².

В чем выражалась эта ценность, автор умалчивает. Не расшифровывает он и понятие суррогата. Делая упор на то, что куны — настоящие меха, автор, однако, ослабляет его и отдает дань ассигнационной версии следующими рассуждениями. «Нам известны,— пишет он,— многоразличные части мехов, обращавшиеся в торговле. Источники упоминают о лапках, пупках, облядях, черевах, хребтах, дужках; но, странным образом, нигде не упоминают о мордках, как ценных меховых частях. Поэтому мы готовы допустить возможность, что последующее исследование укажет нам в кунах более подходящую часть меха. Но если бы нам пришлось окончательно остановиться на кунных мордках, то для объяснения возможности этих частей мехаходить вместо денег укажем на следующее обстоятельство. Немцы нередко жаловались новгородцам, что их купцы отправляют к ним меха дорогих зверей, соболей и куниц без лапок и голов. Понятно, для чего удерживались лапки: они шли на лапчатые меха; но для чего отрезывались мордки, которыми так дорожили немецкие дамы? Не шли ли они именно на приготовление кун?»³.

На самом рубеже XIX и XX столетий была опубликована работа А. И. Черепнина «О гривенной денежной системе по древним кладам». Из всей дореволюционной литературы рассматриваемого вопроса эта работа должна быть признана лучшей. Выполнена она с большим знанием дела, наиболее квалифицированно. Этому способствовало то, что, наряду с письменными источниками и показаниями, автор в широкой мере привлекает большой нумизматический материал, накопленный к этому времени. А. И. Черепнин — решительный сторонник металлической версии древнерусских денег — развивает далее догадки и предположения Савельева, Кене и Забелина: кунами и резанами на Руси были арабские диргемы по преимуществу, а также, хотя и в меньшей мере, византийские монеты⁴. Он решительный противник ассигнационной версии Карамзина, столь энергично, как мы видели, поддержанной Соловьевым, и высту-

¹ И. Е. Забелин. История русской жизни, том II, стр. 373.

² А. Н. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, М., 1893 г., стр. 101.

³ Там же.

⁴ Труды Моск. Нумизм. Об-ва, том II, стр. 176.

пает против нее с аргументами, не встречавшимися во всей предшествующей литературе вопроса.

Мы отмечали выше, что сторонники асигнационной версии не считали для себя обязательным искать опору для своих построений в вещественных памятниках, а противники этой версии освобождали их от этого: считалось, что лоскутки мехов пушных зверьков не могли сохраниться в кладах до наших времен. А. И. Черепнин, археолог по специальности, причем археолог очень опытный и наблюдательный, по этому поводу пишет: «Если не ранее, то с конца VIII века наши предки имели возможность ознакомиться на практике с достоинством металлической монеты, как меновой ценности, и население древней Руси уже не имело серьезных причин удерживать пользование условными денежными знаками, не имевшими никакой внутренней стоимости, если бы таковые и были ранее в употреблении.

Затем необходимо обратить внимание и на то, что если бы на Руси обращались фиктивные кожаные деньги, то, без сомнения, эти условные денежные знаки встречались бы в древних кладах, найденных в России за последнее столетие; их непременно находили бы с другими цennыми вещами и серебряными монетами, если не в полной сохранности, то, по крайней мере, остатки от них. Наши предки только на короткое время вверяли земле свои сбережения, состоявшие из денежных ценностей того времени и дорогих украшений.

В этих кладах преимущественно скрывали крупную и мелкую ходячую монету, бывшую в обращении на Руси IX, X и XI ст.ст. Если бы в этот период времени на Руси существовали какие-нибудь иные представители денежных ценностей, кроме серебряных монет и слитков, то несомненно они попадали бы в клады, и, хотя изредка, мы находили бы их в известных из найденных до сего времени кладах.

В настоящее время мы знаем сотни русских кладов, зарытых в земле с IX по XIV ст., и немалое число более древних. Многие из кладов найдены в прочных глиняных, а иногда даже в металлических сосудах, тщательно закрытых, и, однако, ни в одном из них не оказалось никаких следов от кожаных лоскутов, мордочек, ушей, одним словом, ничего такого, что можно было бы признать за остатки условных денежных знаков. Нельзя также предполагать, что подобные фиктивные деньги были в некоторых из известных кладов, но от времени истлели и бесследно уничтожились. Каждому археологу-практику известно, что при благоприятных условиях не только кожа, но и предметы, приготовленные из материала более непрочного и легче поддающегося тлению, сохраняются в земле, если не вполне, то отчасти, в течение многих столетий. При раскопках древних могил довольно часто находят в них обрывки полуистлевших тонких шерстяных и холщевых тканей, шнурков, ниток, остатки волос, деревянных вещей и проч. Большая же часть

найденных кладов была зарыта не прямо в землю, а предварительно уложена в более или менее прочные сосуды, что значительно предохраняло от разрушения предметы, входившие в состав кладов, и вместе с тем устранило возможность полного и бесследного исчезновения таких вещей, какие более подвержены тлению. На приведенные мною доводы могут возразить, что наши отдаленные предки совсем не прятали в землю своих кожаных денег вместе с металлическими драгоценностями, опасаясь повреждения или порчи условных ценностей. Действительно, на очень продолжительное время было рискованно прятать прямо в землю кожаные денежные знаки; но скрывать их в землю в хорошо закрытых сосудах на короткое время не представляло никакой опасности для их сохранности. Клады зарывали в землю на короткие сроки: на время отлучки из постоянного места жительства или ввиду нападения врагов, и когда опасность проходила, владелец извлекал свое добро из земли. Лет двадцать тому назад в Епифанском уезде, Тульской губ., близ с. Себина был найден в земле небольшой чугунный котелок, прикрытый сковородкою; в нем оказались полуистлевшие 5-ти и 10-ти рублевые ассигнации конца XVIII века. Эта находка свидетельствует о том, что у нас даже в конце XVIII ст. находили возможным скрывать в землю бумажные деньги. В IX, X и XI ст.ст., конечно, с меньшим опасением за целость прятали бы в кладах кожаные деньги, если бы они были в обращении на Руси.

Полное отсутствие кожаных и иных' условных денежных знаков в кладах IX, X и XI ст.ст., а также и более поздних, служит убедительным доказательством того, что в обозначенный период времени, когда наши предки скрывали в землю свои сбережения, состоявшие из арабских, византийских и западноевропейских монет и слитков серебра, условных денежных знаков не было в обращении на Руси. Легенда о кожаных деньгах, возникшая в XVIII ст. и поддержанная и упроченная авторитетным именем Карамзина, теряет всякое значение при ближайшем знакомстве с составом древних денежных кладов. Легенда об условных денежных знаках появилась вследствие малого знания древнерусской старины и сходства наименований древних денежных единиц с названиями зверьков (куна, бела, векша) ¹.

А. И. Черепнин, таким образом, предъявил ассигнационной версии требование найти опору себе в вещественных памятниках, в остатках или в намеках на остатки древнерусских знаков стоимости (денег) в кладах того времени. В том, что владельцы меховых (кожаных) знаков стоимости могли их помещать в земляные сейфы вместе с действительными, то есть субстанциональными деньгами, серебряными монетами и слитками,

¹ Труды Моск. Нумизм. Об-ва, том II, стр. 153—155.

сомневаться невозможно. Могли ли, однако, эти деньги за восемьсот—девятьсот лет сохраниться в кладах, хотя бы в форме каких-либо остатков или намеков на остатки? Выше мы уже высказывали свое мнение по этому поводу, мнение, правда, вполне дилетантское. Нам представляется, что положиться здесь на мнение только одного А. И. Черепнина, хотя и очень опытного археолога, весьма трудно. Вопрос этот может быть решен лишь достаточно широким кругом археологов-практиков, непосредственно соприкасавшихся в могилах и кладах того времени с остатками тканей, одежды, кожаной обуви и проч. Экспериментальная проверка здесь, разумеется, исключена. Среди современных археологов, мнение которых по этому вопросу может быть признано весьма авторитетным, мы можем указать на Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского, П. Н. Третьякова, Н. Н. Воронина, Т. С. Пассек и М. К. Каргера. Если решение специалистов будет положительным, тогда это требование А. И. Черепнина к ассигнационной версии будет для нее убийственным.

В отношении двух остальных версий: денег-скота и меховой — А. И. Черепнин с достаточной определенностью не высказываеться.

Существует мнение, что меховая версия древнерусских денег занимала господствующее положение в исторической науке до середины XIX столетия и что с этого времени господство перешло к версии металлической. Это не совсем так. Немалое число сторонников меховой и ассигнационной версий, а также версии денег-скота, можно встретить в нашей литературе и во второй половине XIX века и в текущем, XX столетии.

В 1911 году, например, с решительной поддержкой меховой и ассигнационной версий выступил В. К. Трутовский. На его статье «Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI века», опубликованной в первом томе «Нумизматического сборника», нам придется остановиться потому, что автор в подкрепление названных версий вводит в научный оборот своеобразный документальный материал, никем до него не привлекавшийся. Речь идет о миниатюрах «из хронографа так называемого «Царственного Летописца», обширного лицевого сборника второй половины XVI в.... и именно из той части его, которая известна под именем «Остермановского Летописца»¹...

«Первая миниатюра, касающаяся Новгорода,— пишет автор,— иллюстрирует подписанный под него известный текст Никоновской летописи, относящейся к 1410 г.: «Того же лета в новгороде начаша новгородцы торговати бельми лобки и гроши митавскими и артуги немецкими а коуны отложиша еже есть мортки коуны при посадничестве григория богдановича и при тысяцком Василии осифовиче». По обычаю всех древне-

¹ Указанная в тексте статья, стр. 1.

русских миниатюристов на рисунке изображены два момента иллюстрируемого текста. Первый из них — это решение новгородцев со своим посадником и тысяцким во главе отказаться от кун и перейти на иностранную чеканную монету. Представлен он в верхней части миниатюры, где изображен древний Новгород со св. Софией, Ярославовым двором и разными зданиями. В правом (от зрителя) углу сидят и беседуют новгородские власти — посадник Григорий Богданович и тысяцкий Василий Осипович. В центре — группа новгородцев, входящих в соглашение с немцами, стоящими в левом углу и протягивающими тем свои чеканные, круглые монеты. Второй момент, обмен кун на новые деньги, изображен в нижней половине рисунка. Справа в глубине сцены, у дверей какого-то здания, стоят три, по-видимому, официальных лица, принимающих от приходящих к ним слева горожан «куны» в обмен на серебряные монеты. В третью дверь того же здания, у рамки рисунка, видны какие-то висящие предметы, по-видимому, куны меха, в этом же углу, впереди, лежит темная груда, быть может, тех же мехов. Горожане передают помянутым лицам какие-то лоскутки прямоугольной формы, согнутые вдвое и украшенные язычками, очевидно, «мортки», такие же куски, но без язычков, лежат кучей в большом квадратном ящике (или на таком же столе с узким бортом, придающим ему вид ящика), стоящем на первом плане, посередине, и наполненном, сверх того, и новыми деньгами. На руке у одного из приходящих висят какие-то связки, видимо, мехов, с хвостами, и испещренные также, как и обмениваемые ими лоскутки...

Вторая миниатюра — Псковская, относится к также помещенному под ней тексту Псковской летописи, в которой сказано под 1424 годом: «Того же лета во Пскове вече сотвориша псковичи, исковаша денги сребряные и начаша ими торговати, а мортки оставиша». Здесь иллюстрированы тоже два момента. Первый, снова в верхней половине рисунка, — вече на площади Пскова, второй внизу — чеканка монет: слева сидит денежник и двусторонним молоточком чеканит на наковальне монеты, подкладывая левой рукой, по-видимому, готовые уже кружки. Один из его помощников, стоящий напротив, принимает готовые экземпляры и складывает в находящийся у самой наковальни ящик (или на стол), другой стоит за денежником. Сзади первого помощника пскович протягивает точно такой же лоскут, как на первой миниатюре мрдку (?), очевидно желая обменять ее на серебро; за ним, вдали, лежит ряд продолговатых, довольно больших, предметов, оканчивающихся тонкими хвостиками — куны (?)»¹.

Нам приходилось просматривать фотопродукции с обеих этих миниатюр. Описание их сделано В. К. Трутовским пра-

¹ Указанная в тексте статья, стр. 1.

вильно. Действительно, какие-то прямоугольные лоскутки не то с язычками, не то с хвостиками, какие-то продолговатые большие предметы, тоже с язычками либо тонкими хвостиками и т. д. Что хотел этими лоскутами и продолговатыми предметами изобразить художник второй половины XVI века? В. К. Трутовский безапелляционно видит в них искомые таинственные куны и куньи мордки и приходит к «несомненному и важнейшему для русской нумизматики выводу, что куны, обращавшиеся в древней Руси в качестве платежных единиц, были меховые, а не какие-либо иные единицы»¹. Этому выводу автор придает первостепенное значение, по его мнению, «им кончается ясно и определенно столетний спор между учеными и разные беспочвенные предположения, что куна — это диргем и т. д.»². Кончился ли этот спор с открытием В. К. Трутовского, мы увидим из дальнейшего изложения.

Мы уже упоминали выше, что главным, стержневым вопросом, вокруг которого в дореволюционной исторической науке велась самая острая и оживленная борьба мнений, был вопрос о материальной вещественности древнерусских денег. Это была по преимуществу борьба между сторонниками металлической и меховой версий. Не все, но большинство сторонников последней были с легкой руки Н. М. Карамзина одновременно и приверженцами ассигнационной версии. Это понятно, ибо под древними русскими ассигнациями понимались клейменные лоскутки, части мехов пушных зверьков.

Что касается еще одной версии древнерусских денег, именно версии денег-скота, то она в дореволюционной литературе далеко не пользовалась таким вниманием, как другие. Ставившаяся в древнерусской письменности с этим термином, явно означавшим ценности, имущество, материальный интерес, затраты, деньги, эквивалент и т. п., большинство авторов ограничивалось либо констатацией самого факта такого словоупотребления, либо самыми общими соображениями и глухими намеками, не комментируя и в большинстве случаев четко не расшифровывая его значение.

Болтин в полемике с Щербатовым предлагал читать «скотницу» как «скатница» от шведского Скatt, что означает серебро, деньги, сокровище, казна. Карамзин ограничился указанием, что «имя скот также означало у нас деньги»³. Шодуар видел в нем «славянское слово, означающее: стадо домашних животных... На Руси, издревле, оно употреблялось для означения денежной числимости вообще, и в сем смысле, вероятно, вошло в обычай сперва в тех областях, в которых скот составлял единственное богатство жителей, и где он в своем виде (нату-

¹ Там же, стр. 1—2.

² Там же.

³ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, кн. I, СПБ, 1842 г., примечание 477.

рою) меняем был на другие приобретаемые предметы»¹. Комментируя известный летописный текст 1018 года о сборе Ярославом скота для найма варяжского войска, Шодуар весьма осторожно указывает: «Здесь слово сие употреблено только в значении денег...»².

Каченовский считал, что «скотом назывались и вообще деньги и часть гривны серебра...»³. По вопросу о происхождении самого термина против мнения Болтина выступал Казанский. Он, как и Шодуар, стоял за его славянскую природу⁴. П. Мрочек-Дроздовский, являвшийся сторонником металлической версии, хотя и допускавший циркуляцию меховых денег⁵, свое отношение к версии денег-скота определяет так: «Едва ли можно сомневаться в том, что название денег словом «скот» относится к тому отдаленному времени жизни наших предков, когда они, еще полудикие кочевники, главным своим богатством почитали стада рогатого и иного скота, и когда штуки этого скота, а может быть и шкуры, были у них единственными оборотными ценностями. Такое состояние является одною из необходимых исторических ступеней в жизни многих народов, и относительно происхождения слова «скот» нам более, чем в каком-либо ином случае, не следует искать в Немцах правды»⁶. Падает ли эта «историческая ступень» в жизни восточного славянства на русский или дорусский период, автор не уточняет. Мнение его в этом вопросе остается неясным. В XIX веке сторонников взглядов Шлецера и Шербатова на древних руссов как на бродячих полудикарей было еще достаточно.

Более отчетливо формулирует свою точку зрения на этот вопрос А. И. Никитский. «На месте денежных суррогатов в древнейшее время Русской, — пишет он, — а в частности Новгородской истории, мы замечаем скот. Но по мере утверждения славян на русском материке, скот, как посреднический товар, уступает свое место под влиянием природных условий мехам, сохраняя, однако, за собой значение добавочного средства платы»⁷.

Весьма неопределенно об этом термине высказывались Чеппини⁸ и Кауфман⁹.

¹ Шодуар. Обозрение русских монет..., ч. 1, СПБ. 1837 г., стр. 46.

² Там же, стр. 46—47.

³ М. Т. Каченовский. Два рассуждения..., стр. 30.

⁴ П. С. Казанский. Исследование о древней русской монетной системе в XI, XII и XIII вв. Зал. Имп. Археолог. О-ва, том III, СПБ, 1851 г., стр. 118—119.

⁵ П. Мрочек-Дроздовский. Исследование о Русской Правде, вып. 1, М., 1881 г., стр. 33, 37—39.

⁶ Там же, стр. 19—20.

⁷ А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, М., 1893 г., стр. 98.

⁸ Чеппини. О гривенкой денежной системе по древним кладам. Труды Моск. Нумизм. Об-ва, том II.

⁹ Кауфман. Серебряный рубль в России. 1910 г.

Таким образом, лишь Болтин, Каченовский и Мрочек-Дровдовский видели за этим древнерусским словом серебро. Остальные же исследователи либо уклонялись от его расшифровки, либо видели в нем непосредственно домашних животных, скотину в современном смысле слова, в качестве денежного, то есть всеобщего товара (Шодуар, Никитский).

В «Записках историко-филологического факультета С.-Петербургского Университета» в 1914 году была опубликована работа В. В. Святловского «Примитивно-торговое государство, как форма быта». Значительная, примерно половина, часть текста этой работы посвящена древнерусским денежным системам¹. Эта работа претендует, правда, без достаточных оснований, на роль своеобразного итога разработки интересующих нас проблем в русской буржуазной и дворянской историографии. Более ранняя работа, принадлежавшая перу А. И. Черепнина, речь о которой уже была, в этом отношении стоит куда выше.

Этот итог В. В. Святловский резюмирует следующим образом: «Итак, мы проследили внешнюю историю денежных систем древней Руси, начиная с примитивных денежных знаков IX века и кончая чеканкою монетою современного типа, установившейся к началу XVI столетия... IX век застает уже в полной силе обращение неметаллических ценностей и притом в очень интересный момент. Совместное обращение различных ценностей и единовременное существование нескольких товаро-денежных систем постепенно вытесняются единою системою,— системою металлических ценностей или системою кун. Из трех нам известных денежных систем древней России: денег-скота, денег-мехов и денег-украшений², одновременно обращавшихся в населении, первые две исчезают, уступая место последней... Металлы, таким образом, побеждают в России, как и повсюду на земном шаре, остальные виды денежных ценностей. В XIII и XIV веках старые системы кончают свое многовековое существование»³.

С еще большей четкостью сводка формулируется на следующей странице. «Мы, как уже сказано, проследили смену целого ряда денежных систем древней Руси, начиная примитивною системою товаро-денег, выраженных в штуках скота и меховых шкурках, кончая правильною чеканкою монеты. Эта эволюция

¹ Впрочем, эта часть была опубликована автором значительно раньше, еще в 1897 году на немецком языке (Ди Гешихте унд Энтидиклюнг дес альтруссисен Гельдсистем. Кастиер унд Лоссен. Мюнхен. 1897), а в 1900 году — на русском (Примитивные деньги и эволюция древнейших денежных систем. «Народное хозяйство», 1900, Январь, Февраль и Апрель). Без каких-либо серьезных изменений она была напечатана отдельной брошюрой и после первой мировой войны. (Происхождение денег и денежных знаков. ГИЗ М. Л., 1923 г.)

² По ходу изложения автор понимает под этим деньги-серебро.

³ В. В. Святловский. Примитивно-торговое государство, как форма быта, СПБ, 1914 г., стр. 137.

совершалась на протяжении нескольких столетий, от IX века, когда ее впервые застает документальная история, до середины XV, когда появляется систематическая чеканка русской монеты¹.

Автор, таким образом, является сторонником и версии денег скота, и версии меховой, и металлической. В отношении первой автор придерживается мнения, что лишь «ко времени наших первых письменных памятников эти деньги являлись уже в виде «переживания». Скотоводство не играло уже видной роли в том древнерусском строе, в котором застает его документальная история»². Общеизвестно, что первые русские письменные источники датируются началом XI века. Как мы увидим ниже, в вопросе о роли скотоводства на Руси единомышленником автора выступил М. Н. Покровский.

Свои взгляды на меха в роли денег В. В. Святловский считает подтверждёнными работой Трутовского о миниатюрах XVI века, речь о которых шла выше. Отношение к ассигнационной версии автор с достаточной отчётливостью не высказывает, но, судя по характеру и тону изложения, относится к ней скептически, находясь под сильным впечатлением трактата проф. Каченовского о кожаных деньгах и работы А. И. Черепнина.

Таковы основные и главные моменты из русской буржуазной и дворянской историографии по интересующему нас вопросу.

ГЛАВА II

ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕРУССКИХ ДЕНЕГ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Освоение научного наследства прошлого представляет собой весьма сложную задачу. Совершенно очевидно, что оно, огульно всё, не может быть отвергнуто, равно как и воспринято. Задача эта заключается в том, чтобы на основе марксистско-ленинской методологии критически отобрать из этого наследства тот положительный, по преимуществу в виде накопленного фактического материала, вклад, который русская дореволюционная историческая наука внесла в разработку рассматриваемых проблем, и отбросить, отсеять из него все ненаучное, все то, что было порождено порочностью и немощью буржуазной методологии.

Как же мы справились с этой задачей?

В «Курсе политической экономии» А. Богданова и И. Степанова можно прочитать: «В древней Руси меха долгое время занимали выдающееся положение в качестве торговой статьи... На несколько столетий меха сделались главной формой денег

¹ В. В. Святловский. Примитивно-торговое государство, как форма быта, СПб, 1914 г., стр. 138.

² Там же. стр. 52.

на территории, занимаемой современной Россией.. Одно из подразделений тогдашней денежной единицы были «векши». Да и вся древнейшая система была построена на относительной стоимости обращающихся на рынке мехов различных зверей»¹.

И. А. Трахтенберг поддерживает меховую версию следующим аргументом: «Даже в средние века меха служили орудием обращения. Так, в 1610 году в завоеванной врагами русской казне находились 5450 руб. серебром и 7000 руб. звериными шкурами. Известно, что послы московских царей снабжались при путешествиях соболями, которые играли роль денег»².

Этот маститый ученый является решительным сторонником версии денег-скота на Руси. «О том, что в древней Руси скот служил деньгами,— пишет он,— не может быть сомнения. Любовь к деньгам называется «скотолюбием». Казна Владимира Святого называется «скотницей». По древнейшей редакции «Русской Правды» можно «скотом заплатити». Ярослав в 1018 году «начаша скот сбирати: от мужей по 4 куны и от старост по 10 гривен и от бояр по 18 гривен, и приведоша варяги и вдаша им скот». «Очевидно, эти куны и гривны,— заключает автор,— представлялись в виде скота...»³. Автор считает все это настолько ясным и бесспорным, что не прибегает ни к каким аргументам и обоснованиям. Ссылки же на «скотолюбие» и «скотницу», конечно, не могут быть признаны в качестве решающих вопрос.

Со своеобразной аргументацией, на которой мы остановимся подробно ниже, в защиту версии древнерусских денег-скота в двадцатых, а затем и в тридцатых годах выступил М. Н. Покровский.

И. М. Кулишер в своем курсе «История русского народного хозяйства» выступает как сторонник версии денег-скота и версии меховой, не утруждая себя ни обычной, ни какой-либо особой аргументацией своих взглядов⁴.

В 1936 году посмертно была опубликована работа А. В. Орешникова «Денежные знаки домонгольской Руси». Автор в ней отвергает выводы «первоистенного значения», которые пытался сделать В. К. Трутовский, опубликовавший две миниатюры XVI века, иллюстрировавшие события начала XV века в Новгороде и Пскове. А. В. Орешников по этому поводу пишет: «В том, что автор видел на рисунке кучу меховых шкурок, кун, никто спорить не станет, и текст иллюстрирован вполне правильно, да и как иначе, 150 лет спустя после денежной реформы 1411 г. в Новгороде, мог художник (он жил во 2-й половине XVI века) изобразить факт, когда куны-меха уже не существовали».

¹ А. Богданов и И. Степанов. Курс политической экономии, стр. 198.

² И. А. Трахтенберг. Бумажные деньги, М., 1922 г., стр. 57.

³ Там же, стр. 57.

⁴ И. М. Кулишер. История Русского народного хозяйства. Том I, М., 1925 г., стр. 140—141.

вали и в его представлении куны могли рисоваться только как звериные шкурки с мехами, а не как те куны — металлические деньги, обращавшиеся в 1411 году в Великом Новгороде¹. А. В. Орешников считает недопустимым на основании этих рисунков «делать выводы первостепенного значения».

Возьмем изображения «Царственного летописца» и «Царственной книги». Рисунки в этих документах условны. Если бы нам понадобилось представить формы царских венцов на головах юного Ивана Васильевича и его матери Елены Глинской, то мы увидели бы, что эти изображения на рисунках далеки от истины. Художник XVI века рисовал их по воображению. Он сам не видел подлинного царского венца.

Соображения маститого знатока вещественных памятников русской истории представляются весьма убедительными.

Русский метролог Л. В. Черепнин — сторонник металлической версии древнерусских денег, хотя и считает, что «нельзя, конечно, совершенно отрицать хождение в Киевской Руси в качестве платежного знака меховых ценностей»². Свое отношение к версии денег-скота он определяет так: «Все приведенные выше случаи применения слова «скот» к понятию «денег» являются, по-видимому, пережитками более древнего времени, когда домашние животные выступали в качестве платежного средства и мерила ценности, но в X, а тем более в следующих столетиях, скот вряд ли уже фигурировал в качестве главного орудия обмена»³. Автор не делает попытку определить это «более древнее время», а своей заключительной фразой оставляет возможным рассматривать скот в качестве не главного орудия обмена.

Как освещаются рассматриваемые нами вопросы в изданиях учебного характера? Мы имеем в виду учебники для высшей и средней школ.

«Как и у многих других народов, в древней Руси денежной единицей вначале служил скот — бык или корова. Как латинское название денег «пекуния» происходит от слова «пекус», что означает «скот», так и на Руси понятие «деньги» отождествлялось с понятием «скот». Дошедшие до нас исторические памятники и документы свидетельствуют о том, что еще в XI веке в южной части древней Руси скотом пользовались как деньгами. В летописи, относящейся к последней четверти X века, казначей Владимира, князя Киевского, именуется «скотником», а княжеская казна — «скотницей». Являясь орудием обмена, скот служил в то время и средством платежа при взимании дани и других повинностей, а также при долговых исках и спорах»⁴.

¹ Труды Гос. Истор. Музея. Вып. IV, М., 1936 г., стр. 19.

² Л. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1944 г., стр. 33.

³ Там же, стр. 31.

⁴ Указанный в тексте учебник, стр. 3.

Эти сведения о деньгах древней Руси сообщает учебник «Денежное обращение и кредит СССР» для экономических высших учебных заведений, составленный авторским коллективом под руководством проф. В. В. Иконникова. В этом же учебнике встречается сюжет меховой и металлической версий древнерусских денег.

Автор настоящей работы в 1941 году в рецензии на этот учебник¹ в числе недочетов указал на несостоятельность версии денег-скота у древних руссов. Против этой версии в 1946 году выступил также и проф. А. Д. Гусаков².

1947 год ознаменовался крупным событием в развитии нашей исторической и историко-экономической литературы. Вышли в свет первый том «Истории СССР» под редакцией академика Б. Д. Грекова, члена-корреспондента Академии наук СССР С. В. Бахрушина и проф. В. И. Лебедева и первый том курса «История народного хозяйства» члена-корреспондента Академии наук СССР П. И. Лященко.

Заметим, что эти работы, равно как и названная только что работа проф. В. В. Иконникова, представляют собой учебники для высшей школы и издаются обычно тиражами в десятки тысяч экземпляров. Первый том «Истории СССР», например, был издан стотысячным тиражом. Для массы нашей учащейся молодёжи и всех, интересующихся историческим прошлым нашей Родины, они, таким образом, являются основными источниками знаний.

Сведения, интересующие нас и сообщаемые этими учебниками, весьма скучны, сжаты, лаконичны, как всякий итог, как всякая сумма суммарум; вопросу не отводится ни отдельных глав, ни даже отдельных параграфов. Это правильно и понятно, сетовать на это никак нельзя, в том числе и тем, кто специально занимается этим вопросом. Нельзя потому, во-первых, что применительно к периоду, который мы рассматриваем, денежное обращение не больше, чем мерцания, блики на общем фоне густых натурально-хозяйственных потоков, а, во-вторых, потому, что учебники имеют своим предметом историю огромной страны порой за тысячелетние отрезки времени.

Что же сообщают нам эти учебники для высшей школы?

«С развитием торга связано возникновение денежной системы. Первоначально функции денег исполнял скот, потом меха, как это видно из названий «скот» и «куны» (деньги). Собственной чеканки монеты в Киевской Руси долгое время не было. Пользовались иностранной (золотой византийской и серебряной арабской монетой); серебряная монета поступала также из За-

¹ Труды Казанского ФЭИ им. Куйбышева. Вып. 6., Казань, 1941 г., стр. 201.

² Известия Акад. наук СССР. Отделен. экономики и права, № 3, М., 1946 г., стр. 232-233.

падной Европы. Лишь с конца X века в очень небольшом количестве стала чеканиться местная монета по византийским образцам. Основной денежной единицей была весовая гривна — кусок серебра определенной формы и веса (неодинакового в различных местностях и в различное время)¹. Так освещает вопрос учебный курс «Истории СССР».

П. И. Лященко в первом томе курса «Истории народного хозяйства СССР» в шестой главе, освещающей вопрос о развитии феодальных отношений в Киевском государстве в XI—XII веках, пишет: «Первоначальной формой денег в древней Руси были скот и меха. Скот (кожаные деньги), куны (мех куницы) и более мелкие единицы в виде «резаны», «ногаты», белки и др. являлись основными измерителями ценности в древней торговле. Но летописи и «Русская Правда» уже говорят о скоте и о кунах как металлических деньгах, лишь сохранивших старое название «меховых» денег, на которые идет счет при товарообмене, которыми платится дань, взимаются штрафы. Гривна кун (прежде целый мех куницы) стала главной счетной металлической денежной единицей торговли, при взимании дани еще в древний период.

Металлическое обращение первоначально начинает распространяться в виде пользования слитками по весу. Серебро как металлические весовые деньги в слитках конкурируют с кунаами как меховыми деньгами. Попытки введения чеканки металлических денег впервые появляются под влиянием иностранной торговли еще при Владимире, когда стали чеканиться по арабской системе серебряные и золотые монеты, не получившие, однако, какого-либо значения во внутреннем обороте².

Отметим, что во всех трех учебниках понятие «древняя Русь» употребляется в обычном, традиционном смысле. Сами приведенные выдержки не оставляют в этом никаких сомнений. В первой прямо говорится о X и XI столетиях, во второй речь идет о времени перехода к феодальной раздробленности, наконец, в третьей — о развитии феодальных отношений в Киевском государстве.

Русью наша страна стала именоваться, как это фиксирует летопись, с середины IX века. Под 852-м годом летописец сообщает: «Положим же начало о Рустей земли. В лето 6360, индикта 15, наченью Михаилоу царствовати, и начася прозывати Русскаа земля»³. Историческая наука сделала такое словоупотребление традиционным и ясным. Предложения начинать русскую историю с Божа и Межамира, то есть с VI столетия на-

¹ Указанный в тексте учебник, стр. 99.

² П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, том I, 1947 г., стр. 151—152.

³ Полное собрание русских летописей, издаваемое археографической комиссией, т. XXIV, типографск. летопись, 1921 г., стр. 5.

шой эры, еще не получили широкого признания в ученых кругах¹.

Итак, в первых двух случаях, особенно в первом, скот, бык или корова в древней Руси выполняли роль денег. Оригинальную, если это не простой ляпсус калями, расшифровку термина скот предлагает П. И. Лященко. По его мнению, это кожаные деньги. Не является ли это отзвуком ассигнационной версии? Впрочем, последняя под древними ассигнациями имела в виду совершенно определенно клеймёные лоскутки шкурок пушных зверьков, а не что-либо другое.

Далее, в приведённых выдержках совершенно отчётливо звучание меховой версии древнерусских денег. Недоумение вызывает предложенная П. И. Лященко трактовка куны и гривны кун. По его мнению, и та и другая — мех куницы. Вряд ли это возможно доказать. П. И. Лященко оговаривается, что меха пушных зверьков выполняли в древней Руси роль денег до появления «Правды Русской» и летописей, то есть до XI столетия.

Наконец, полным голосом во всех трех случаях дает о себе знать металлическая версия. П. И. Лященко даже уверяет, что «Правда Русская» о скоте и кунах говорит как о металлических деньгах. Как бы это было замечательно! Сколько тонн бумаги, сколько труда ученых исследователей было бы сбережено, если бы «Правда Русская» и летописи так прямо и недвусмысленно говорили! К сожалению, такой четкостью и ясностью показаний по этому вопросу они не отличаются.

Странно, что П. И. Лященко ничего не говорит об обращении в древней Руси иноземной, по преимуществу арабской, серебряной монеты. В связи с этим его утверждение, что монеты первой русской чеканки не имели какого-либо значения во внутреннем обороте, звучит диссонансом его уверениям о показаниях «Правды» и летописей. В самом деле, если обращение восточной монеты не удостаивается даже упоминания, а монеты своей чеканки не получили какого-либо значения, то что же такое куны, ногаты, резаны и проч. как металлические монеты?

Вполне понятно, что и учебник для средней школы воспроизводит от издания к изданию то же самое. В главе IV «Распад Киевского государства» можно прочитать: «Первоначально единицами обмена служили меха и скот. Поэтому в старину деньги носили название «скот» и «куны» (куни меха). К XI веку уже появились особые денежные знаки: гривны, то есть слитки серебра определённого веса. Собственной чеканной монеты первоначально не было, пользовались монетой арабской, греческой и западноевропейской. С XI в. в небольшом, правда, коли-

¹ Статья Б. А. Рыбакова в Вестнике Древней Истории № 1, 1939 г., стр. 337.

честве стали чеканить в Киевской Руси собственную монету с изображением киевских князей¹.

Таковы в основных чертах современные представления о денежном обращении древней Руси, распространяемые в изданиях, имеющих тиражи по несколько десятков тысяч экземпляров. Здесь собран, как мы видели, полный ансамбль, весь комплект версий древнерусских денег, версий, созданных еще нашей дворянской и буржуазной исторической наукой.

Совсем недавно, в конце 1954 года, нам пришлось столкнуться с мнением, что версия древнерусских денег-скота не может считаться распространенной «не только в советской исторической науке, но и дореволюционной»². Автор этой точки зрения проф. П. Епифанов, заведовавший отделом истории СССР журнала «Вопросы истории». Мы видели только что, в какой мере такое мнение является ошибочным. В советской литературе эта версия имеет хождение даже в большей степени, чем в дореволюционной. Она продолжает распространяться и по сей день. Вот пример. В 1955 году вышел в свет учебник для экономических вузов по курсу «Денежное обращение и кредит капиталистических стран» проф. Э. Я. Брегеля. Автор считает скот, быка или корову деньгами первобытного общества, первобытной формой денег³. С этим нельзя не согласиться. Когда же в конкретной обстановке восточноевропейского производства совершился переход к цивилизованным формам денег? Проф. Э. Я. Брегель утверждает, что «переход от этих первобытных видов денег к металлическим деньгам» произошел во времена Киевской Руси⁴. Во времена Киевской Руси они еще существовали, и только здесь совершился этот переход. Иначе это понять невозможно. По сей день эта версия имеет хождение не только среди экономистов, но и историков, конкретно, например, в журнале «Вопросы истории» за 1955 год⁵.

Обратимся к литературе несколько иного характера. Перед нами первый том «Истории культуры древней Руси», изданный Академией наук СССР в 1948 году.

Интересующему нас вопросу в этой работе отведена специальная, девятая, глава, представляющая собой тоже итог, но в более широком плане, так сказать, развернутый итог. В этом нас убеждает не только общая композиция главы, но и часто употребляемые автором, Б. А. Романовым, выражения: «многие ученые считают», «существует мнение ряда исследователей», «эта точка зрения не получила общего признания» и т. д. и т. п.

¹ История СССР. Учебник для 8-го класса средней школы, изд. 13-е, 1954 г., стр. 52.

² Письмо от 12. X. 54 г., № 2818—317.

³ Э. Я. Брегель. Денежное обращение и кредит капиталистических стран, М., 1955 г., стр. 9.

⁴ Там же, стр. 318.

⁵ Вопросы истории, № 11, 1955 г., стр. 73.

Автор главы свое отношение к версии денег-скота формулирует следующим образом: «В XI веке на Руси,— пишет он,— термин «скот»-«деньги» являлся уже пережитком...»¹. Он считает, что скот (скотница-казнохранилище) в смысле денег указывает лишь, что «некогда роль денег играли действительно домашние животные»².

Задачу выяснения этого «некогда» применительно к восточному славянству он перед собой не ставит и попыток в этом направлении не предпринимает. Являлся ли «скот» речевым пережитком и для древнейшего периода Руси, то есть для IX и X веков? Ясного и четкого ответа на этот вопрос автор главы не дает. Создается впечатление, что в этом вопросе Б. А. Романов находится под сильным воздействием работ В. В. Святловского, которые мы рассмотрели выше и, таким образом, занимает аналогичные позиции.

Это подтверждается и точкой зрения автора на меховую версию древнерусских денег. По этому поводу он указывает, что из меховых или созвучных меховым названий ряда древних русских денежных единиц делались заключения, «что деньгами в XI—XII веках служили меха (куницы, белки). Но существует мнение,— продолжает автор,— что термины эти пережиточные и что в письменных памятниках XI—XII веков они означают металлические деньги»³.

По его мнению, следующий текст Лаврентьевской летописи под 1068 годом: «двор же княжь разграбиша, бещисленное множество злата и сребра, кунами и белью» неопровергимо подтверждает правоту металлической версии.

Сколько было высказано мнений и сомнений, поломано копий по поводу этого текста! Сторонники меховой версии ведь тоже считают его неопровергимым доказательством своей правоты, понимая его так: было разграблено много золота и серебра, а также мехов в виде куници и белок.

Несколько даже противоречива точка зрения Б. А. Романова на X и IX века. С одной стороны, освещая вопрос о притоке с Востока диргемов, автор указывает: «Почти целые два столетия (IX и X) диргемы представляли собой единственную металлическую валюту в названных странах»⁴. По контексту это относится и к Восточной Европе. С другой стороны, давая тонкий и убедительный анализ роли денег в даннической сфере, автор делает, правда, глухой намёк, совсем в духе Ключевского, на существование двух «валют»,— металлической и меховой. Заканчивая анализ, он указывает, что взимание дани «на практике открывало неограниченные возможности всяческих конверсий натуры в деньги и обратно, на основе параллельного существования

¹ История культуры древней Руси, т. I, 1948 г., стр. 370.

² Там же.

³ Там же, стр. 370—371.

⁴ Там же, стр. 381.

двух бытовым образом сладившихся «валют» и всяческих компромиссов и смешений в разных пропорциях тех или иных элементов дани в зависимости от хозяйственной специфики района»¹.

Но как бы то ни было, автор — явно сторонник металлической версии древнерусских денег.

А эта версия, как отмечалось выше, сама собой порождает обязанность для ее сторонников указать в нумизматических собраниях на монеты, говоря словами Успенского, «с изображением сих зверьков или их частей в малом виде». Успенский и Каченовский в первой половине XIX века сделать этого не могли. Не смогли это сделать сторонники версии ни во второй половине XIX века, ни в текущем XX столетии, хотя нумизматические коллекции за эти сто лет значительно пополнились монетными кладами, зарытыми на территории Восточной Европы во времена древней Руси. Количество монет из этих кладов насчитывается тысячами. Это было большой слабостью металлической версии древнерусских денег, её самым уязвимым местом. Противники её, то есть сторонники меховой и ассигнационной версий, для которых археологическая опора считалась необязательной, черпали в этой слабости металлической версии свои самые «убийственные» аргументы. В самом деле, почему древние мученики меновой стоимости зарыли в земляные сейфы многие тысячи диргемов, милиарисий, русских серебреников, западноевропейских динариев и почему не было зарыто ни одной металлической куны, ногаты, резаны, мордки и проч.?

Очевидно потому, что последних в природе не существовало.

Заметим, что «Правда Русская» и летописи, если не считать «одиноко стоящего щляга», которым еще хазары взимали дань с вятичей, не содержит каких-либо наименований для диргемов, милиарисий, русских серебреников, западных динариев и т. д. Для письменных источников последние как бы не существуют. Наименования чужеземных, по преимуществу западноевропейских и прибалтийских, монет появились в летописях и других документах значительно позднее, на рубеже XIV и XV столетий.

Сложилось любопытное положение. Письменные памятники содержат наименования: куна, ногата, резана и проч. В вещественных памятниках их нет. В письменных источниках нет никаких наименований для диргемов, серебряных монет первой русской чеканки, милиарисий, динариев и т. д.; вещественные памятники имеют их десятками тысяч.

Одним словом, есть слова, но нет для них вещей, есть вещи, но нет для них слов.

В рассматриваемой работе предлагается следующее решение вопроса, с намеками на которое мы выше встречались в дореволюционной литературе (Забелин, Черепнин).

¹ История культуры древней Руси, т. I, 1948 г., стр. 377.

«Привоз в Восточную Европу диргема, естественно, должен был отразиться на местных деньгах. Составляя постоянно эквивалент шкурки куницы, диргем получил её наименование, то есть стал называться «куной», а четвертушка или, быть может, даже меньшая часть диргема — «свеверицей» или позже «векшей». Так, предположительно, можно объяснить, почему слово «куны» получило значение денег вообще. Деление диргемов на части производилось не только в Восточной Европе, а ещё и на их родине, откуда в разломанном на части виде они и завозились сюда вместе с цельными диргемами. Половину куны или диргема обитатели Руси называли, вероятно, «резаной».

Когда с течением времени, рядом со старыми полноценными диргемами, стали при расплате все чаще попадаться обрезанные в круг монеты, а серебро в них ухудшилось — о чём свидетельствуют материал самих кладов и известия арабских писателей,— то создалось различие между старым, полноценным экземпляром и новым, худшим, причем первый расценивался на некоторую часть диргема выше второго. Хороший диргем тогда же получил кличку «ногаты» от арабского «нагд» — полноценная монета¹.

Восточное монетное серебро притекало к нам наиболее интенсивно на протяжении двух сотен лет, в IX и X веках. Но начало этого прилива, особенно в Северо-Восточную и Северную Русь по Итилю, вещественными памятниками регистрируется еще в VIII и даже VII столетиях². Естественно, возникает вопрос к автору. На какой местной валюте или местных деньгах отразился или должен был отразиться этот прилив арабских диргемов? Ответа на этот вопрос автор не дает. Судить о мнении автора по этому вопросу можно лишь косвенно: диргем был постоянным и привычным эквивалентом шкурки куницы и поэтому принял наименование куны. Этот экономический, стоимостный ход рассуждений автора весьма импозантен, хотя прямыми показаниями и свидетельствами он подтверждается весьма слабо, а поэтому представляется лишь хорошим домыслом, гипотезой. Впрочем, последнее автор подтверждает сам, указывая на предположительный характер объяснения вопроса: почему куна стала наименованием диргема, а куны стали означать деньги вообще.

Как мы видели выше, мысль, что куны древней Руси — это диргемы, русские серебренники первой чеканки и т. д., в дореволюционной буржуазной историографии была высказана И. Е. Забелиным, поддержана и развита А. И. Черепниным, а в наше время её воспринял Н. П. Бауэр, расчет которого, приводимый ниже, заимствовал и Б. А. Романов.

Этот шаг (диргем-куна), однако, влечет за собой далеко идущие последствия.

¹ История культуры древней Руси, т. I, 1948 г., стр. 385—386.

² Г. Ф. Корзухина. Русские клады, 1954 г., стр. 34.

В литературе вопроса считаются, по-видимому, общепризнанными следующие, сложившиеся к XI, заметим, не в XI, а именно к XI веку, соотношения между древнерусскими денежными единицами, во главе которых должна быть поставлена таинственная не менее, чем все другие единицы, гривна: 1 гривна равна 20 ногатам, равна 25 кунам, равна 50 резанам. Сильно оспаривается и не может считаться общепризнанным отношение гривны к веверице: 1 гривна равна 100 веверицам.

Итак, отправной пункт суждений таков: куна — это диргем, а куны вообще — это диргемы, серебряные монеты вообще, деньги. Следующий шаг приобретает уже характер логической обязательности: ногата — это тоже диргем. Но так как по всем данным ногата была несколько большей денежной единицей, чем куна, то следует вывод: ногата — хороший, полновесный, необрзанный, из доброго серебра, диргем, а куна, напротив, обрезанный, неполновесный, из серебра плохого качества, словом, плохой диргем. Это умозаключение в нумизматических, то есть вещественных, памятниках может найти себе опору.

Дальше уже совсем легко: резана — это половина разрезанного надвое худого диргема-куны, веверица или векша — еще более дробная часть. Вещественные памятники это могут поддержать с не меньшей силой.

Несколько смущает возможный коварный вопрос: как же называлась половина хорошего диргема, то есть ногаты?

Автор продолжает: «Из этих четырех единиц — ногаты, куны, резаны и веверицы — к XI веку сложился денежный счет с серебряной гривной во главе.

Так как ногата-диргем содержала 2,46 грамма серебра, то в этом счете:

1 гривна равна 49,25 гр. серебра, равна 20 ногатам, равна 25 кунам, равна 50 резанам, равна 100 веверицам.

1 ногата равна 2,46 гр. сер., равна 1,25 куны, равна 2,5 резаны, равна 5 веверицам.

1 куна равна 1,97 гр. сер., равна 2 резанам, равна 4 веверицам.

1 резана равна 0,98 гр. сер., равна 2 веверицам.

1 веверица равна 0,49 гр. сер.

Необходимо заметить, что наименьшая единица, веверица, слабее всех других определена в наших памятниках, и поэтому ее отношение к резане могло быть и несколько иным»¹.

Выше уже отмечалось, что в этом построении ногата, куна, резана и веверица могут найти себе опору в вещественных памятниках. В нумизматических кабинетах можно найти немало диргемов в 2,5 грамма, в 2 грамма и частей в 1 грамм и менее. В этом отношении нумизматика сообщает построению характер большой убедительности.

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 386.

А как обстоит дело с гривной, которая возглавляет все построение, наиболее часто упоминается в письменных памятниках и справедливо считается главной древнерусской денежной единицей?

Имеются ли в кладах, зарытых в IX и X столетиях, какие-либо серебряные монеты 50-ти граммового веса? Монет нет. Но, может быть, гривна была серебряным слитком? Таких слитков тоже нет.

Это обстоятельство сильно ослабляет приведенную шкалу соотношений между древнерусскими металлическими денежными единицами, сложившуюся ко временам «Краткой Правды» Ослабляет, однако, отнюдь не безнадёжно.

Более чем двухсотлетний приток диргемов в Восточную Европу прекратился в конце первой трети XI века. Вместо него на протяжении следующих ста лет, то есть до конца первой трети XII века, стал проникать западноевропейский динарий. Приток его имел место и раньше и позднее. Мы отмечаем это столетие в связи с прекращением прилива диргемов, а также потому, что в этом веке приток динария был наиболее интенсивным.

Как это отразилось на древнерусском денежном счете?

Автор рассматриваемой работы пишет по этому вопросу: «Завоз западноевропейских монет морским путем на русскую территорию и их распространение в северо-западной и западной Руси нашел свое отражение в денежном счете «Пространной Русской Правды» XII века: он уже не знает той куны, которая в отличие от ногаты обозначала в «Краткой Правде» XI века низкопробный диргем X века и равнялась одной двадцать пятой гривны, и не знает той резаны, которая в отличие от цельной куны-диргема обозначала обломок диргема в одну пятидесятую гривны. Куна в «Пространной Правде» обозначает целый динарий, близкий по своему металлическому содержанию одной пятидесятий гривны. Однако же ногата (как ни редки в кладах этого времени диргемы) не потеряла своего отношения к гривне, как 1 : 20, и, как было уже указано выше, ее бытование удостоверяется для XII—XIII веков такими письменными памятниками, как «Слово о полку Игореве» для юга и Лаврентьевская летопись для ростово-суздальско-новгородского севера (Лаврентьевская летопись, 1169 г.).

Точно также не исчезла из обихода и резана, сохранившая значение одной пятидесятий части гривны кун. Для Новгорода XII—XIII веков это удостоверяется духовной Климентом и 1-й Новгородской летописью (1137 г.), для ростовских земель — статьями о приплоде скота в Карамзинском списке «Русской Правды», для южной Руси — «Словом о полку Игореве».

Таким образом, денежный счет XII века можно представить в следующем виде:

1 гривна равна 49,25 гр. сер., равна 20 ногатам, равна 50 кунам, равна 100 векшам.

1 ногата равна 2,46 гр. сер., равна 2,5 куны, равна 5 векшам.
1 куна равна 1 резане, равна 0,98 гр. сер., равна 2 векшам.
1 векша равна 0,49 гр. сер.

Значит, как бы ни назывались в отдельных областях Руси те или иные части кунной гривны, эта гривна продолжала оставаться основой денежной системы и тогда, когда потеряла свою реальную базу, то есть когда древняя Русь вернулась к безмонетной системе. Поборы и товары продолжали и дальше расценивать на гривну кун и ее давно привычные фракции, безотносительно к тому, в каких единицах реально происходила расплата (например, как предполагают, в шкурках)¹.

Ногата, куна, резана XII столетия также могут найти себе опору в нумизматических памятниках. Это могут быть и диргемы предшествующих периодов, наконец, западноевропейский динарий, который, по мнению автора главы, «мог очень удачно включиться в этот счет, так как он был по своей ценности (вещевому содержанию серебра от 1 до 1,5 гр.) близок к резане»².

А как же с гривной? Появились ли в вещественных памятниках XII века гривенные монеты или слитки из серебра? Монеты — нет, гривны-литки — да. В наших нумизматических собраниях насчитываются сотнями серебряные слитки шестиугольной формы (ромбик с усеченными длинными концами), датируемые археологами XII веком. Клады с этими слитками открыты по преимуществу в южной Руси, поэтому они получили наименование киевских гривен. Богатые клады с такими слитками на севере (Тверь, Дягунино) не колеблют указанного наименования. Форма их единодушно признается автохтонной и нигде не находящей себе аналогов. К сожалению, они имеют вес не в 50, а в 159 грамм в среднем (колебания в пределах 135—169 грамм). Это не та гривна, которая нам нужна для того, чтобы приведенным построениям придать характер полной убедительности.

Наши письменные памятники знают употребление терминов просто гривна, гривна кун и, наконец, гривна серебра. Из приведенных выдержек видно, что автор между гривной и гривной кун ставит знак равенства. Он не видит здесь проблемы. А между тем это, по нашему мнению, требует, по меньшей мере, выяснения и обоснования.

Вообще о древнерусской гривне в нашей дореволюционной и советской литературе существует большая разноголосица. Это, в частности, подтверждает и сам Б. А. Романов. Характеризуя масштабы обращения денежного серебра на самых ранних ступенях, то есть еще во времена древнейшей Руси, автор пишет: «Над всем здесь стоит из ряда вон выходящая, вероятно, леген-

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 389—390. Шкала позаимствована автором у Н. П. Бауера. Вспомогательные исторические дисциплины.

² История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 386.

дарная, цифра охотно цитируемого историками летописного рассказа об Олеговом походе на Царьград в 907 году, когда греки якобы уплатили Руси дань по 10 гривен «на ключ» (весло), что составляет, из расчета двух тысяч кораблей, по 40 гребцов в каждом, 900 000 гривен. Принимая весовой размер гривны не в 1 фунт, как делают одни, не в одну десятую фунта, как делают другие, а в одну треть фунта (согласно расчетам Прозоровского), мы бы имели здесь массу серебра в 320 000 фунтов или 8 000 пудов¹. Автору следовало бы добавить в этот перечень версий о весе гривны и версию о 50-граммовой, то есть в одну восьмую фунта.

Позволительно, конечно, спросить: почему здесь для расчета автор принимает вес гривны в одну треть, а в приведенных выше шкалах в одну восьмую фунта? Ответ ясен. Потому, что 20 ногат-диргемов весят 50 граммов. Автор высказывает мысль о возможной легендарности приведенного летописного рассказа. Было бы логичнее и естественнее не увеличивать эту легендарность, опереться не на Прозоровского (гривна — одна треть фунта), а на Бауера (гривна — пятьдесят граммов), поскольку принимается его шкала соотношений металлического содержания древнерусских денежных единиц.

Решение этого вопроса лежит, по-видимому, в плоскости: а) признания нетождественности гривны и гривны кун и б) счетного характера 50-граммовой гривны, которая и была гривной кун в отличие от гривны веса.

Автор совершенно справедливо дает очень высокую оценку древнерусской денежной системе. По этому поводу он пишет: «Как бы ни объяснить эту развитость и четкость древнерусской денежной системы, необходимо отметить исключительные ее качества в ряду других современных ей европейских систем. Если бы эта развитая денежная система сохранена была для нас только юридическим памятником, можно было заподозрить ее жизненность и усмотреть здесь лишь теоретический счетный прием, продукт отвлеченного схематизма законодателя или какого-либо заимствования. Но реальное значение всей этой денежной системы иллюстрируется летописными рассказами о самых разнообразных житейских случаях, в которых ее мелкие денежные единицы выступают как яркие бытовые черты повествования»².

После столь высокой аттестации буквально через несколько страниц автор вдруг заявляет, что длительное обращение диргемов, милиарисий, русских серебреников и динариев под наименованием ногат, кун, резан и т. п. «не отражало внутренней потребности русской экономики в мелких платежных знаках...»³. После «реального значения всей этой денежной системы», под-

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 377.

² Там же, стр. 372.

³ Там же, стр. 390.

тврждаемого «самыми разнообразными житейскими случаями, в которых ее мелкие денежные единицы выступают как яркие бытовые черты...», вдруг заключение, что все это не отражало внутренних потребностей древнерусской экономики. Тут у автора явное противоречие. В движении древнерусской экономической жизни отчетливо выступает развивавшаяся противоположность между городом и деревней. Денежная система не отражала внутренних потребностей древнерусской деревни, погруженной в густой натурально-хозяйственный мрак. Она, однако, отражала внутренние потребности древнерусских городов, разнообразных ремесел, торговли, купечества.

Ссылка автора на то, что развитость денежной системы была результатом только временного положения Руси в международной торговле, звучит неубедительно после заявлений о глубоком проникновении денежных единиц в русский внутренний экономический обиход. Допустим, что все это было так, что уже в XI и XII веках имела место экономическая деградация, выражением которой была и деградация в денежном обращении. Без риска сообщить всему построению характер полной неубедительности, оставить этот очень важный поворотный момент без подробного обоснования и объяснения, ограничившись глухими ссылками на временное положение Руси в международной торговле, нельзя.

Далее. Автор главы приводит довольно распространенное мнение, что южная Русь с конца XI, а Новгородская с середины XII столетия отказываются от монетного обращения, или, как пишет автор, возвращаются к безмонетной системе. Когда же на Руси существовала безмонетная система денежного обращения, о возврате к которой говорит Б. А. Романов? На Руси такой системы не было, ибо IX и X века характеризуются как раз обращением серебра, и именно в монетной форме. О дорусском, то есть антском периоде, который был также монетным, речь будет идти ниже.

«Однако, в целях накопления и при крупных расчетах,— продолжает Б. А. Романов,— какие-то формы металлического обращения по-прежнему были необходимы. И мы видим в древней Руси редкое в истории человечества обращение значительного количества слитков»¹. Необходимо отметить, что точка зрения о так называемом безмонетном периоде является чисто археологической и в письменных памятниках и свидетельствах подтверждения не находит. Ногата, куна и резана продолжали бытовать в них долго еще после XII столетия. Взгляд о безмонетной системе вообще требует самой тщательной проверки.

Недавно с весьма оригинальным предложением выступил В. Л. Янин. Он констатирует, что взгляд о переходе Руси к безмонетному периоду находится в противоречии с теми архео-

¹ История культуры древней Руси, том I. 1948 г., стр. 390.

логически фиксируемыми существенными изменениями, которые имели место в русском ремесле XI и XII веков. «На смену кропотливой работе на заказ приходит, — пишет он, — массовое изготовление продукции на рынок. Печерский Патерик рисует картину киевского торга именно как рынка мелкой розничной торговли. Казалось бы, как раз в это время должна была быстро расти потребность в мелких денежных знаках¹. Принимая тем не менее концепцию перехода к безмонетности, В. Л. Янин предлагает следующее объяснение и разрешение указанного противоречия. «Поэтому можно предполагать, — пишет он, — что система денежного счета в безмонетный период обеспечивалась употреблением товаро-денег иного характера, именно: некоторых распространенных и имевших постоянную и хорошо известную населению стоимость предметов ремесленного производства, которые могли временно приобретать функции покупательного средства. К таким стандартизованным и широко распространенным в древней Руси предметам могли относиться в первую очередь различные бусы, стеклянные браслеты, шиферные прядица, ранние формы которых встречаются в монетных кладах XI века². Поразмышлять над гипотезой В. Л. Янина следует. Однако, если бы специалисту удалось доказать беспочвенность концепции безмонетного периода, то указанное выше весьма существенное противоречие само собой отпало бы. Попытки В. Л. Янина объяснить безмонетность распыленностью древнерусского серебряного фонда совсем неубедительны.

Итак, автор главы, Б. А. Романов, является сторонником металлической версии древнерусского денежного обращения, хотя и допускает, что в безмонетный, то есть слитковый период, при сохранении функции меры стоимости за металлом реально расчетные акты могли обслуживаться и шкурками пушных зверьков³. На какой-то период он допускает и своеобразное двоевалютие, то есть существование меховой и серебряной валют.

Мы с большой подробностью и вниманием, поскольку это позволяет задача простой историографической справки, остановились на работе Б. А. Романова потому, что в советское время она является лучшей по рассматриваемому вопросу, выполненной со знанием дела, хотя и не лишенной при этом заметных недостатков.

Первый том «Истории культуры древней Руси», как мы отмечали, вышел в свет в 1948 году. В этом же году была опубликована одна из последних работ покойного члена-корреспондента Академии наук СССР Ф. И. Михалевского. Мы имеем в виду первый том «Очерков истории денег и денежного обращения».

¹ В. Л. Янин. Статья в «Вопросах истории», № 8, 1955 г. стр. 140.

² Там же, стр. 141.

³ История культуры древней Руси, том 1, 1948 г., стр. 390.

Деньги в феодальном хозяйстве». Этот том по замыслу автора представляет собой вводную часть широко задуманной пятитомной серии «Очерков истории денег и денежного обращения в капиталистическом хозяйстве и хозяйстве социалистическом». Особый интерес к этой работе объясняется тем, что она написана экономистом, причем крупным экономистом, бесспорным знатоком теории денег, сделавшим серьезный положительный вклад в советскую экономическую литературу своими, например, работами по золоту.

По вопросам денежного обращения древней Руси Ф. И. Михалевский занимает следующие позиции. Наиболее четко он определяет свое отношение к версии денег-скота. «Общеизвестно, что на Руси до мехов и металлических денег роль денег играл скот (откуда название казны-скотница)», — пишет он¹. Как и И. А. Трахтенберг, он считает это утверждение не нуждающимся ни в каком обосновании. Настолько оно ясно и бесспорно.

Ф. И. Михалевский, далее, допускает возможность обращения в древней Руси как субстанциональных меховых денег, так и меховых знаков стоимости, знаков денег. «Не имея возможности, — указывает он, — предпринять самостоятельные изыскания по вопросу об обращении меховых денег на Руси, я ограничусь некоторыми замечаниями об экономической стороне этой проблемы, которые, быть может, пригодятся историкам при дальнейших исследованиях.

Экономически вполне допустимо обращение целых мехов, которые в любой момент могут быть превращены из денег в предмет потребления подобно тому, как это имеет место с благородными металлами. Теоретически может быть допущено и обращение головок. Число головок не может превышать числа убитых зверей и, следовательно, ограничено количеством труда, которое может быть затрачено на охоту, и производительностью этого труда. С этой точки зрения теоретически допустимо обращение шкурок и после того, как на них вытерлась шерсть.

Наконец, обращение штемпелевых кусков кожи в качестве заменителей денег может возникнуть вследствие того, что такие куски кожи первоначально обменивались по требованию в определенном пункте на меха, а затем превратились в знаки, выпускаемые властями и обращавшиеся на таких же основаниях, как и бумажные деньги.

Следует учесть самый характер платежного оборота на Руси в рассматриваемую эпоху. Употребление мехов вместо денег более вероятно в те периоды и в тех местах, когда и где деньги преимущественно выполняли функцию меры стоимости, скрощива и одностороннего платежного средства (виры, дани), и

¹ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения, том I. Деньги в феодальном хозяйстве, 1948 г. стр. 14.

менее вероятно, где речь идет о средстве массового обращения товаров»¹.

Судя по контексту второй части тома (гл. гл. XVI—XVIII), Ф. И. Михалевский является также сторонником металлической версии древнерусских денег.

Соображения маститого ученого по поводу меховой и ассигнационной версий кун носят, к сожалению, чисто теоретический характер и решения вопроса в положительной форме не дают. Это вполне понятно, ибо такое решение может прийти лишь на базе фактов древнерусской исторической действительности.

Ф. И. Михалевский, таким образом, из дореволюционного научного наследства принимает все либо в определенно положительной форме (версия денег-скота и металлическая версия), либо в форме экономической и теоретической возможности или допустимости (меховая и ассигнационная версии).

В литературе самых последних лет (мы имеем в виду наши пятидесятые годы) меховая версия имеет, однако, хождение отнюдь не только в форме теоретической допустимости или возможности. М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина, давая пояснения к Уставу Святослава Ольговича (1137 год), указывают: «...соро́чек — денежная единица, употреблявшаяся на севере, уменьши́тельное от слова «сорок»... В Новгородских грамотах счет ме́ховых шкурок на сорок обычен, речь идет о шкурках беличьих, ку́ньях и собольих»².

В журнале «Вопросы истории» в 1954 году авторы статьи «Товарное производство на Руси (до XVII в.)», имея в виду время, когда Русь вошла в торговое соприкосновение с Востоком, пишут: «На этой стадии развития обмена и зарождавшегося товарного производства роль денег у славян выполняли иностранные монеты, а также такие всеобщие потребительные стоимости, как меха и скот (например, по «беле и веверице» собирали и платили дань; скот как платежное средство упоминается в памятниках права)»³.

Версию денег-скота весьма решительно поддерживает историк феодализма, нашего и зарубежного, Ф. Я. Полянский, причем поддерживает со своеобразной аргументацией, на которой подробно мы остановимся ниже.

Весьма скептически к версии древнерусских денег-мехов относится В. Л. Янин. Он пишет: «Если для adeptov буржуазной теории о чисто промысловом характере экономики древней Руси представления о меховых ценностях как о всеобщем средстве обращения были вполне закономерным развитием их основных

¹ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения, том I. Деньги в феодальном хозяйстве, 1948 г., стр. 235.

² М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника Новгородской письменности, М., 1952 г., стр. 22.

³ Вопросы истории, № 1, 1954 г., стр. 120.

взглядов, то для нас представления о русском ремесленнике, производящем продукт на продажу, а за деньгами бегающим в соседний лес, несовместимы ни с каким здравым смыслом¹.

А. Л. Монгайт в рецензии на указанную работу В. Л. Янина предостерегает: «...исследователю русских денежно-весовых систем нельзя так легко «отделаться» от меховых денег². Рецензент — сторонник меховой версии.

Выше мы обобщили наш обзор массовой учебной литературы по общей истории и истории народного хозяйства в интересующем нас отношении. Обзор неучебной литературы мы, очевидно, не можем резюмировать иначе. В наших современных представлениях о деньгах древней Руси, как мы видели, продолжают бытовать взгляды, основы которых были заложены еще дворянско-буржуазной исторической наукой: и скот в роли денег древних руссов, и меха, и клейменые лоскутки шкурок пушных зверьков, и, наконец, благородные металлы, по преимуществу серебро, однаково находят себе приют на страницах нашей большой учебной и научно-исследовательской литературы.

Исключим из поля нашего зрения ассигнационную версию. Клейменые лоскутки шкурок пушных зверьков в научном отношении так же, как, например, бумажные деньги, не суть деньги. Совершенно ясно, что они не могли выполнять важнейшую функцию денег, именно, функцию меры стоимости, поскольку сами не обладали стоимостной субстанцией. Они могли быть лишь заместителями, знаками действительных денег.

Сосредоточим свое внимание на скоте, мехах и серебре. Может быть, в древней Руси действительно так и было, может быть, весь этот комплект товаров либо в определенной последовательности, либо на каких-то отрезках времени параллельно играл роль денег, и, таким образом, наши представления отражают имевшее место фактическое положение вещей? Хронологически древняя Русь настолько значительный отрезок времени, что на тесноту или недостаток места жаловаться не приходится.

Из сделанного нами обзора мы могли видеть, что и дореволюционная и советская историческая наука отвечают на поставленный вопрос в общем и целом положительно.

Заметим, что такой ответ в значительной мере инспирируется чисто терминологически. Понятие, передаваемое на современ-

¹ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период, 1956 г., стр. 187.

² Вопросы истории, № 3, 1958 г. Утверждение А. Л. Монгайта, что в пользу древности мехового обращения говорит «Русская Правда», ошибочно. Она не содержит ясных указаний, что денежные суммы штрафов, возмещений и т. п. исчислены в шкурках пушных зверьков. Что касается ссылок на показания Наджиба Хамадани (Ахмеда Тусского) и Абу Хамида аль-Гранди аль-Андалузи, то ведь в них явно речь идет не о деньгах, а о знаках денег.

ном русском языке термином «деньги», в домонгольской Руси передавалось терминами «скот», «куны» и «серебро»¹.

Разве не велик соблазн следовать этому терминологическому ряду? Скот? Значит, бык или корова. Куны? Значит, меха куниц, выкунившихся пушных зверьков вообще (проф. Усов). И т. д. и т. д.

Соблазн встать на такой путь действительно очень велик. Велик потому, что вопросы решаются удивительно легко и просто, проблемы нет, исследователь обретает покой. Всегда ли обретает он на этом пути истину, это вопрос другой. За французским, например, аргент-серебро ведь оказываются и золотые монеты, и медные, и бумажные билеты.

Мы уже проводили выше мысль, что неправомерно было бы к дореволюционному научному наследству относиться огульно отрицательно. Вред от этого был бы совершенно очевиден. Однако также неправомерно было бы не видеть, не быть настороженным к тому, что положительное в этом наследстве перемешано с ложным, которое было порождено и не могло быть не порожденным, как мы также отмечали выше, порочностью метода, ме-

¹ Вот что по этому поводу пишет И. И. Кауфман в своей книге «Серебряный рубль в России», 1910 г., СПБ: «От домонгольской эпохи и от ближайшего к ней времени (скажем, до начала XIV века) до нас дошло в древней письменности довольно много известий, в которых упоминаются денежные суммы; но сравнительно до нас дошло гораздо меньше известий, в которых слово «куны» употребляется в том смысле, в котором мы теперь употребляем слово «деньги». В этом отношении слово «куны» замечательно тем, что время, в продолжение которого оно только одно служило для этой цели, было сравнительно короткое. Ходячие взгляды по этому предмету отличаются значительной сбивчивостью. Даже авторитетнейшие историки полагают, что у нас сначала только слово «куны» служило для общего обозначения денег, а потом, скоро после того, как древнерусское население познакомилось с татарским словом «деньги», это слово вытеснило слово «куны» и вошло во всеобщее употребление в нынешнем его смысле. Это неверно. Окончательно слово «деньги» в нынешнем его общем смысле вошло во всеобщее употребление только в эпоху Ивана Грозного, около половины XVI века; только с этого времени оно совершенно вытеснило всякий иной способ обозначения этого понятия. Для цели обозначения этого же понятия оно служило некоторое время (может быть, около полувека) уже и до половины XVI в.; но тогда не оно одно служило для этой цели. И не слово «куны» служило для этого, а другое слово, которое некоторое время конкурировало со словом «куны» даже уже до XIV ст., вытесняя его в большинстве случаев уже с XIV века.

Но слово «куны» не может считаться и наидревнейшим выражением этого понятия, которое мы теперь обозначаем словом «деньги». Наидревнейшее выражение для этого составляет слово «скот»; ... слово «скот», конкурируя со словом «куны», еще в XI ст. служило для той же цели, для которой мы пользуемся словом «деньги»... Но уже с XII ст. выступает новый конкурент слова «куны», конкурент очень опасный и сильный, с течением времени все чаще и чаще вытесняющий слово «куны» и занимающий его место. Этот конкурент слово серебро, не в смысле названия белого драгоценного металла, а в том же смысле, в котором французы употребляют слово аргент, в смысле денег вообще, всяких денег,— в том смысле, в котором и монеты из золота и меди составляют аргент....» Стр. 1—2.

тодологической немощью дворянско-буржуазной исторической науки.

Проявили ли мы необходимое научно-критическое отношение к этому наследству по рассматриваемым нами проблемам? Отобрали ли мы из него только добротные, может быть в немалом количестве, полноценные зерна научной истины? С достаточным ли приложением очистили мы его от всего ложного, место которому, по справедливости, только на свалочных местах науки?

К сожалению, в ряде случаев мы оказались неразборчивыми наследниками, беззаботно и некритически освоившими все или почти все, в том числе и ложное, оставив его в нашем научно-литературном обиходе.

Само собой разумеется, что такое утверждение должно быть еще доказано, обосновано.

Сделанный нами обзор мы назвали историографической справкой. Он действительно не более, чем справка, и, как справка, передает лишь суть дела, без деталей и подробностей и не охватывает все работы, всех авторов, дореволюционных и советских, так или иначе занимавшихся проблемами денежного обращения древней Руси. У нас, собственно говоря, в этом не было нужды. Обзор, следовательно, неисчерпывающий, неполный. И тем не менее, он дает возможность составить необходимое представление о степени сложности, противоречивости и запутанности этого, хотя и не центрального и не важнейшего, вопроса древнерусской исторической действительности.

В нашей исторической науке были куда более сложные, противоречивые и запутанные вопросы, которые, по справедливости, должны быть отнесены к разряду важнейших, решающих. Мы имеем в виду вопросы о производительных силах древней Руси, о характере производственных отношений, о социальной сущности класса смердов-сирот, основного эксплуатируемого и самого многочисленного класса, выносившего главную тяжесть процесса воспроизводства древнерусской общественной жизни. Некоторые буржуазные исследователи в поисках правильного решения этих проблем приходили в состояние крайнего уныния и безнадежности. А. Е. Пресняков, например, по вопросу о смердах писал: «Решение его представляет трудности почти непреодолимые. Вопросу о древнерусских смердах суждено, по-видимому, оставаться крайне спорным — надолго, быть может, навсегда»¹.

Усилиями советских историков и их надежнейших помощников — археологов удалось успешно разрешить многие сложнейшие вопросы. И дело здесь, разумеется, не в том, что народилось какое-то особо талантливое поколение исследователей. Главной причиной этих успехов является поступившая на вооружение наших ученых марксистско-ленинская методология.

На недостаток уныния и неверия в возможность решения про-

¹ А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 287.

блем денежного обращения древней Руси дореволюционная историческая наука пожаловаться также не может. Вот один из примеров. Сторонник меховой версии М. Заблоцкий писал: «Не говоря уже о кунной или гривенской системе, вполне разгадать которую едва ли когда-либо будет возможно, мы далеко еще не вполне прояснили себе ближайшую к нам систему рублевую¹. И далее еще более уныло: «Но объяснение взаимных отношений различного наименования монетных ценностей², встречаемых в письменных источниках того времени, доселе остается только в сфере догадок и предположений. Труды всех лучших наших деятелей на поприще исторических изысканий не привели доселе ни к какому положительному результату. Так, например, размер, по-видимому, основной единицы тогдашнего монетного счета, куны, нам остается неизвестен, не говоря о других монетных величинах: ногатах, белках, резанях, веках и проч. И думаем даже, что точное исследование в этом отношении едва ли когда-нибудь будет возможно: мы не имеем в наличии упоминаемых в актах вещественных знаков ценностей и должны во всех своих выводах ограничиваться темными и сбивчивыми указаниями лептисей об их размере»³.

Все это писалось сто лет тому назад, в 1854 году. Нам представляется, что и тогда не было достаточных оснований для таких настроений безнадежности. Историческая наука, конечно, далеко не в таких масштабах, как сейчас, все же располагала вещественными памятниками. Например, книга П. Савельева «Мухаммеданская нумизматика в отношении Русской Истории» вышла в свет в 1847 году, Нежинский клад был открыт в 1852 году и т. д. и т. п. Буржуазной науке оказалось не по силам правильно понять эти вещественные памятники и на их основе объяснить показания наших письменных источников.

Что произошло за истекшее столетие в деле разработки проблем экономической истории древней Руси? Очень многое, и настолько многое, что потребовался бы не один том самого скрупульного и сжатого изложения и освещения всего этого. В непосредственно интересующей нас области вопросов денежного обращения русская и советская нумизматика за эти сто лет обогатила нас вещественными памятниками в масштабах, во много раз превышающих то, что было накоплено за все предшествующее время.

И тем не менее в этих вопросах мы в сущности топчемся на одном месте. Мы занимаемся порой простым некритическим пересказом дореволюционного наследства, в том числе и его худшей части. Движение вперед в использовании и разработке по-

¹ М. Н. Заблоцкий. О ценностях в древней Руси, СПБ, 1854 г., стр. 2.

² Монетные ценности в понимании автора — это меха пушных зверьков. В названной работе автор пишет: «Начало употребления мехов в качестве монеты...»

³ М. Н. Заблоцкий. О ценностях в древней Руси, СПБ, 1854 г., стр. 10—11.

ложительной части этого наследства сводится на нет тем, что на страницах нашей научной и учебной литературы мы с энергией, достойной лучшего применения, распространяем и утверждаем в качестве неопровергимых истин и его худшую часть, причем в некоторых отношениях делаем это настойчивее, чем это делала сама дореволюционная историческая наука.

Почему это так? Ответ на этот законный вопрос в одной части, в отношении одной ошибочной версии древнерусских денег, будет дан в настоящей работе.

ГЛАВА III

ПРЕДМЕТ И НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1

Мы подошли к определению предмета нашей работы.

Что является лучшей и худшой частью научного наследства по интересующим нас вопросам?

К первой мы относим металлическую версию денег древней Руси. Истина лежит здесь. Лучшей за советский период, двинувшей вперед разработку этой версии, является работа Б. А. Романова, которую мы рассматривали выше. Лучшей, однако, еще не такой, которая могла бы удовлетворить нас вполне. При всех ее достоинствах она еще содержит много «узких мест» и «узлов противоречий», которые подлежат расшивке и развязыванию. Каких? Мы это видели отчасти выше.

Заслуживают внимания последние работы В. Л. Янина. Его бусинная версия древнерусского биллона навеяна сомнениями в истинности концепции безмонетного периода. Для него весьма благодарной представляется работа по пересмотру всех аргументов этой концепции. Не слишком ли она нами всеми догматизируется?

В отношении ассигнационной версии мы решительно воздерживаемся от каких-либо определенных суждений. Вопрос, говоря языком XVIII столетия, требует больших дополнительных разысканий.

К худшой части наследства мы относим меховую версию и к самой худшой — версию денег-скота. Критика этой самой худшей части наследства, показ полной несостоятельности этой версии и составляет собственно предмет нашей работы.

2

Предстоит, таким образом, рассмотреть вопрос, играл ли скот (бык или корова) роль денег на Руси IX—XII столетий, то есть в совершенно конкретной обстановке древнерусского общественного производства. Как подойти к решению поставленной задачи? Как выяснить, имело ли место это явление? Каким методом?

Мысль прежде всего обращается к одной из важнейших черт марксистского диалектического метода. История всякого общества отнюдь не представляет собой хаотическое нагромождение явлений, которые отделены друг от друга, разрознены, независимы, не связаны друг с другом. Наоборот, все явления и стороны жизни общества взаимообусловлены, взаимодействуют, взаимопроникают, связаны, одно порождено другим, одно зависит от другого, это другое от третьего и т. д.

Очень многие явления синхронны, могут существовать только вместе, одновременно, в единстве. Одно не может существовать без другого, оно является условием наличия этого другого. Немыслим, например, капиталист без наемного рабочего, буржуа без пролетария, феодал без крепостного, раб без своего владельца и т. п. Сюда синхронна феодальным отношениям производства, так же как паровая машина — капиталистическим и т. д. и т. п. Эта синхронность в сущности является одним из аспектов экономического закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Все эти примеры весьма грубы, но они безусловно верны, истины.

У синхронности и соответствия есть свои противоположности — асинхронность и несоответствие. Мыслим ли капиталист с наемным рабочим, вооруженным каменным топором, или, скажем, трактор на полях феодальной вотчины Ярослава, или — не рота и не взвод, а отделение автоматчиков на поле Куликовом? Конечно, нет. Все здесь несоответственно, асинхронно. Примеры эти не менее грубы, грубо элементарны, но и не менее верны, истины.

Экономисты-историки, к сожалению, недостаточно занимаются разработкой конкретных вопросов действия экономического закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил в различных общественно-экономических формациях. А такая разработка, без сомнения, дала бы огромное количество, и притом более сложных и тонких, примеров синхронности и соответствия и их противоположностей.

Большое количество примеров синхронности общественно-экономических явлений можно найти в работах классиков марксизма-ленинизма. Вот один из них, ближе всего стоящий к предмету нашей работы. Энгельс указывает, что начало цивилизации характеризуется третьим крупным общественным разделением труда, образованием купечества. «Впрочем, на рассматриваемой нами ступени развития,— пишет он,— молодое купечество еще не предчувствует тех великих дел, какие ему предстоят. Но оно формируется и делается необходимым, и этого достаточно. Вместе с ним появляются металлические деньги, чеканная монета¹. Купечество и чеканная монета — явления синхронные, соответственные. Этот вывод Энгельса покоятся на изучении

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том XVI, часть I, стр. 141—142.

огромного фактического материала по истории развития производства, производительных сил и производственных отношений, товарного производства и обмена в целом ряде стран.

Еще один пример. «Первоначально обмен производился между племенами при посредстве родовых старшин; когда же стада стали переходить в обособленную собственность, все больше стало преобладать и, наконец, сделался единственной формой обмена — обмен между отдельными лицами. Но главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду охотно принимался в обмен, — одним словом, скот стал выполнять функцию денег и уже на этой ступени играл роль денег»¹. Пастушество и скот в роли денег — явления синхронные, соответственные.

Неосторожно было бы, однако, на наш взгляд, всегда и всюду синхронность соответствующих явлений абсолютизировать или превращать в какую-то догму. Почему? Да потому, что «история человечества идет скачками и зигзагами...»². Конкретность истины всегда должна быть обеспечена.

В самом деле, если в результате изучения какого-либо этапа в истории развития народа мы точно фиксируем вошедшие в употребление железные орудия производства, частную собственность на землю, орудия и средства производства, моногамию, феодальные отношения, наконец, слой общественных захребетников, не говоря уже о ранее возникшем, а теперь лишь упрочившемся втором крупном общественном разделении труда, то обязывает ли все это нас к поискам в этой эпохе металлической чеканной монеты? Конечно, обязывает.

Однако мы должны быть готовы не найти ее, ибо в конкретной исторической действительности рассматриваемого этапа могли действовать особые силы, исключавшие или задерживавшие, может быть, на столетия, появление у этого народа чеканной монеты, в данном случае неважно, своей или чужеземной. Появление чеканной монеты могло задержаться, например, потому, что не были открыты месторождения благородных металлов у себя или в сопредельных странах, с которыми изучаемый народ вступал в контакт.

Принципиально справедливо, очевидно, и обратное. Металлическая монета в качестве рано созревшего, по каким-либо конкретным причинам забежавшего вперед в своем развитии, фактора может подстерегать исследователя тогда, когда другие факторы, характеризующие производство, указывают на более раннюю ступень его развития. В этом случае голос чеканной монеты в общем хоре всех факторов будет звучать диссонансом.

Задача исследователя очевидна. В обоих случаях она будет

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том XVI, часть I, стр. 136.

² К. Маркс. К критике политической экономии, М., 1951 г., стр. 235—236.

заключаться в том, чтобы точно фиксировать причины отклонения, указать силы, вызвавшие запоздание в первом и раннее созревание во втором случае.

Исследователь, таким образом, не может составить себе правильное, то есть научное представление об интересующем его явлении, если он будет подходить к нему односторонне, рассматривать его изолированно, если он не проверит свои представления путем сопоставления изучаемого явления с синхронными ему факторами, не заставит его звучать в возможно полном ансамбле этих факторов.

В. И. Ленин указывал, что каждый исследователь должен «установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться...». Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...»¹

Есть еще одна опасность. Во всяком данном обществе вместе со своими, ему принадлежащими кирпичами всегда есть не только обломки, но порой и целые кирпичи старого, умершего прошлого. Речь идет о реликтовых, пережиточных явлениях, которыми пронизаны обычно все поры общественной жизни, производства, культуры, языка и проч. и проч. Опасность заключается в возможности принять кирпичи прошлого за кирпичи настоящего. Каковы будут в этом случае результаты сопоставления с синхронными явлениями — понять нетрудно.

3

Нашу задачу можно определить и так: мы должны установить степень или ступень развития эквивалентной формы стоимости в древней Руси.

«Однако — и это важно отметить,— указывает Маркс, — развитие эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной формы стоимости»². Иными словами, результат достижения товарным производством определенного уровня своего развития.

Товар есть отношение, общественное отношение людей, принявшее форму отношения вещей. «Только благодаря привычке повседневной жизни представляется тривиальным и само собой понятным, что общественное производственное отношение принимает форму вещи, так что отношение лиц в их труде представляется, наоборот, как отношение, в котором вещи находятся друг к другу и к людям. В товаре эта мистификация еще очень проста. Все более или менее смутно представляют себе, что отношение товаров, как меновых стоимостей, есть, наоборот, отношение лиц в их производительной деятельности друг для друга»³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 266.

² К. Маркс. Капитал, том I. 1936 г., стр. 30.

³ К. Маркс. К критике политической экономии. 1938 г., стр. 15.

Товарные отношения возникли раньше, чем денежные отношения, чем деньги в их развитом виде, в форме благородных металлов. Отношения стоимости в их денежной форме суть позолоченные или соответственно посеребренные товарные отношения. За этой позолотой мистификация товарной формы продукта теряет всякую видимость простоты. «Откуда возникли иллюзии монетарной системы? — восклицает Маркс. — Из того, что она не видела, что в золоте и серебре как деньгах представлено общественное производственное отношение, однако представлено в форме природных вещей с очень странными общественными свойствами»¹.

Итак, если деньги есть «меновая стоимость, отделенная от самих товаров и существующая наряду с ними как самостоятельный товар...»², «если поэтому справедливо положение, что меновая стоимость есть отношение между лицами, то к этому, однако, следует прибавить: отношение, скрытое под вещной оболочкой»³. И совершенно определенно: «...денежное отношение само есть отношение производственное...»⁴.

Стоимость не может ни лежать, ни стоять, ни сидеть, ни падать. Ее нужно и можно только носить. Нет носителей этих отношений, нет и стоимости. Кто хочет рассуждать о стоимости, пусть сначала позаботится, убедится в наличии носителей, а свои суждения сообразует со степенью способности людей рассматриваемой эпохи носить эти отношения. Путь, следовательно, таков: найти продукты человеческого труда, вещи, которые относились друг к другу как товары, а за отношениями этих вещей разыскать отношения людей, собственников этих вещей, товаровладельцев.

Что можно сказать о степени развития эквивалентной формы стоимости на Руси, памятуя, что она есть «выражение и результат развития относительной формы стоимости», если не проникнуть в сущность труда и хозяйства русского смерда и ремесленника, если не уяснить хотя бы важнейшие факты, которые характеризуют достигнутый уровень производительной силы труда, производительных сил и производственных отношений, общественные классы и слои населения и их борьбу, если не уяснить степень развития системы общественно-го разделения труда и способ его осуществления, направление, пути и объем внешних и внутренних обменных связей, степень развития противоположности между городом и деревней и т. д. и т. п. Кое-что сказать, конечно, можно.

Это кое-что, разумеется, будет иметь свою ценность позитивную или, на худой конец, негативную. При всем этом оно им и останется.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том. XVII, стр. 93.

² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, IV, стр. 63.

³ К. Маркс. К критике политической экономии, 1938 г., стр. 14.

⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, IV, стр. 207.

«Под предлогом исследования простой меновой торговли экономисты выясняют себе известные стороны противоречия, которое скрывается в бытии товара как непосредственного единства потребительной и меновой стоимости. С другой стороны, они затем последовательно придерживаются мнения, что меновая торговля есть адекватная форма процесса обмена товаров, связанная только с известными техническими неудобствами, для устранения которых деньги служат хитро придуманным средством. Исходя из этой совершенно поверхностной позиции, один остроумный английский экономист правильно утверждал, что деньги представляют собой только материальное орудие, как корабль или паровая машина, а не выражение какого-либо общественного производственного отношения и, следовательно, не экономическую категорию»¹.

Этим остроумным экономистом был Т. Годскин, в понимании которого «деньги представляют собой в сущности лишь инструмент для покупок и продаж (скажите, однако, что вы понимаете под покупками и продажами?), и изучение их относится к политической экономии не в большей мере, чем изучение кораблей, паровых машин или прочих инструментов, употребляемых для облегчения производства и распределения богатств»². Впрочем, такое понимание сущности денег без особого труда можно найти у немалого числа буржуазных экономистов и наших дней.

Если деньги — инструмент, только вещь, наконец, монета как таковая, то для исследования их требуются, очевидно, иные средства, иное вооружение. Вместо политической экономии Маркса—Энгельса—Ленина, вместо истории возникновения и развития стоимости и ее форм, вместо истории производства и обмена здесь понадобятся: если не микроскоп, то хорошая лупа, определенный ассортимент химических реактивов, точные весы и т. п. Вся эта техника весьма соответственна пониманию феномена денег как категории не экономической, а технической. Все это действительно необходимо для того, чтобы описать лицевую и оборотную стороны монеты, тип и легенду, самую субстанцию монеты и ее вес, эволюцию всех этих элементов в пространстве и времени. То же самое, без сомнения, придется делать, если речь пойдет о знаках, заместителях действительных денег. Нетрудно видеть, что исследователь при указанном выше понимании явления денег целиком попадает в орбиту нумизматического и метрологического аспектов, служебная и подчиненная роль которых совершенно очевидна.

Справедливости ради, необходимо отметить, что наша советская нумизматика и ее патрон — археология проделали значительную работу по сбрасыванию с себя вешеведческих отрепьев, мешавших им подняться до уровня подлинной научности. Про-

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, 1938 г., стр. 28.

² Там же.

цесс этот еще не закончился, однако, достигнутые успехи настолько значительны, что не могут быть не отмечены.

Следуя марксистскому пониманию денег как экономической категории, денежных отношений как общественных производственных отношений людей, мы обязаны рассматриваемую версию древнерусских денег-скота сопоставить для проверки на соответствие и синхронность ее древнерусскому общественному производству какialectическому единству производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Популярно необходимость этого членения может быть определена так: раз нам предстоит рассмотреть вопрос о степени развития эквивалентной формы стоимости и денежных отношений, то, очевидно, без проникновения в общественно-производственный обликносителей этих отношений, как мы отмечали выше, надеяться на успех будет невозможно. «Простейшая экономическая категория, например, меновая стоимость, предполагает население,— население, производящее в определенных условиях, а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Она не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого»¹.

Иными словами, она может существовать лишь со многими ей синхронными, соответственными факторами, среди которых на первом месте должны быть поставлены факторы общественного производства, производительных сил и производственных отношений.

К этому живому конкретному целому мы в первую очередь и должны обратиться. Без смерда и ремесленника с их орудиями производства, челядина и закупа, нарочитых людей и старцев, гостей, бояр и князей, без выяснения их положения и отношений в производстве общественной жизни, а важнейшим аспектом здесь являются отношения собственности, мы не сможем составить правильное представление о той ступени, которой достигла в своем развитии эквивалентная форма стоимости. Лишь на этой основе, на этих действительных предпосылках возможно будет осветить многие неясные стороны отношений меновой стоимости, денежных отношений древней Руси.

Значение этого членения в нашей работе может быть сравнено с той ролью, которую в здании выполняет фундамент. Только на этом фундаменте явлений древнерусского общественного производства другие непосредственно нас интересующие явления смогут заговорить правильно и убедительно и не будут нарушать стройности звучания всего ансамбля в том случае, если они окажутся синхронными, соответственными всем остальным его участникам.

Могут найтись люди, которые попытаются упрекнуть нас в предвзятости подхода, в стремлении априори, то есть до рассмотр-

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, 1938 г., стр. 149.

рения всего круга фактов и показаний, имеющих непосредственное отношение к собственно предмету нашего исследования, фактов и показаний нумизматических и археографических (о деньгах), внушить и навязать себе и читателю заранее готовое решение. Могут сказать, что такая предвзятость чревата опасными для дела выяснения истины субъективными оценками этого фактического материала, что она будет толкать исследователя на путь искусственного отбора и натяжки фактов, не противоречащих этой предвзятой мысли, и на путь дискредитации или игнорирования других фактов и показаний, которые этой мысли противопоказывают, противоречат. Можно спросить этих людей: а разве факторы производства, отношений собственности не являются непосредственно относящимися к факторам обмена, денежного обращения?

Нам представляется, что такие опасения лишены всяких оснований. Производство — это ведь тоже область фактов. Железный сошник и домница, ремесленная мастерская и овручские пряслица, пашенное земледелие на юге в лесостепи и огневое, явно сдающее свои позиции пашенному, в лесной полосе и т. д. и т. п. — не менее говорливые и красноречивые факты, чем русский серебренник первой чеканки или покон вирный. Что касается опасности искусственного отбора подходящих фактов и игнорирования или замалчивания неподходящих для «предвзято» намеченного решения, то ведь это вопрос научной добросовестности исследователя, проверить которую специалисту не составит большого труда. Мы не говорим уже о том, что факты настолько упрямая вещь, что насилию не поддаются. Даже хорошо прикрытые попытки такого насилия всегда практически оказываются шитыми белыми нитками.

4

Несколько замечаний о нашем отношении к фактам и показаниям, непосредственно относящимся к предмету нашей работы. Мы имеем в виду, во-первых, факты нумизматические и, во-вторых, показания письменных источников о деньгах и денежном счете.

Факты нумизматические. Прежде всего, наше отношение к этому «богатству». Если категория сортности применима не только к товарам, но и к памятникам нашего далекого прошлого, то вещественные памятники мы должны отнести к самым высшим сортам. Это самый первоклассный фактический материал. Он первоклассен своей предельной конкретностью и объективностью.

Диргем, русский серебренник первого чекана и слиток серебра относятся к одному, высшему сорту вместе с железным сошником, каменным жерновом из Донецкого городища и каменным детинцем на Софийской стороне Великого Новгорода. Все это твердые материалы. В такой же степени они тверды и как факты.

Момент субъективного, в отношении которого мы должны быть насторожены, привносится в них или может быть привнесен лишь в процессе датировки. В этом последнем отношении исследователь, экономист или историк поступает в полную зависимость от археологии и нумизматики.

Есть еще один, идущий от политической экономии аспект нашего отношения к этим вещественным памятникам.

Продолговатый слиток серебра. Об изяществе формы говорить не приходится. Грубость ее, однако, не означает бесформенность. Вес 111,6 грамма, длина 181 мм. Найден в Угличе в 1879 году. Компания, в которой его застал открыватель клада, а именно, арабские диргемы, чеканенные в период между 701 и 832 годами нашей эры, выдают его с головой. Перед нами сокровище, продукт совершенно бессодержательной деятельности¹ одного из наших древних мучеников меновой стоимости. Этого мученика меновой стоимости обуревало желание иметь дело с богатством только в его общественной форме, и он поэтому зарыл его от общества в землю. Он жаждал иметь товар в его постоянно пригодной для обращения форме и потому извлекал его из обращения. Он мечтал о меновой стоимости и потому не обменивал, он, наконец, стремясь к сохранению богатства в его металлической телесности, тем самым превращал его в пар, в простой призрак², по крайней мере, до тех пор, пока заступ открывателя клада не особенно деликатно извлекал его на свет божий.

Изложенное с одинаковой силой справедливо не только по отношению к слитку, но и по отношению к его компаньонам, арабским диргемам, превратившимся из монеты в деньги, как только прервался ряд метаморфоз и продажа не сменилась «непосредственно следующей за ней куплей»³. Эти диргемы, как и слиток, алчной рукой собирателя сокровищ были остановлены в своем беге и превращены в сокровище.

Перед нами, таким образом, «первая форма, в которой богатство утверждается как абстрактное общественное богатство». Слиток и диргемы «суть богатство в его сохранной форме». Недаром через тысячу лет с лишним они предстают перед нами в их абсолютной сохранности. И если «каждая потребительная стоимость как таковая служит тем, что она потребляется, то есть уничтожается», то потребительная стоимость нашего серебра, «как денег, состоит в том, чтобы быть носителем меновой стоимости, чтобы быть... материализацией всеобщего рабочего времени». Здесь «меновая стоимость обладает непреходящей формой», ибо она, во-первых, существует в несокрушимом металле, а, во-вторых, потому, что лишь акт нашего мученика меновой стоимости грубо воспрепятствовал слитку и диргемам быть в ка-

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, 1938 г., стр. 90.

² Там же.

³ К. Маркс. Капитал, том I, 1936 г., стр. 85.

честве орудия обращения мимолетной денежной формой товарной стоимости¹.

Сила приведенных характеристик весьма умножится, если мы учтем, что наши археологи и нумизматы зарегистрировали на восточноевропейской равнине сотни денежных кладов рассматриваемого периода с десятками тысяч арабских диргемов, византийских милиарисий, западноевропейских динариев и русских серебреников. Холодные на ощупь, как всякий металл, эти вещественные памятники для экономиста богатством своего общественного содержания весьма горячи, необычайно красноречивы.

5

Письменные свидетельства — это тоже область фактов, но несколько иного характера, чем предыдущие. Мы сознательно воздержались назвать их «фактами археографическими» в унисон с предыдущим. Почему? Не только, очевидно, потому, что логика вещей сильнее всякой иной, любой логики.

Вещественные памятники, как мы отмечали, обладают даром чуть ли не предельной объективности. Серебро в форме слитка или монеты, как бы ни вертела его дотошная рука нумизмат и историка, всегда есть и останется серебром. «Серебро» из текста летописи в руках не менее дотошного герменевта оказывается не только серебром, «скот» совсем не скотом и т. д. и т. п. Конечно, археолог или нумизмат может, как мы отмечали, вспрыснуть в вещественные памятники определенную дозу субъективного, например, в процедуре приурочивания или датировки, в процессе реконструкции, если он имеет дело с фракциями и т. д. Доза эта в общем и целом однократна.

Что касается письменных источников, то доза субъективного возведена здесь в энную степень. Субъективное в них внес составитель оригинала, который не везде и не всегда был самоличным свидетелем событий и фактов, который многое записывал по преданиям и слухам и т. д. Субъективное внесли на протяжении веков порой многочисленные переписчики, подправляя, модернизируя, в ряде случаев при столкновении с этой модернизацией, по-видимому, и арханизируя (удачно или неудачно) текст. Субъективное вносит оперирующий письменными памятниками наш современник, историк, экономист, исследователь.

Мы продолжаем спорить. Является ли сообщение летописца о зверинском образе жизни восточных славян художественно-повествовательной гиперболой или взглядом цивилизованного христианина, занявшего одну из верхних ступенек общественно-культурной лестницы? Но мы, кажется, не спорим по существу и единодушно отвергаем эту оценку производственной

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, 1938 г., стр. 85 и 87.

культуры древних руссов. В этом единодушии нас укрепила русская и, главным образом, советская археология.

Изложенными соображениями мы отнюдь не собираемся создать вокруг письменных свидетельств настроение какого-то скепсиса. Страшно подумать, что бы мы стали делать с русской историей, если бы эти археографические памятники не сохранились бы и до нас не дошли. Письменные источники — богатый и многозначительный фактический, документальный материал. Это материал высшего сорта, однако, не самого высшего. По степени объективности и надежности приоритет должен быть отдан памятникам вещественным, если они правильно приурочены. Истина в подавляющем большинстве случаев лежит в области теснейшего содружества, взаимодополнения и взаимопроверки памятников вещественных и письменных.

В связи с этим представляются странными мысли, высказанные Б. А. Романовым: «Если бы мы располагали только вещественными памятниками, происходящими из кладов, найденных на территории древней Руси или добытыми раскопками погребений, то, при любых их количествах, они не дали бы нам ни малейшего представления ни о масштабе, ни о глубине проникновения денежного обращения внутри страны»¹.

Так-таки «ни малейшего представления»? «При любых их количествах»?

Неужели бы не изменились наши представления о денежном обращении древней Руси, если бы мы располагали этими вещественными памятниками не в центнерах, а в десятках тонн? Все это по меньшей мере странно.

Ну, а если бы мы располагали только письменными показаниями, как это имело место у дворянских историков XVIII века? Тогда пришлось бы либо объявить «развитость и четкость древнерусской денежной системы... продуктом отвлеченного схематизма законодателя или какого-либо заимствования»², либо довольствоваться версиями денег-мехов и денег-скота древних руссов.

Автор продолжает: «Только письменные памятники дают нам некоторые представления о денежном обращении в этих двух отношениях»³. Речь идет о масштабах и глубине. Какие представления дают нам только письменные памятники, мы видели выше при рассмотрении вопроса о гривне и о размерах дани, которую Олег получил с греков в результате похода 907 года на Царьград⁴.

Наша историческая наука так выросла и так возмужала, что ей просто не пристало оперировать только и полагаться только на письменные источники, как это было пару столетий

¹ История культуры древней Руси, том I, стр. 371.

² Там же, стр. 372.

³ Там же, стр. 371

⁴ Там же, стр. 377.

тому назад. Правильное и научно обоснованное представление о денежном обращении древней Руси, равно и о многих других сторонах ее жизни, может быть составлено только на базе взаимосвязи, взаимодополнения и взаимокритики вещественных и археографических памятников.

Впрочем, Б. А. Романов весьма энергично дезавуирует свои собственные утверждения, только что нами приведенные. Из положения: «есть слова, нет для них вещей и есть вещи, нет для них слов» он, как мы видели, с легкой руки Забелина, Черепнина и Бауера, предлагает выход: «Ногата — хороший диргем, куна — плохой диргем, резана — отрезок диргема и т. д». Это решение основано на единстве и взаимодополнении вещественных памятников и письменных свидетельств.

Таково наше отношение к вещественным памятникам и письменным источникам вообще и по интересующему нас вопросу — в частности.

6

Есть настоятельная необходимость остановиться на некоторых сторонах учения Маркса — Энгельса — Ленина о деньгах. Мы имеем в виду вопрос о существовании эквивалентов как во времени, так и в пространстве.

Каждому нашему экономисту и историку известно, что на долю Маркса выпало «совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы стоимости, то есть проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег»¹.

Проследить развитие выражения стоимости... В этом прослеживании нет ни единого грана спекуляции. Формы стоимости, А (простая, отдельная или случайная), В (полная или развернутая) и С (всеобщая), отнюдь не являются продуктом или приемом так называемого чистого мышления, приемом, пред следующим цели более удобного или популярного объяснения происхождения формы Д (денежной формы стоимости). Для Маркса логическое есть историческое, лишь освобожденное от исторической формы². Весь ход исследования, весь ход мыслей Маркса представляет собой «не что иное, как зеркальное отражение исторического процесса, принимающее отвлеченную и теоретически последовательную форму...»³. Вместе с тем «логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том XVII, стр. 55.

² К. Маркс. К критике политической экономии, рецензия Ф. Энгельса, стр. 163.

³ Там же, стр. 163—164.

сто отвлеченной области. Наоборот, оно нуждается... в постоянном соприкосновении с действительностью»¹.

Наконец, в отношении первых глав «Капитала» «в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства»². (Разрядка наша. М. Л.)

Аналогичные мысли были высказаны и Энгельсом в одном из своих писем к Марксу. После просмотра первых корректурных листов первого тома «Капитала» в письме от 16 июня 1867 г. он пишет: «...филистер не привык к такого рода абстрактному мышлению и, наверное, не станет мучить себя ради формы стоимости. Самое большее, что можно было сделать, это несколько более пространно доказать исторически то, что здесь достигнуто диалектическим путем; так сказать, проверить это на примере истории, хотя самое необходимое для этого и так уже сказано. Но у тебя так много материала, что ты, наверное, сможешь сделать отличный экскурс на эту тему и доказать филистеру историческим путем необходимость образования денег и показать происходящий при этом процесс»³.

Подтверждение изложенного мы находим не только в основных концепциях философского материализма Маркса. Не оставляющие никаких сомнений указания, что формы стоимости существовали в конкретной исторической практике, что они представляют собой такие же исторические факты, как неолитический топор, блюдо Патерна или патриархат, и что как факты они могут быть приурочены к определенному пространству, к определенным носителям отношений стоимости и поставлены в определенные хронологические рамки, даны Марксом в ходе анализа этих форм в первой главе первого тома «Капитала». Говоря, например, о простой, отдельной или случайной форме стоимости (A), Маркс указывает, что «на практике эта форма встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь в исключительных и случайных актах обмена»⁴, и далее, что полная или развернутая форма стоимости (B) «впервые осуществляется фактически тогда, когда один какой-нибудь продукт труда... обменивается на многие другие товары»⁵. (В обоих случаях разрядка наша. М. Л.)

То обстоятельство, что неолитический топор имеет нечто общее с подругой Фальстафа и располагает возможностью быть

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, рецензия Ф. Энгельса, стр. 165.

² В. И. Ленин. Соч., том XVIII, стр. 17, изд. 3.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948 г., стр. 113

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том XVII, стр. 74.

⁵ Там же, стр. 75.

экспонированным на витрине музея и, следовательно, быть грубо зорким и осязаемым, а стоимость и ее формы таких возможностей лишены, является, между прочим, в числе других источником вывертов не только английского, но и немецкого (Р. Гильфердинг) идеализма, считающего формы стоимости «логическим выкрутасом», личным психическим переживанием Маркса, простым продуктом так называемого чистого мышления. Впрочем, любителей этих вывертов не трудно уличить. Патриархат, объективное историческое существование которого они отрицают не в состоянии, не экспонирован еще ни в одном музее.

Итак, диалектическая переработка огромного фактического материала по истории возникновения и развития денег дала возможность Марксу точно определить общую линию движения в этой области. Эта линия развития нашла свое выражение и отражение в учении о формах стоимости, о движении от А к В и далее к С, наконец, к Д. Это учение, говоря словами самого Маркса, «ни в коем случае не продукт понятия, размышающего и саморазвивающегося вне наглядного созерцания и представления, а переработка созерцания и представления в понятии»¹. Это учение есть абстрактное и последовательное отражение исторического процесса, «отражение исправленное, но исправленное, соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс»².

В. И. Ленин, характеризуя эту часть «Капитала», указывал: «Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу формы стоимости и денег. Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение исторического процесса развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото...»³.

В объективной действительности процесс начинается со случайных актов обмена между членами первобытных общин, при случайном контакте между ними на границах их обитания. С этого начинается и «ход мыслей» Маркса. Эта многотысячелетняя эпоха простых, отдельных и случайных эквивалентов отражена у Маркса под символом А.

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. 1938 г., стр. 149.

² Там же, стр. 164.

³ В. И. Ленин. Соч., том XVIII, стр. 16—17, изд. 3.

Дальнейший, очень медленный, рост производительной силы труда приводит к постепенной потере все более значительной частью актов обмена их первоначального случайного характера. Ранее случайные акты обмена начинают чем дальше, тем все в большей степени приобретать характер актов необходимых. Первоначально небольшая, еле-еле заметная, но, хотя и медленно-медленно (на это понадобились тоже многие тысячелетия), все возрастающая часть продукта труда начинает предназначаться для обмена, становится товаром. Этим товарам противостояли для обмена уже не простые, отдельные и случайные эквиваленты, мы правильнее скажем, не только простые, отдельные и случайные эквиваленты, а все более расширявшийся круг эквивалентов особых. Эта эпоха отражена у Маркса под символом В, как эпоха полной или развернутой формы стоимости, как эпоха особых эквивалентов по преимуществу. Мы говорим «по преимуществу» потому, что наряду и вместе с актами необходимого обмена еще длительное время существовали акты обмена случайного.

И дальнейший «ход мыслей» Маркса зеркально отражает исторический процесс. На смену эпохи В приходит эпоха С, эпоха всеобщей формы стоимости, всеобщего эквивалента, единого для какой-то данной общности людей, различного по своей натуральной форме у различных общностей в зависимости от характера их производственного обихода. В этот период товарный мир, а это есть и мир товаровладельцев, не только вновь расширяется и умножает свои ряды, но под влиянием этого умножения чем дальше, тем настойчивее требует ликвидации товарного разноязычия. В периоды А и В товары при всей общности и тождественности их душ (продукты труда) еще не имеют общего языка, единого выражения своей стоимости. Их разноязычная масса объясняется между собой или знаками, или во всяком случае весьма нечленораздельными звуками. «В обоих случаях добить себе форму стоимости является, так сказать, частным делом отдельного товара, и он выполняет это дело без содействия остальных товаров» (Маркс). Противоречия относительной и эквивалентной форм стоимости ищут форму своего движения и находят ее в форме С. Добывание себе формы стоимости перестает быть частным делом отдельного товара. Оно становится общим делом всего товарного мира. Во всеобщей форме стоимости товары находят общий язык. «Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому» (Маркс).

Товарный мир, как говорит Маркс, исключает или исторгает из своей среды некий определенный товарный вид и напечатлевает на нем характер всеобщего эквивалента. Денежный эмбри-

он из утробного состояния переходит, вылупливается на свет божий.

Это эпоха всеобщего эквивалента по преимуществу. Говорим «по преимуществу» по той же причине. И в этот период, наряду и вместе с актами обмена, обслуживающими всеобщим эквивалентом, продолжали существовать и акты обмена с участием эквивалентов особенных (В), равно и с эквивалентами простыми, отдельными и случайными (А).

Однако форма С не есть денежная форма стоимости, как таковая. Эпоха С представляется длительным историческим периодом борьбы ряда товарных видов за право ношения денежного мундира, периодом междуусобицы и братской распри за денежный престол. «Всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще. Следовательно, она может принадлежать любому товару» (Маркс). В ходе этой борьбы на денежный престол часто удавалось вскарабкиваться отнюдь не патрициям. На нем в эту эпоху посидели, правда, не особенно прочно и представители товарной черни, плебеи товарного мира. Конечный итог этой распри — победа благородных металлов, серебра и золота. Окончательное закрепление за ними денежного престола знаменует собой переход от формы С к Д, денежной форме стоимости, к эпохе денежного эквивалента по преимуществу. Говорим «по преимуществу» по той же причине. При господствующей роли денежного эквивалента мы в живой действительности сталкиваемся со всеми его историческими предшественниками, и с простыми или отдельными, и с особенными и т. п. эквивалентами. Это имеет место даже в наши дни, когда товарное производство является господствующим. Что же говорить о глухой поре раннего феодализма с господством натурального хозяйства и подчиненной ролью хозяйства товарного. Хотя здесь серебро и закрепилось на денежном престоле прочно, особенно в городском и внешнем торговом обороте, но наряду с ним, как денежным эквивалентом, мы сталкиваемся, особенно в сфере деревенского обмена, и с простыми-отдельными, и с особыми эквивалентами.

Итак, завоевание каждым исторически последующим эквивалентом господствующего положения отнюдь не означает исчезновения начисто всех других, исторически предшествующих. Эквиваленты существуют.

7

Намеченное нами выше сопоставление денег-скота с характером производительных сил и производственных отношений древних руссов уже выясняет вопрос об их соответствии и синхронности или наоборот, несоответствии и асинхронности этим решающим факторам. Это будет главным, генеральным сопоставлением. При всем этом оно будет слишком общим, слишком обобщенным.

В последующих членениях раздела такие сопоставления будут продолжены и конкретизированы. Деньги-скот необходимо будет сопоставить со степенью развития системы общественного разделения труда, с достигнутым уровнем внешних и внутренних (в деревне, в городе, между ними) обменных связей, с характером контингента древнерусских покупателей-продавцов и т. д. Версия в этом же разделе должна быть сопоставлена с показаниями наших письменных источников и с нумизматическими памятниками. Задача этого раздела в целом, таким образом, будет заключаться в том, чтобы деньги-скот сопоставить с системой всех этих фактов и, заставив звучать совместно, убедиться: нарушит или нет их мычание гармоничность и стройность звучания всего ансамбля.

Здесь же будут рассмотрены и подвергнуты критике взгляды и аргументы наиболее оригинальных сторонников версии, М. Н. Покровского и Ф. Я. Полянского.

Если мы убедимся, что термин «скот» в его вторичном значении денег является речевым пережитком, наполненным новым смысловым содержанием, очевидно, необходимо будет сделать краткий обзор ближайшего предрусского этапа в развитии восточнославянского производства. Без этого наша критика не будет полноценной и убеждающей.

Этот первый этап исторической ретроспективы пока носит в литературе вопроса наименование антского и, может быть, с легкой руки П. Н. Третьякова в ближайшее время будет носить название антско-rosskого.

Каковы конкретные цели этого членения нашей работы?

Нас, естественно, интересует вопрос, где тот этап в истории восточных славян, на котором скот (бык или корова) действительно выполнял роль денег, и откуда скот как термин пришел в древнерусский язык в своем вторичном значении в качестве речевого реликта? Оба возможные результата такого экскурса будут нас устраивать в одинаковой мере.

При отрицательном результате дальнейшие поиски интересующего нас этапа мы вынуждены будем прекратить, ибо современная историческая наука о восточно-европейском первобытном обществе, о славянском этногенезе вообще, восточнославянском в частности, не располагает материалами и данными, на основании которых можно было бы строить этногенетически четкие и бесспорные выводы. Решение же вопроса вне более или менее достаточной этно- и глottогенетической видимости нас устроить не может.

Таковы соображения, положенные в основу расчленения работы в целом.

Б. ВЕРСИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ДЕНЕГ-СКОТА И...

(Продолжение названия этого раздела дается в наименованиях входящих в него глав)

ГЛАВА IV

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ

Производительные силы представляют собой отношения между людьми, с одной стороны, и силами природы — с другой. Бессспорно, что сами люди являются одной из сил природы. В антагонистических общественно-экономических формациях господствующие классы собственников в широкой степени эксплуатируют этот факт. Они превращают эту силу природы, то есть самого человека, в орудие производства, в инструментум вокале, которое производит и приводит в движение все другие орудия производства. Такое превращение становится возможным благодаря тому, что человек как орудие производства от всех других отличается тем, что сам приводит себя в движение, а это составляет как раз условие для другого превращения, а именно, для превращения крупных собственников в паразитирующие элементы общества.

Правильное положение, что люди сами являются силой природы, не делает, однако, правильным определение производительных сил как отношений между силами природы вообще. Атмосферные осадки есть сила природы, почвенный покров украинских степей тоже. Отношение между этими силами природы не дает тем не менее понятия производительных сил.

Впрочем, все это достаточно элементарно.

Итак, без человека нет понятия «производительные силы». Только отношение людей с их производственным опытом и навыками к труду, создающих и приводящих в движение орудия производства, ко всем другим силам природы — образует понятие производительных сил общества.

1

Основной производительной силой восточноевропейской равнины IX—XII вв. были русские славяне, непосредственные потомки бесчисленных племен антов Прокопия и Иордана и росов Захария.

Предварительно краткая справка о локусе станды. Территориально Русь занимала тогда не всю восточноевропейскую равнину. На севере ее границы проходили от устья Нарвы по берегу Финского залива на восток, далее по берегу Ладожского (Нево) озера, по Свири, и от южной оконечности Онежского озера граница поворачивала на юго-восток через район Белого озера к месту владения Клязьмы в Оку. Это был крайний

восточный пункт тех времен. Отсюда граница направлялась на юго-запад через верховья Дона и Сейма к Днепру при впадении в него Псела. Линия от устья Псела до Карпат в верховьях Серета составляла южную границу Руси. От земель Закарпатской Руси граница шла на северо-северо-восток через среднее течение Западного Буга, Немана, Вилии и Западной Двины к Финскому заливу. Таманский полуостров (Тмутаракань) также был заселен восточными славянами.

Русские составляли основной, доминирующий этнический массив восточноевропейской равнины. Проникновение славян на остальную часть равнины уже в рассматриваемое время было весьма значительным. Северо-восточные племена заволоцкой чуди, печоры и перми, племена мари (цармис), муромы и мордвы (арису), а также прибалтийские племена литвы, корси, земиголы, ливи и чуди уже в те времена платили Руси дань. В городских центрах хазарского каганата, занимавшего весь юго-восток равнины до Каспия и предгорий Кавказа, например, в Итиле и Саркеле, восточные историки отмечают значительную прослойку восточного славянства. Такое же положение имело место и в городах Камской Болгарии на нижнем течении Камы. Значительная часть берегов Черного моря, в том числе все Крымское побережье, представляли собой византийские колонии, освоенные этнически неоднородными наследниками. В причерноморских и прикаспийских степях, помимо хазар, с конца IX века появляются печенеги, а с середины XI — половцы.

Такова этническая картина в целом.

Отдельные историки и специалисты-демографы неоднократно предпринимали попытки исчислить население Восточной Европы в древние времена. По вполне понятным причинам речь может идти здесь именно только об исчислении, о весьма приближенных, ориентировочных, расчетах, ибо ни летописи, ни иные письменные источники не содержат никаких указаний и данных о переписях населения тех времен.

Историк Беляев, например, пользуясь летописными указаниями о численности войска Олегова в 907 году в 50 тыс. бойцов и применив известную пропорцию Моро-де-Жоне: 1 воин на 30 душ, пришел к выводу, что население Киевской Руси составляло 1,5 млн. человек. Грубость этого расчета выходит за пределы всякой приемлемости и терпимости. Во-первых, сами данные о численности войска Олегова носят полулегендарный характер, а, во-вторых, большие сомнения вызывает правомерность применения самой пропорции Моро-де-Жоне к условиям Восточной Европы. Вот почему в литературе вопроса расчет Беляева довольно единодушно отвергается.

Мы не будем останавливаться на других попытках, предпринимавшихся в этом направлении в дореволюционное время, и перейдем, так сказать, к одному из «последних слов» исторической демографии в этом вопросе. Мы имеем в виду расчеты

Б. Ц. Урланиса¹. Они не в полной, но значительной мере выглядят более убедительно, чем, скажем, расчеты Беляева, и прежде всего потому, что автор их отправляется не от отдельных, спорадических или полулегендарных фактов, а от условий материальной жизни общества того времени. Земледелие, зверо- и рыболовство и кочевое скотоводство — три важнейшие отрасли приложения труда населения Восточной Европы. В зависимости от большего или меньшего преобладания той или иной отрасли Б. Ц. Урланис устанавливает коэффициент плотности населения на один квадратный километр территории. В земледельческих районах эти коэффициенты варьируются в зависимости от господства подсеки или пашни. Помимо этого решающего производственного фактора автор привлекает и другие материалы и показания, например, летописей о больших пожарах, эпидемиях и проч.

Для юга Киевской Руси², где в рассматриваемую пору уже преобладала пашенная система земледелия, что подтверждается многочисленными данными археологии и письменными свидетельствами, Б. Ц. Урланис определяет плотность населения в 6 человек на 1 кв. км., для центрально-земледельческой полосы, Белоруссии и Руси Новгородской³, где при господстве пашни известную роль сохраняла и подсека,— 4 человека и, наконец, для московских⁴, которые по сравнению с Киевским югом и Новгородской Русью были освоены слабее и менее заселены,— 2 человека на 1 кв. км. В соответствии с этим русское население в 1000-м году Б. Ц. Урланис определяет следующими цифрами:

Табл. 1.

Районы	Территория тыс. кв. км.	Плотность на 1 кв. км.	Население тыс. чел.
Юг Киевской Руси . .	320	6	1920
Центрально-земле- дельческая полоса, Бе- лоруссия, Новгородская Русь	710	4	2840
Московские земли . .	300	2	600
Итого . .	1330	4,03	5360

¹ Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе, 1941 г.

² В составе бывших губерний: Киевской, Волынской, Подольской, Харьковской, Полтавской и Черниговской.

³ В составе бывших губерний: Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской, Смоленской, Могилёвской, Витебской, Исковской, Петербургской и части Новгородской.

⁴ В составе бывших губерний: Московской, Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской и Калужской.

Слабее и менее убедительны расчеты численности населения остальных частей Восточной Европы. Для привисленских земель и Прибалтики¹ плотность населения в 1000-м году Б. Ц. Урланис определяет в 5 человек на 1 кв. км. Исходит он при этом не из уровня развития производительных сил и земледельческой техники, а из более поздних данных о численности населения этих территорий. Он пользуется исчислениями Павинского и Яблоновского, приуроченными к 1578 году, а также данными Белоха, относящимися к 1335 году. На первую дату получается плотность в 12 человек, на вторую — в 8 человек на 1 кв. км. Отправляясь от этих цифр, Б. Ц. Урланис заключает: «К 1000-му году плотность населения была значительно меньшая, чем в 1335 году. Поэтому, принимая для этих районов плотность в 5 человек, мы, вероятно, не очень далеко отойдем от истины»².

Аналогично и с землями севера и северо-востока Восточной Европы³. Отмечая весьма редкую заселенность этих территорий, автор находит возможным «принять плотность населения к 1000-му году примерно в 0,2 человека на 1 кв. км»⁴. Для Среднего и Нижнего Поволжья Б. Ц. Урланис устанавливает плотность в 0,7 человека на 1 кв. км. Наконец, для районов кочевого скотоводства, наших южных степей, заселенных в то время хазарами, печенегами и, позднее, половцами, принимается плотность в 1,2 человека на 1 кв. км.⁵.

В сводном виде восточноевропейское население к 1000-му году по расчетам Б. Ц. Урланиса характеризуется так: (См. табл. 2).

Итак, пять с четвертью миллионов русских славян и три с четвертью миллиона человек населения других племен и народов — такова количественная характеристика такого важнейшего элемента производительных сил восточноевропейской равнины, как люди на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры.

Медленному росту производительных сил вообще соответствовал и медленный рост населения в последующие столетия древней Руси. По расчетам Урланиса население Восточной Европы в 1100-м году составляло 10,0 млн. человек, а в 1200-м — 11,0 млн. человек. Опустошительные набеги степных кочевников, печенегов и половцев, кровавые межфеодальные распри и ушкуйничество довершали круг причин медленного роста произво-

¹ В составе Привисленского края и бывших губерний: Виленской, Ко-венской, Курляндской, Лифляндской и Эстляндской.

² Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе, 1941 г., стр. 86.

³ В составе Финляндии и бывших губерний: Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Бятской, Пермской и части Новгородской.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ В составе бывших губерний: Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской и области Войска Донского.

Табл. 2.

Районы	Территория тыс. кв. км.	Плотность на 1 кв. км.	Население тыс. чел.
Киевская Русь (в ус- ловных границах) . . .	1330	4,03	5360
Польско-литовско-ла- тышско-эстонские зем- ли	320	5,00	1600
Северные племена (финские и проч.) . . .	2230	0,20	446
Среднее Поволжье (болгары, башкиры), Нижнее Поволжье (по- ловцы).	990	0,70	693
Кочевники южных степей (печенеги, ха- зары)	400	1,20	480
Итого . . .	5270	1,63	8579

дительных сил и в числе их населения. XI столетие, по исчислению Б. Ц. Урланиса, произведенным им на основе данных А. С. Лапинского, было заполнено 33 годами войны и 67 годами мира. Еще более показательно XII столетие с 63 годами войны и 37 годами мира. Близость этих данных к истине подтверждается цифрами Соловьева, определившего для периода 1055—1228 годов 80 лет войны и 93 года мира¹. Бичом населения были частые эпидемии, против которых оно по существу было беззащитно. «Еще в XI веке (1092 г., Друцк, Полоцк) летописи отмечали распространение каких-то язв, вызывавших повальную смертность. Сильный мор был в Новгороде в 1158 году, «от смрада нельзя было пройти от торга сквозь город»².

В целом расчет Б. Ц. Урланиса, по нашему мнению, нуждается в серьезной критике. Сделать это должны специалисты, демографы-историки. Нам представляется, что автор необоснованно занизил плотность населения в московских землях. Они, если и были заселены слабее, чем, скажем, белорусские, то во всяком случае не вдвое. В состав славянского населения не включена Тмутаракань. Коэффициент плотности в 0,7 человека на 1 кв. км. для Камской Болгарии и для Пермского района, по нашему мнению, также занижен. Половцы в расчет населения на 1000-й год включены по недоразумению. На европейской территории их на эту дату вообще не было. Сомнительна пра-вомерность отнесения хазар к чистымnomадам. Они были полу-оседлым населением с весьма заметными элементами земле-дельчества. Общее впечатление об исчислениях Б. Ц. Урланиса

¹ Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе, 1941 г., стр. 89.

² Там же, стр. 90.

таково, что он скорее преуменьшает численность населения древней Руси и всей восточноевропейской равнины.

В 1943 году соображения о численности русского населения в XI веке высказал А. Яковлев¹. Он определяет ее в 7,5—7,9 млн. человек. Первый прием исчисления, которым он пользуется, таков. Во Франции и Англии количество населения в период с XI по XX век возросло в 7 раз. Исходя из того, что в местностях, территория которых входила в состав древней Руси, в 1905 году было около 55,5 млн. человек населения, и считая, что последнее за тысячу лет возросло также в семь раз, А. Яковлев приходит к цифре в 7,9 млн. Сомнительно, прежде всего, предположение об одинаковом темпе роста населения. Русское население росло, по всем данным, по-видимому, быстрее, чем французское и английское. Сомнения усиливаются, если учесть, что территория древней Руси из века в век выделяла значительные контингенты населения на северо-восток, восток и юго-восток.

Еще менее убедителен второй прием, сущность которого заключается в следующем. А. Яковлев предполагает, что плотность населения Руси XI—XII веков была равна плотности населения Северной Америки конца XVIII века или плотности населения Центральной Африки XX века. На этой основе он приходит к цифре 7,5 млн. человек. Русь XI и Африка XX!? На таких дистанциях всякие аналогии более чем сомнительны.

Мы считаем, что хотя исчисления Б. Ц. Урланица несколько и преуменьшают количество населения древней Руси, они все же ближе к истине, чем исчисления А. Яковleva.

2

Чем занимались древние russы? Как 5—6-миллионное общество древней Руси обеспечивало себя материальными средствами — пищей, одеждой, обувью, жильем, топливом и т. д. и т. п., необходимыми для того, чтобы оно могло жить, развиваться, воспроизводиться? Какими орудиями производства оно добывало эти блага? На какие отрасли производительной деятельности падала основная масса производственного опыта и навыков к труду у русского славянства IX—XII веков? Какая отрасль производительной деятельности поглощала главную массу труда и решающим образом обеспечивала процесс общественного воспроизводства?

Ответив на эти вопросы, мы, тем самым, выясним характер всех других элементов древнерусских производительных сил.

Исключительный, коренной, фундаментальный характер этих вопросов совершенно очевиден. «Совершенно очевидно, что это проблема величайшей важности,— справедливо указывал академик Б. Д. Греков,— от правильного разрешения которой за-

¹ А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве, 1943 г., стр. 298—299.

висит в значительной мере и ответ на основной вопрос, стоящий в данный момент перед нами»¹, то есть вопрос о феодальных отношениях в Киевском государстве.

От правильного освещения этих вопросов зависит убедительное и плодотворное решение задач нашей работы, задач выяснения характера денежного обращения и денежных отношений, степени развития эквивалентной формы стоимости на Руси.

Как мы уже отчасти отмечали выше, историки и исследователи XVIII века данными нумизматической науки не располагали. Не были им известны и данные археологической науки, характеризующие производительные силы древней Руси. Может быть, с несколько меньшей силой, но в основном так же, это относится и к историкам XIX, во всяком случае первой половины XIX столетия. Лишь в конце XIX, а в XX, главным образом, в советский период, археология внесла в дело изучения древнерусских производительных сил такой вклад, который позволил положить, как нам представляется, конец более чем двухсотлетнему спору ученых историков и экономистов по этому вопросу.

В XVIII и XIX веках историки в своих исследованиях опирались по преимуществу, если не исключительно, на письменные показания, в особенности на летописи, которые начал собирать и изучать еще Татищев, и на «Правду Русскую». Такая односторонняя письменная база не породила, однако, единого взгляда на начальную историю Руси. Ученые историки и публицисты весьма отчетливо разделились на два противоположных лагеря. Неполнота письменных источников, в ряде случаев их неясность и совершенно недостаточная научно-критическая обработка — главная причина такого разделения.

Шлецер довольно беспомощно апеллировал к богу, признавая, что в Восточной Европе люди были «бог знает с которых пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли леса...». Такого же мнения придерживался и Щербатов, заявляя, что «народ, а особенно знатнейшие люди упражнялись в войне и набегах, по большей части в полях, переходя с места на место, жили»².

Эти взгляды были навеяны, с одной стороны, иностранными источниками, например, Прокопием и Мавриkiem (Псевдо-Мавриkiem), а с другой стороны — и нашим летописцем в его характеристиках зверинского образа жизни древлян, радимичей, северян и вятичей. Сами Прокопий и Маврикий строили свои высказывания на неполных и отрывочных данных, а с другой стороны, их взгляды относятся к V—VI векам, то есть к антическому периоду восточного славянства. В свете новейших археологических данных, как мы увидим ниже, эти взгляды на антическое общество не выдерживают критики. Летописцем же, несомненно, руководили чувства киевлянина и христианина. Поляне, к

¹ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, 1937 г.

² М. Щербатов. История Российской, 1794 г., т. I, стр. 11.

которым он принадлежал, хотя и были несколько выше древлян по своей производственной культуре, но не настолько, чтобы оправдать эти высказывания. Нет сомнения, что немецкими учеными (Шлецер, Миллер и другие), подвизавшимися в XVIII веке в России, руководило вообще пренебрежительное, третидающее отношение ко всему русскому, в том числе и к русской истории.

Против этого лагеря, объявлявшего древних руссов чуть ли не дикарями, решительно восстали другие русские историки и публицисты XVIII столетия. Ломоносов, Болтин и другие придерживались противоположного мнения, а именно, что древняя Русь по уровню своей производственной культуры стояла не ниже, а в некоторых отношениях даже выше других европейских государств.

Ломоносов приложил немало усилий для того, чтобы освободить русскую историю и науку вообще, как тогда говорили, от немецкого пленения.

Генерал-майор Болтин в своих «Примечаниях на историю древния и нынешния России Леклерка», которую последний в 6 томах издал на французском языке, восстал против целой системы лжи и извращенных представлений о Руси, распространявшихся среди французской общественности того времени. В Болтине сочетался и патриот, и весьма эрудированный по тому времени историк. Так как русским поставщиком всякого рода сведений и данных для Леклерка был Щербатов, сочинитель российской истории, то полемика Болтина с Леклерком скоро переросла в полемику между Болтиным и Щербатовым. Болтин протестовал против «дикарской» концепции Леклерка и Щербатова, заявляя: «русы жили в обществе, имели города, правление, промыслы, торговлю, сообщения с соседними народами, письмо и законы»¹.

В XIX и начале XX столетий спор этот по существу продолжался, приняв в соответствии с новыми временами новую форму. Он велся вокруг поставленного нами выше вопроса: какая отрасль производительной деятельности доставляла древним руссам основную массу материальных благ, необходимых для воспроизведения их общественной жизни? Тот или иной ответ на этот вопрос влек за собой далеко идущие важные выводы и последствия.

В самом деле, точка зрения о господстве лесных и речных промыслов, то есть звероловства, бортничества, рыболовства и т. п., неизбежно влекла за собой выводы о чрезвычайно низком по сравнению с другими народами Европы и Азии уровне развития русских производительных сил, а следовательно, и

¹ Цитируется по Б. Д. Грекову. Феодальные отношения в Киевском государстве. 1937 г., стр. 41.

производственных отношений и уводила, таким образом, к «дикарской» концепции Леклерка и Щербатова. Вот почему мы отмечаем известную преемственность спорящих сторон XVIII и XIX—XX веков.

«Лесной зверолов и бортник — самый ранний тип, явственно обозначившийся в истории русского народного хозяйства», — утверждал Ключевский в своем курсе «Русской Истории»¹. В другой своей работе он эту мысль развивает так: «В XI веке масса русского населения сосредоточилась в черноземном среднем Поднепровье, а к половине XV века передвинулась в область верхнего Поволжья. Казалось бы, в первом крае основанием народного хозяйства должно было стать земледелие, а во втором должны были получить преобладание внешняя торговля, лесные и другие промыслы. Но внешние обстоятельства сложились так, что пока Русь сидела на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов, и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок»².

Итак, «основанием народного хозяйства» Киевской Руси, по Ключевскому, были не земледелие, а промыслы, охота на пушного зверя, бортничество и связанный с ними внешнеторговый промысел. Эта точка зрения, противоречившая, вообще говоря, и письменным показаниям, по мере успехов археологии вступала в кричащий конфликт с вещественными памятниками. Тем не менее, она находила себе последователей и после Ключевского. Довиар-Запольский и в особенности Рожков продолжали защищать ее.

Рассмотрим последовательно наиболее типичную аргументацию этой точки зрения. Опиралась она, как было отмечено, по преимуществу на показания письменных источников наших и внешних.

Во вступительной части наших летописей сторонники этой точки зрения обычно ссылаются на приводимое летописцем предание об основании Киева Киевом, Щеком и Хоривом. Поляне, в роду которых княжили братья, характеризуются летописцем «бяху лояще зверь», что согласуется с другим сообщением о том, что в те времена вокруг Киева был «лес и бор великий». Далее ссылаются на то, что летописец, повествуя о других народах, например: «Ин же закон франкожьская Галинном...», особо отмечает, что женщины у них «храбры, ловять зверь гораздо...». Летописец, мол, подмечает то, что в его представлениях о производительной деятельности является основным, обычным или предпочтительным. Далее, под 859 годом летописец отмечает, что варяги взимали с чуди, словен, мери и кривичей «по беле веверице», а хазары — с полян, северян и вятичей «по беле векшице». В 863 году Олег наложил на древлян и

¹ В. О. Ключевский. Курс Русской Истории, ч. I, 1923 г., стр. 145.

² В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, 1919 г., стр. II.

северян «дань легку по черне коуне». В 914 году «и дастъ же Игорь и дань Деревеньскую Свентельду, имаше же по черне от дыма». В 945 году по заключении договора с греками Игорь наградил греческих послов скорою, челядью и воском. В 946 году древляне, осажденные Ольгой, предложили ей дань медом и скорою. Под 950 годом летописец сообщает, что у Ольги «ловища ее соуть по всей земли», что у нее «и по Днепру перевесища и села». В 955 году греки через своих послов напоминают Ольге об ее обещании прислать дары: «челядь, воск и скору». В 969 году Святослав обосновывает свое желание переселиться на Дунай тем, что там середина его земли, куда стекаются из Греции паволоки, золото, вино и овощи, из Венгрии серебро и кони, а из Руси скора, воск, мед и челядь. Под 975 годом летописец сообщает, что Олег «ловы деа» и, когда Светельдич по имени Лют «исшел бо ис Киева, гнася по звери в лес», Олег убил его. В 1091 году Всеволод «ловы деюще звериные за Вышегородом и заметавшим тенятом и кличаном кликнувшим...».

Сторонники этих взглядов ссылаются также на ряд статей «Правды Русской». В «Краткой Правде» — на статьи 32 и 37, в «Пространной» — на статьи 69, 70, 71, 75, 76, 80 и 81. В этих статьях древнерусское законодательство устанавливает систему санкций (продаж) за нарушение прав на охотничьи и бортные угодья, за разрушение или хищение орудий лова, за истребление или покражу пушных зверей на чужих «ловах» и т. п. Например, статьи 69 и 70 «Пространной Правды» гласят: «69. Аже украдет кто бобр, то 12 гривен. 70. Аже будет росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искать татя ли платити продажю¹. Отмечая, что величина продажи за покражу бобра равна продаже за убийство холопа (см. статью 89), Владимирский-Буданов заключает: «ловля пушных зверей составляла главный источник богатства наравне с пчеловодством даже в XV и XVI веках» (Хрестоматия, 1, прим. 112)².

Все внешние письменные источники, мусульманские, византийские и западные единодушно характеризуют Русь, как вывозящую скору, мед, воск и челядь. Среди этих немалочисленных показаний упоминания, например, о зерне, основном продукте земледелия как предмете вывоза действительно являются редчайшим исключением.

Неправильно было бы игнорировать приведенные письменные свидетельства или просто отмахнуться от них. Оправдывать их невозможно. Лесными промыслами, звероловством, бортничеством и т. п. древний русс занимался. Эти показания, наши и внешние, как нам представляется, и инспирировали точку зре-

¹ Правда Русская, том II, 1947 г., стр. 549.

² Там же, стр. 550.

ния Ключевского и Рожкова и их единомышленников на характер производительных сил древней Руси.

Может быть, в системе тогдашнего евразиатского международного разделения труда на долю Руси выпало и ей экономически было выгодно продуцировать по преимуществу меха, мед и воск, в обмен на которые она получала остальной, по своим временам широкий или узкий круг потребительных стоимостей, и в числе их, например, хлеб? Может быть, в связи именно с этим Русь в своих дремучих лесах односторонне погрузилась в занятия лесными промыслами, звероловством и бортничеством?

Такие предположения явно несостоятельны, ибо они вступают в конфликт, и притом резкий, со всей совокупностью наших исторических знаний о состоянии и характере производительных сил сопредельных с Русью евразиатских стран, с которыми она вступала в контакт. Руси неоткуда было ввозить, например, хлеб для обеспечения им своего 5—6-миллионного населения. Невозможно представить себе и чисто транспортное решение этой задачи. Миллион двести тысяч тонн зерна на худой конец, против течения, на однодеревках (моноксилах), при почти постоянной неспокойности в нижних течениях большинства речных путей, ведших на Русь,— все это просто невероятно, невозможно. Это — во-первых.

Во-вторых, такие предположения несостоятельны и потому, что они противоречат и нашим, и внешним письменным показаниям и свидетельствам о характере древнерусского ввоза. «От Грек лаволоки и злато, и вина, и овощь, из Оург сребро и кони...» — указывает наш летописец под 969 годом. Аналогичный характер имел древнерусский ввоз и по Итилю из Азии и Закавказья. Все это средства не массового потребления, а в значительной своей части предметы роскоши. Письменные источники не содержат никаких указаний на то, что русские ввозили, и притом постоянно, продукты массового потребления.

Наоборот, имеются, правда, очень редкие, указания о вывозе из Руси продуктов сельского хозяйства. Через Дербент в Среднюю Азию еще в IX веке вывозился славянский лен¹. У Льва Диакона мы встречаем известие, что император Цимисхий по договору со Святославом 971 года позволил Руси привозить в Грецию хлеб на продажу². Во времена еще более глубокой древности, более чем за тысячу лет до рассматриваемого нами периода скифы вывозили из наших припонтийских пространств хлеб в греческие полисы.

Наконец, еще одно, на наш взгляд, важное соображение. Несомненно, что в рассматриваемое время имело место большое обилие всякого зверя в лесах и рыбы в реках и озерах. Одна-

¹ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, 1937 г., стр. 50.

² Там же, стр. 52.

ко нельзя не учитывать при этом низкий уровень и самих средств охоты и рыболовства тех времен. Огнестрельное оружие даже в его самых примитивных формах тогда еще не было известно.

Могли ли эти промыслы при плотности русского населения в 4—5 человек на квадратный километр территории обеспечить всем необходимым воспроизводство общественной жизни, если иметь в виду, что результаты охоты и рыболовства всегда в большей или меньшей степени зависят от удачи и, следовательно, не могут быть регулярными? Не подсказывает ли этнография замкнутых охотничьих и вообще промысловых народов, что, даже при во много раз меньшей плотности населения, они не всегда способны даже к простому воспроизводству?

Представляется бесспорным, что при достигнутой russами рассматриваемой поры плотности населения расширенное воспроизводство на базе только или по преимуществу тех средств существования, которые давали лесные промыслы, исключено.

Если бы лес давал решающую часть средств потребления, то как объяснить очень частые сообщения летописца о неурожаях и связанных с ними голодовках населения? Эти сообщения каются, главным образом, северной и северо-восточной Руси, то есть лесной полосы, где условия для лесных промыслов были более благоприятны и где плотность населения по всем данным была меньшей, чем на юге Руси в полосе лесостепи. Летописец, например, сообщает о неурожае и голоде в Сузdalской земле в 1024 году. Эти голодовки вынуждали население со своими пожитками, годными для обмена, отправляться на ладьях вниз по Волге в Камскую Болгарию за хлебом. Ясно, что основную массу средств существования, в частности, средств питания, давал не лес.

Нам нет нужды углубляться в дальнейшее рассмотрение «дикарских» взглядов Шлецера, Леклерка и Щербатова и их адептов: Ключевского, Довнар-Запольского и Рожкова, которые лишь модернизировали, под давлением фактов лишь смягчали, по существу, ту же точку зрения на производительные силы древней Руси. Нет нужды углубляться и в причины столь упорной защиты этих взглядов. Заметим лишь, что дело здесь, в частности, заключается в стремлении изобразить древнюю Русь бесклассовым обществом. Идеалистическая подоплека этой точки зрения не подлежит сомнению.

Несостоятельность версии о приоритете лесных промыслов в древнерусском производстве вскрывают сами археографические памятники. Летописец в своих записях уделяет внимание лишь наиболее значительным, с его точки зрения, событиям. Производство материальных благ для него слишком прозаичекая и обыденная вещь. Об этой стороне дела, для него непримечательной, из года в год утомительно повторяющейся, он повествует в общем и целом скрупульно.

стик, не исследователь. Однако и в этих скучных показаниях он повествует не только и не столько о лесных промыслах, сколько о земледелии, причем нет никаких данных, которые свидетельствовали бы, что он отдает предпочтение лесным промыслам, как основному занятию древних руссов.

Во вступительной части летописи содержится предание об аварском (обрском) гнете над предками руссов. «Аще будет поехати Обрину, и недадяше впрячи коня, ни вола, но веляше впрячи 3 или 4 или 5 жон в телегу и повезти Обрина». Конь, вол и телега — элементы, конечно, земледельческого, а не охотничьего пейзажа. События, о которых идет речь в приведенном тексте, относятся ко временам, на несколько столетий предшествовавшим деятельности летописца. Сила этих показаний не ослабляется, а наоборот, увеличивается даже в том случае, если в них содержится элемент модернизации обстановки со стороны летописца применительно к его временам и его привычным представлениям.

Далее, в той же вступительной части летописи, текст которой начинается: «Ин же закон Франиожьская Галиимом...» и в которой говорится о женщинах этого народа, летописец обращает внимание не только на то, что они «ловят зверь гораздо», но и «корют и храмы сзижают», то есть пашут и воздвигают храмы.

Поборы мехами, медом и проч. с русских племен чужеземцами и русскими князьями, как можно видеть из летописей, было делом совсем обычным. Соответствующие тексты содержатся под датами 859, 863, 914, 981 и других годов. Наше внимание должно привлекать не только то, чем, но и с чего эти поборы производились, что было объектом обложения. Облагались дым, плуг и рало, причем не только у племен лесостепи, но и лесной полосы. Академик Б. Д. Греков справедливо указывает: «Дым или дом — это, несомненно, оседлое хозяйство — очаг, двор, индивидуальное хозяйство, поскольку оно облагается как особая хозяйственная единица. Плуг и рало говорят сами за себя»¹.

Летопись под датами рассматриваемого периода содержит и ряд других мотивов земледельческого, вообще сельскохозяйственного пейзажа. Например, в рассуждении древлян под 945 годом: «Аще въвадится волк во овцы...». В обращении Ольги к древлянам в 946 году: «делають нивы земля своя...». В повествовании «О сем, како перехитриша Белгородцы Печенег» под 997 годом жители по совету старца собирают Меж себя по горсти овса, пшеницы и отрубей для приготовления киселя. Во время голодного бунта 1024 года в Суздале, о котором мы упоминали выше, люди «ожиша» после того, как из Болгар по

¹ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, 1937 г., стр. 143.

Волге были доставлены пшеница и жито. Под 1087 годом летописец повествует: «...десятину даа святей Богородици из всех сел своих от скота и от жита на вся лета...». Аналогичные мотивы звучат в сообщениях 1158 и других лет.

Наконец, в гораздо большем числе статей «Правды Русской», Краткой и Пространной, звучат сельскохозяйственные мотивы, чем мотивы ловческие и бортные. В «Краткой Правде» к ним относятся статьи 21, 23, 24, 28, 31, 34, 36, 39, 40 и 42. В «Пространной» статьи, 9, 13, 41, 42, 43, 57, 58, 72, 73, 82, 84, 96 и 109.

Таким образом, даже оставаясь на почве только письменных источников, нетрудно видеть, что Н. А. Рожкову и всем его предшественникам ни летописи, ни «Правда Русская» не давали никаких оснований заключать, что древние руссы занимались только или по преимуществу лесными промыслами, что преобла- дающая масса производственного опыта и навыков к труду была связана с этими промыслами и что, следовательно, звероловство и бортничество доставляли решающую часть материальных благ, необходимых для общественного воспроизводства.

3

С еще большей силой на голову таких исследователей и ученых обрушаются вещественные памятники, данные археологической науки. В одном из предыдущих подразделений нашей работы мы охарактеризовали наше отношение к нумизматическим памятникам, высказали соображения о их роли и значении для исследования. В общем ансамбле фактов, свидетельств и показаний о древнерусском денежном обращении мы им отводим, в силу их предельной объективности, роль первой, ведущей скрипки. Аналогично наше отношение к вещественным памятникам, характеризующим средства производства, а среди них в первую очередь орудия производства древних руссов.

«Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов,— пишет Маркс,— останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда... Из числа самих средств труда механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, составляют характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства...»¹.

Обратимся теперь к останкам производственного костяка древнерусского общества.

Без всякого преувеличения можно сказать, что понадобились бы многие тома для того, чтобы свести воедино добытые русской

¹ К. Маркс. Капитал, том I, 1949 г., стр. 187.

и советской археологической наукой вещественные памятники интересующего нас вида, причем свести без всяких комментариев, сухо и бесстрастно, просто в стиле бухгалтерской инвентаризационной ведомости: там-то, в таком-то культурном слое, обнаружено то-то, то-то и то-то.

В нашем обзоре этих остатков мы остановимся лишь на их самой малой толице. В эту толику мы включаем не специально отобранные памятники, а то, что у дилетанта могло находиться в данный момент под руками. В нарочитости отбора никто упрекнуть нас не может.

Железные лемехи, серпы и косы, остатки хлебных злаков: проса, пшеницы, овса, ржи, мака, конопли, гороха, вики и даже остатки муки. Таков археологический инвентарь Райковецкого городища, около Бердичева. Оно примечательно тем, что его население погибло или было согнано с места внезапно в начале XIII столетия, по-видимому, в результате татаро-монгольского разгрома, оставил для археологов, так сказать, полный комплект вещественных памятников своего материального обихода¹.

Раскопки древнего поселения по Роси в Княжей горе в земле полян, которое археологи приурочивают к XI—XII столетиям, помимо перечисленных орудий производства, дают также плуги².

Аналогичный, утомительно повторяющийся характер археологического инвентаря можно проследить в курганах северян, обитавших от верховьев Десны на юг в междуречье Днепра и Сулы³, в курганах древлян по правому берегу Припяти⁴.

Четыре серпа, зернотерка, жернова, остатки злаковых хлебных культур: проса, ржи, ячменя, мягкой и твёрдой пшеницы, гречи, льна и мака. Таков археологический инвентарь Донецкого городища, раскопанного в 1929 году А. Федоровским, недалеко от Харькова, на правом берегу реки Уды близ с. Каравчёвки. На раскопанной части селения обнаружено восемьдесят ям, состояние и инвентарь которых явно указывает, что они предназначались для хранения запасов зерна. Стены ям тщательно выровнены, многие из них со следами глиняной либо известковой обмазки и остатками бересты, которой эти ямы выстилались, в ряде ям обугленные остатки зерен злаковых культур. Все это обнаружено в древнем слое XI—XII столетий⁵.

Мотыги с серпами и жерновами, обугленные (от пожара) зерна ячменя, овса и пшеницы. Отпечатки ткани, хорошо сохра-

¹ Ф. Н. Молчановский. Обработка металла на Украине XI—XIII веках по материалам Райковецкого городища. Проблемы истории докапиталистических обществ, № 5, 1934 г., стр. 83—93.

² Б. Д. Греков. Feодальные отношения в Киевском государстве, 1937 г., стр. 46.

³ Самоквасов. Северянские курганы. Труды III Археологического съезда, том I, стр. 219.

⁴ Антонович. Раскопки в земле древлян. Материалы по археологии России, № 11, СПБ, 1893 г., стр. 15.

⁵ Хроника археологии та мистецства, Киев, 1930 г., ч. I, стр. 5—10.

нившейся на обожженной глине, свидетельствуют о культивировании льна. Остатки сохи или плуга (сошники или лемехи) не обнаружены. Так представлен археологический инвентарь Ковшаровского городища на Смоленщине, датируемого XI—XII веками¹.

150 радиометрических курганных погребений, раскопанных Б. А. Рыбаковым и датируемых X—XII веками, дают в большом количестве топоры, серпы и косы-горбушки. Металлические сошники не обнаружены. Так обстоит по Сожу и самым верховьям Днепра. Тот же Б. А. Рыбаков в городищах дреговичей (нынешнее Полесье) в слоях VIII—IX столетий обнаружил и сошники².

Раскопки Равдоникаса, Арциховского, Третьякова, Воронина и других в Новгородской и Московской Руси (ильменские словене, кривичи, вятичи и друг.) рисуют картину, в основных чертах сходную со Смоленщиной.

Таковы факты, объективные факты, и притом (лемехи и сошники, серпы, косы и мотыги) железные факты, характеризующие такой элемент производительных сил древней Руси, как орудия производства. По своему упрямству они способны вступить в любое состязание и с первыми русскими серебренниками и с диргемами.

Должно быть отмечено одно важное обстоятельство. Чем дальше с юга на север и северо-восток мы будем продвигаться по археологической карте древней Руси, тем, во-первых, менее совершенными являются орудия производства, краткий обзор которых мы только что сделали выше, и, во-вторых, тем позднее в общем и целом они появляются. На юге железный лемех и сошник — явление более раннее, чем в Полесье, на Смоленщине, в Новгородской, Ростово-Сузdalско-Владимиро-Московской Руси. «Десятым веком датируются первые находки железных сошников на русском Севере»³.

Объясняется это не только тем, что чистая подсека не требует сошника, но и тем, что юг с глубоких времен представлял собой сочетание леса и степи и, таким образом, имел более благоприятную обстановку для более раннего применения лемеха и сошника. Вопрос приобретает еще более полную ясность, если мы учтем, что геродотовы скифы-земледельцы по среднему и нижнему течению Борисфена (Днепра) и скифы-пахари по течению Гипаниса (Буга) знали уже высокую по своим временам земледельческую культуру. А их вклад в венедо-антскую, иными словами в древнейшую восточно-славянскую культуру в широком смысле, то есть, например, даже соматически, те-

¹ А. Н. Ляданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Госуд. университета, том III, вып. 3, стр. 247. 1926 г., Смоленск.

² Б. А. Рыбаков. Радзимичи. Працы Археологичнай Кампісціі, Минск. Такоже выступление 28.X 1934 на заседании МОГАИМК.

³ В. Мавродин. Древняя Русь, 1946 г., стр. 110.

перь подавляющим большинством историков, этнографов и лингвистов признается заметным.

Надо иметь в виду также, что граница так называемой лесной полосы Восточной Европы, а вместе с ней лесостепи, в ту пору проходила значительно южнее.

Этими справками мы хотим показать, что земледелие на лесостепном юге имело многовековую историю, в то время как в лесной полосе оно в течение многих лет пребывало в самых примитивных формах. Подсечное или огневое земледелие очень медленно эволюционизировало в земледелие пашенное. Завоевание последним господствующей роли в рассматриваемое на-
ми время и в лесной полосе — явление совершенно отчетливое.

Археологические раскопки городищ, селищ, дворищ и погребений дают богатый инвентарь, характеризующий и еще одну сторону производительных сил. Мы имеем в виду остеологические материалы. Крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья, на юге верблюд, домашняя птица, собака и другие четко представлены в этих материалах. В кухонных отбросах представлены и костные остатки лесных зверей, дикой птицы и рыб. По археологическим наблюдениям П. Н. Третьякова в лесной полосе «среди костей животных, находимых на городищах и селищах при археологических раскопках, кости диких животных составляют... не более 15—20 %»¹. Найдки рыболовных крючков, глиняных грузил для сетей и проч. указывают на рыболовство как отрасль приложения труда и источник пищи.

Несколько слов о «сосудистой системе» древнерусского производства. О всем деревянном, по понятным причинам, мы можем с большим или меньшим вероятением лишь предполагать или судить о нем по косвенным данным, например, по останкам орудий, посредством которых оно изготавлялось. Исключением в этом отношении являются некоторые местности лесной полосы (Новгород), где в древнейших культурных слоях обнаруживаются в хорошей (археологической) сохранности, например, кожевенные чаны и т. п. Что касается керамики, то для рассматриваемой поры она в подавляющей части является продукцией гончарного круга.

Приведенный нами реестр вещественных памятников, в значительной части по своей материальной субстанции железных, которые не могла сокрушить всепобеждающая и всесокрушающая сила времени, позволяет внести полную ясность в рассматриваемый вопрос. Перо летописца повествует убедительно, железный сошник, топор, серп и коса повествуют предельно убедительно. В рассказе последних момент субъективности и предвзятости в оценках исключен абсолютно. Их бесчувственность — их сила.

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 55.

Итак, решающая часть производственного опыта и навыков к труду у древних руссов была связана с земледелием, с сельским хозяйством в широком смысле, растениеводством и оседлым животноводством. Основная масса труда поглощалась этой отраслью производительной деятельности. Эта отрасль доставляла решающую часть материальных средств, пищи, одежды и т. д., необходимых для воспроизводства.

Мы не входим в рассмотрение различий в уровне развития сельского хозяйства применительно к лесной полосе и лесостепи. Эти различия несомненно существовали, отражая собой неравномерность в развитии земледелия, в орудиях сельскохозяйственного производства, по-видимому, и в удельном весе сельского хозяйства. Но эти различия не колеблют основного вывода о преобладающей роли сельского хозяйства, в том числе и в лесной полосе.

В лице древних руссов мы имеем дело с оседлым населением. Несостоятельность версии Покровского о своеобразном русском кочевом земледелии совершенно очевидна. Конечно, какая-то часть древнерусского населения в связи с печенежскими и половецкими набегами переселялась с юга на более спокойный север и северо-восток. За несколько столетий до этого такое же явление, по-видимому, имело место и в связи с гунно-аварским нашествием. Дает ли это хотя бы какую-нибудь видимость основания для версии кочевого земледелия? Конечно, нет. С позиций такой, с позволения сказать, логики и наших переселенцев в Сибирь из центрально-черноземных областей и Украины тоже можно объявить кочевниками.

Что касается подсеки, с которой связано забрасывание через сравнительно короткие промежутки времени и притом на 40—60 лет одной посевной площади и переход к другой, то и она никак не питает эту версию. Подсечно отработанные посевные площади окончательно не забрасывались, в смысле населения не опустевали, а через так называемый лесной перелог эволюционизировали к пашенному земледелию. Железный лемех и сошник сыграли в этом отношении крупную роль. Естественный и механический рост населения вызывал необходимость расширения сельскохозяйственных площадей. Сама подсека в этом процессе теряла свой характер системы, становилась уже в рассматриваемую эпоху лишь средством, этапом к пашенному земледелию. Влияние буржуазной исторической науки у М. Н. Покровского сказалось, между прочим, и здесь. Признавая под давлением неоспоримых фактов преобладающую роль земледелия, он под влиянием буржуазных историков своей теорией бродячего земледелия пытался поддержать модернизированную «дикарскую» концепцию, так сказать, с другого конца.

Отдавая приоритет земледелию и связанному с ним оседлому животноводству, неправильно было бы сводить промыслы (лес и река) на положение «едва заметного занятия», как это делают некоторые наши историки, например, Б. Д. Греков. Это неправильно не только для севера, северо-востока и запада древнерусской территории, то есть для лесной полосы, но и для юга, то есть для полосы лесостепи. В балансе труда, в пищевом балансе, в экспортной части торгового баланса, как одна из важнейших натуральных форм, в которой изымался прибавочный продукт, продукты лесоречных промыслов были явлением весьма заметным, усиливающимся тем больше, чем дальше на север и северо-восток мы будем продвигаться по карте древней Руси.

Об остеологических останках мы уже говорили выше. Что касается орудий охоты и рыболовства, то незначительность их остатков понятна, если иметь в виду, что железо здесь почти не применялось, а если и применялось, то не в качестве орудия охоты, как такового. Железные орудия охоты (топор, нож и проч.) не обособились от орудий производственного обихода и войны.

Для обоснования взгляда на охоту, как на ничтожное или «едва заметное» занятие руссов, делаются иногда ссылки на ничтожный размер дани, устанавливавшейся, например, хазарами с подвластного им славянского населения. По белке от рала или с дыма (дома) — дань действительно очень небольшая. На легкость такого размера дани указывает и сам летописец под 863 годом: «дань легку по чёрне коуне». И здесь дань именуется легкой, хотя речь идет и не о белке, а о более ценном звере. Закономерен ли, однако, отсюда вывод о ничтожной роли охотничьего промысла как отрасли производительной деятельности? Нам представляется, нет. Ведь модус фактического соотношения сил даже в отношениях покорителя и покоренного, победителя и побежденного не снимается, а лишь видоизменяется. Поэтому покоритель не всегда берет то, что он, покоритель, может взять. Символический характер дани — явление в истории нередкое. Нам очень мало известно об этом аспекте хазаро-славянских отношений. Бесспорным представляется лишь одно. Хазары, надо полагать, не испытывали недостатка в желании взимать большую дань. Но они брали то, что позволял модус фактического соотношения сил.

Наряду с продуктами домашнего животноводства продукты звероловства и птицеводства входили заметной мясной и жировой статьей в пищевой баланс древних руссов, особенно в лесной полосе (лось, зубр, медведь, олень). Чрезвычайно раз-

ветвлённые речные системы восточноевропейской равнины деляли заметной в пищевом балансе и рыбную статью.

При всём этом, повторяем: эти отрасли не решали, население от голодовок во время недородов не избавляли.

5

Всю ли массу труда древнерусского общества поглощали, во-первых, сельское хозяйство, включая в последнее земледелие (пашенное и огневое) и домашнее, то есть оседлое животноводство, и, во-вторых, лесные (звероловство и бортничество) и речные (рыболовство) промыслы? Иными словами, можем ли мы освещение вопроса о производительных силах древней Руси считать законченным, исходя из того, что возможные другие отрасли производительной деятельности, другой производственный опыт и навыки к труду у руссов были настолько незначительны, что не заслуживают особого внимания?

Нет. В древнерусских письменных источниках и в вещественных памятниках нельзя не подметить совершенно отчётливо выраженный процесс второго крупного общественного разделения труда, отделение ремесла от сельского хозяйства.

«Много» и «мало», «сильно» и «слабо» — законные и необходимые слова в обыденном речевом обиходе. Сильно или слабо было развито ремесло в IX—XII веках на Руси? Ответ на вопрос в такой постановке, очевидно, может быть только таким: и сильно и слабо. Сильно по сравнению со скифо-сарматским и антским периодами, слабо по сравнению, например, с петровскими временами. Существует, впрочем, и ещё один аспект. Сильно или слабо было развито ремесло по сравнению, например, с сельским хозяйством? Иными словами, большую или меньшую роль в древнерусском балансе труда играло ремесло по сравнению с сельским хозяйством? Вне всяких сомнений — меньшую.

Из сферы этих столь же определённых, сколь и неопределённых «сильно», «слабо», «больше», «меньше» и т. п. мы могли бы выйти, обратившись к числу, то есть к цифровой характеристике распределения населения, труда и продукта между отдельными отраслями производительной деятельности древних руссов. Речь, разумеется, идёт о приближённых, ориентировочных подсчётах и расчётах, подобных тем, которые произведены, например, Б. Ц. Урланисом в отношении общей численности населения Восточной Европы для рассматриваемой поры. Такие подсчёты, к сожалению, никем еще не сделаны.

Хотя ремесло по сравнению с сельским хозяйством поглощало меньшую долю труда древнерусского общества, оно в свете основной задачи нашего исследования должно привлечь к себе не меньшую долю нашего внимания. Почему? Потому, что «с распадением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосред-

ственno для обмена, товарное производство; вместе с ним появляется торговля...»¹ — указывает Энгельс. А вместе с торговлей появляется её непременный спутник — деньги, денежное обращение, денежные отношения, эквивалентная форма стоимости, степень развития которой нам и предстоит рассмотреть.

Итак, обратимся к ремеслу, к отрасли производительной деятельности древних руссов. Древнерусское ремесло своими корнями уходит далеко в глубь веков дорусского периода в жизни восточного славянства. Генетически оно связано со скандинавскими и венедо-антскими временами.

Представление о степени развития ремесленного производства на Руси мы можем составить себе не только в огромной степени умножившимися вещественными памятниками, но и на основании прямых письменных показаний и свидетельств.

«О ремественице² и о ремественице. А за ремественика и ремественицу, то 12 гривен»³, — гласит статья 15 «Пространной Правды». Жизнь ремесленника и ремесленницы охраняется древнерусскими законами более высокой пеней, чем рядовика (статья 14), и такой же, как жизнь сельского тиуна, являвшегося княжеским администратором на селе (статья 13).

Ремесленные мотивы содержатся в целом ряде сообщений нашего летописца. Каждый исследователь древнерусского ремесла или соприкасающийся с этим вопросом обычно ссылается на сообщение летописи под 993 годом, указывающее на существование кожевенного ремесла. «Единою бо ми сваряюща на него, оному мнущю кожю, и разгневався на ми, преторже кожю руками.»⁴ Русского юношу-богатыря, о котором здесь идет речь летописи называют то Ян Кожемяка, то Ян Усмошевец. Последнее прозвище указывает и на ремесло сапожное, может быть, не везде еще обособившееся от кожевенного.

Сообщение под 996 годом: «Егда подпиахутся, начаху роптати на князя, глаголюще: «Зло есть нашим головам ясти деревянными лжицами, а не серебряными!» Се слышав Володимер, повеле исковать лжицы сребрены...»⁵ — указывает на существование ювелирного (златокузнецкого) производства.

О плотниках говорит сообщение под 1016 годом: «И нача воевода Святопольч Волчий Хвост, ездя возле берег, оукаряти Новгородци глаголя: «Почто придоша с хромцем сим? А вы плотники суще, приставим вас хоромов наших рубити!»⁶

«Лучше бы ми железо варити, ни (нежели) со злую женою быти» — сетует Даниил Заточник. Он же поучает: «Не огонь

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1934 г., стр. 142.

² По-видимому, «о ремественике».

³ Правда Русская, 1947 г., том II, стр. 317.

⁴ Полное собрание русских летописей, издаваемое археографической комиссией, том XXIV, типографская летопись, 1921 г., стр. 40

⁵ Там же, стр. 41.

⁶ Там же, стр. 47.

творит разжение железу, но надмение мешное». Древние руссы были знакомы с надмением, то есть дутьём, иными словами — с доменным процессом выплавки, по-древнерусски, варки железа из руды.

Мы могли бы значительно расширить перечень аналогичных письменных показаний и свидетельств.

Ещё более яркую и убедительную картину развития древнерусского ремесла рисуют нам вещественные памятники.

Выше мы уже видели, что лемех и сошник, топор и тесло, серп и коса прочно вошли в производственный обиход древних руссов. Всё это железо. Круг его применения был более широк, если мы учтём богато представленное вещественными памятниками древнерусское военное оружие. Шлемы и кольчуги, мечи и копья — все это тоже железо и сталь.

Чьи руки изготовили все эти орудия производства и войны? Если в них застыл живой труд древнерусских мастеров, «умельцев» и «хитрецов», то откуда приходил труд овеществлённый, сырьё, железо и железная руда?

Сторонники «дикарской» концепции и их эпигоны конца XIX и начала XX столетий в лице так называемой «торговой версии» утверждали, что железо на территории древней Руси не добывалось, что древнерусской чёрной металлургии не существовало, что всё это, в том числе и подавляющая масса готовых орудий и оружия, завозилась извне.

Советская археологическая наука блестяще доказала полную беспочвенность этих взглядов и утверждений. Самым крупным вкладом в изучение этого вопроса в нашей исторической науке является работа советского археолога и историка Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси».

Территория древней Руси располагала месторождениями железной руды. Это был бурый железняк из болот и озёр, содержащий от 18 до 40% железа и вполне пригодный для добычиания из него, правда, ценой огромного и тяжелого труда, так называемого кричного железа. Доменное и кузнецкое дело были теснейшим образом связаны, так как пористая масса крицы требовала после её получения тщательной проковки, прежде чем из неё можно было изготавливать те или иные железные орудия и оружие. Наши археологи (Б. А. Рыбаков, Арциховский и другие) в раскопках ряда городищ (Кимия, Лабенская, Райки, Вышгород и др.) обнаружили остатки древних доменных печей обычно в сопровождении тяжёлых шлаковых отвалов. Необычно большой вес шлаков указывает на то, что примитивность доменного процесса не позволяла полностью восстанавливать все железо, содержащееся в руде. В Вышгороде и на Райковецком городище обнаружены и крицы.

Погребальный инвентарь могильников (например, Шестовицкого, Подболотьевского и других) даёт возможность точно установить почти весь инструмент, которым пользовались

древнерусские кръчи, на современном языке кузнецы-ковали. Наковальня, молот, ручник, клещи, зубила, обжимки и проч хорошо были известны. Древние russы хорошо владели сваркой, клёлкой и закалкой. Стандартизованный характер кузнечных изделий применительно к отдельным районам, причем эта особенность прослеживается в отношении орудий производства и вещей домашнего обихода, указывает на сложившиеся ремесленные традиции, опыт и навыки, на появление специального, сложного труда ремесленника, труда, требовавшего предварительного, и притом длительного, обучения. По сравнению с железным инвентарем античных, и тем более скифо-сарматских, городищ и погребений отчетливо выступает более высокое качество ковки, сварки и в целом обработки металла. Изделия russких металлистов хорошо были известны Западу. Чешские письменные источники XIV века упоминают о russких висячих замках, находивших сбыт на чешских рынках.

Топоры и секиры, тесла и железки рубанка, долота и резцы, бурава (сверла) и скобели, находимые при раскопках, свидетельствуют о значительном развитии деревообработки. Основным материалом древнерусских построек, в том числе и городских, было дерево. «Плотники, работавшие в городе,— пишет Б. А. Рыбаков,— очевидно, не могли быть сезонными ремесленниками, совмещавшими свое ремесло с земледелием, так как время плотничих работ, лето, совпадало с полевыми работами; зимой готовили брёвна для строек, весной пригоняли в город плотами, летом строили»¹.

Благодаря особенностям почв лесной полосы до нас дошли многочисленные вещественные памятники, остатки рубленых изб, городней, тынов, предметов домашнего обихода: бочек, ковшей, ложек и пр. Плотницкий конец Новгорода Великого указывает на широкое бытование этой ремесленной профессии. В XII веке обработка дерева была уже поделена между нескользкими профессиями. Помимо плотников (древоделей) существовали ремесленники — столяры, тесляры, городники, мостники, бочары и др.

Широко было развито гончарное производство. Б. А. Рыбаков указывает на существование в крупных городах Руси ножного гончарного круга². Гончарный конец Новгорода Великого говорит сам за себя.

О кожевенном производстве свидетельствуют не только многочисленные упоминания в письменных источниках, но и вещественные памятники. На Славенском холме в Новгороде археологи раскопали целую кожевенную мастерскую с чаном для химической обработки сырых кож, заготовками обуви и кож. Обработка кож представляется ещё связанный с шорным и сапожным делом.

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 145.

² Там же, стр. 139—140.

С конца X века на Руси, в первую очередь в крупных городах, появляются каменные сооружения. Возвведение первой русской каменной церкви, Десятинной церкви в Киеве, датируется 989 г.¹. В последующие столетия летописи пестрят сообщениями о сооружениях каменных церквей. Кроме церквей и монастырей, археологические раскопки указывают на появление и других каменных сооружений. До нас дошел «каменный фундамент здания, расположенного у Десятинной церкви. Нижний этаж этого здания был возведен из скрепленного известью красного кварцита, доставленного с Волыни, верхний же этаж был сложен из тонкого кирпича с рядами мелкозернистого песчаника и прослойками цемента с толченым кирпичом.

Кирпич был выкрашен светло-коричневой краской и имел скошенные боковые стенки. Среди остатков дворца найдены куски шифера, мрамора и других пород камня... Рядом к западу было расположено другое каменное здание, обмазанное штукатуркой, с богатой фресковой живописью. Родовой знак Владимира на одной из плит датирует здание концом X и началом XI веков². Аналогичную картину археология рисует и в отношении других крупных русских городов. В городских укреплениях, помимо земляных валов и рвов, появляются и такие элементы, как каменные башни. «Наивысшего расцвета русское каменосечное дело достигло в Сузdalской Руси в XII—XIII веках при Андрее Боголюбском, Всеволоде «Большое Гнездо» и Святославе Всеволодовиче³. Ростовчане и сузальцы презрительно отзывались о владимирских каменосечцах («то суть наши холопи каменьщици». Лаврент. летоп. 1175), подобно тому, как киевляне — о новгородцах-плотниках.

Все эти памятники свидетельствуют о значительном развитии камнеобрабатывающего дела. Речь идет о русских ремесленниках, занимавшихся обработкой камня для строительных целей. «По поводу строительства князя Всеволода летописец сообщает, что он «не ища мастеров от немец, но налезе мастери от клеврет святое богородици и своих» (Лаврентьевская летопись, 1194); другими словами,— указывает Б. А. Рыбаков,— здесь речь идет о русских церковных и княжеских ремесленниках, строивших сузальский собор⁴.

Помимо строительных целей, обработка камня широко велась и для удовлетворения эстетических потребностей. Это смыкалось уже с ювелирным делом, на котором мы остановимся ниже.

Прядение и ткачество волокнистых и шерсти, изготовление тканой одежды было распространеннейшим занятием древних руссов. Об этом свидетельствуют не только письменные источ-

¹ В. Мавродин. Древняя Русь, 1946 г., стр. 121.

² Там же, стр. 126.

³ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 160.

⁴ Там же.

ники, но и вещественные памятники. Обрывки «различных льняных и шерстяных тканей со сложным тканым, вышитым и даже набивным рисунком»¹ археологи нередко находят при раскопках. Однако вопрос о том, превратилось ли ткачество из домашних занятий в ремесло, не поддается решению в сколько-нибудь прочной и определенной форме. Прямых свидетельств и показаний в этом отношении нет.

В пятой главе первого тома «Капитала» Маркс, говоря о костной и мускульной системе производства, к положению: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда», делает следующее примечание: «Из всех товаров предметы собственно роскоши имеют наименьшее значение при технологическом сравнении различных эпох производства»².

Тем не менее мы должны остановиться на древнерусском ювелирном деле, производившем предметы роскоши. Пресвитер Теофил во введении к своему трактату о технике художественных ремесел, написанному в X веке, обращаясь «к читателю, перечисляет ряд стран — Грецию (Византию), Руссию (Русь), Аравию (арабов), Италию, Францию, Германию, славившихся каждой тем или другим видом художественного ремесла, и среди них называет и древнюю Русь со следующей характеристикой, в общем контексте: «Если ты его (то есть трактат) подробно изучишь, то узнаешь, что нового изобрела Русь в искусстве изготовления эмалей и в разнообразии черни». Таким образом, для Теофила художественное ремесло древней Руси, — пишет Б. А. Рыбаков, — уже в X веке не только стояло на одном уровне с другими странами Западной Европы, но и выделялось среди них своеобразием некоторых видов своей художественной техники³.

И действительно, вещественные памятники этого рода свидетельствуют о высоком уровне техники и художественного мастерства, достигнутых древнерусскими ремесленниками в обработке благородных и цветных металлов, фигурного литья, перегородчатой эмали, зерни, скани, в ювелирной обработке драгоценных и полудрагоценных камней, хрусталя, аметиста, яхонта, сапфира, сердолика, яшмы и друг., в обработке кости, стеклоплавильном деле, которое до недавних времен считалось неизвестным древним руссам. В решающей своей части все эти изделия были продукцией городского ремесла. Города были и основными её потребителями.

Незначительным с точки зрения освещаемого нами в данный момент вопроса, но примечательным, как мы увидим ниже, в другом отношении является овручский камнерезный промысел. Разработки розового шифера в районе города Овруч на

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 152.

² К. Маркс. Капитал, том I, 1949 г., стр. 187.

³ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 134.

нынешней Украине начались в первой половине XI века, по-видимому, в связи со строительством в Киеве и других городах древней Руси каменных сооружений. Заметим, что залежи розового шифера в Восточной Европе имеются только в этом районе. В других местах их нет. Археологи около города Овруч открыли несколько мастерских по изготовлению так называемых прядильщиков из розового шифера. Прядильщик или прядильница представляет собой кольцо, надеваемое на веретено для ускорения его движения. Эта продукция овручских смердов примечательна тем, что археологи находят её в тысячах экземпляров на городищах и в погребениях не только на территории древней Руси, но и за её пределами, в Польше, Камской Болгарии и друг.

Письменные и вещественные памятники позволили Б. А. Рыбакову наметить список 42 ремесленных профессий древней Руси. К ним относятся «кузнецы железу», домники (кричники), «оружейники», «бронники», «гвоздочники», «замочники», «котельники», «кузнецы меди и серебру», «чеканщики» (серебренники), «плотники» (древодели), «огородники» (строители городских стен), «мостники», «тесляры» (столяры), токари, бочары, «ковшечники» (резчики дерева), лодейники, каменщики (каменосечцы), «кожевники» (кожемяки, усмары), «усмощенцы», «сапожники», «седельники», «тульники», сафьянщики, скорняки, ткачи, опонники, портные швецы, гончары, кирпичники (плинфоделатели), «златокузнецы», эмальеры, стекольщики, «лучники», гребенщики (резчики кости) и т. д. и т. п.¹.

Топография и характер вещественных памятников совершенно отчетливо указывают на различный уровень развития ремесленного производства, его разделенности и техники в городе и деревне, демонстрируя, таким образом, одну из черт развивавшейся противоположности между ними. Утверждение Б. А. Рыбакова: «Во всех этих раскопках городов характерно то, что почти каждый городской дом является жилищем (или одновременно и мастерской) ремесленника»² невозможно заподозрить в большом преувеличении. Деревенское ремесло по археологическим данным представлено значительно меньшим числом профессий, чем городское и прымкавшее к этому последнему ремесло вотчинное. Кузнецы железу, гончары, бочары, кожемяки и овчинники — вот в сущности и все наиболее типичные представители деревенского ремесла.

Б. А. Рыбаков резюмирует: «Сводя воедино все данные о различных технических приёмах русских ремесленников, о времени их появления и исчезновения, мы получим следующую картину:

1. Одним из важнейших переломных моментов в истории

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 166.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, 1948 г., стр. 205.

Киевской Руси является IX век, когда в дополнение к существовавшим ранее техническим приемам появились новые приемы обработки железа и стали, появился гончарный круг, пuhanсонная чеканка, выемчатая чернь, зернь и выемчатая эмаль (кетлахского типа). Некоторые из них явились результатом тесных взаимоотношений с ирано-арабской культурой, другие же были развитием местных приднепровских навыков.

2. Следующим периодом расцвета была вторая половина и особенно конец X столетия, когда налаживается производство шлемов, кольчуг, на гончарных изделиях появляются клейма гончаров, появляется плоскорельефная чеканка, волочение проволоки и филигрань. К концу столетия возникают три сопряженных между собой производства: эмаль, стекло и эмалевая полива на строительной декоративной керамике. Перенесение этих производств на киевскую почву, вероятно, связано с усилением русско-византийских отношений при Ольге и Владимире.

Для IX—X веков характерно ведущее значение Киева и других городов Среднего Приднепровья. Из более северных городов можно назвать лишь Смоленск. Новгород в это время ещё не приобрел ведущего значения для северных областей.

То новое, что появилось во второй половине X века в ремесленной технике, тесно связано с обслуживанием княжеского двора от постройки дворца до вооружения княжеских дружины. Совершенствовалось преимущественно придворное, вотчинное ремесло. Впрочем, наряду с ним существовало и свободное посадское ремесло.

3. Примерно в середине XI столетия у различных ремесленников появляется тенденция к ускорению процесса производства, к его некоторой механизации (кропотливая чеканка заменяется штампованием на матрицах), литьщики, озабоченные выпуском массовой продукции, переходят к литью в прочных и долговечных каменных литейных формах.

Наряду со стремлением к массовости продукции, охватившим и вотчинных ремесленников, некоторые группы мастеров переходят к более точной обработке каждой отдельной вещи. Особенно выделяются новгородские ювелиры-чеканщики. Примерно в это же время в Киеве налаживается широкое производство замков и мечей особого русского типа.

4. Расцвет городского ремесла наступает около середины XII века и продолжается вплоть до самого татарского нашествия. Может быть, здесь сказалась большая полнота источников, но культура русских княжеств XII—XIII веков предстает перед нами высокоразвитой, полнокровной, блещущей изобретательской мыслью, быстро совершенствующей свою технику.

Даже в небольших городах имеются сложные домницы для варки железа, несколько систем гончарных горнов. Культура

растет и вширь, охватывая все большее число городов. В этом отношении показательно появление выделки кирпича и развитие каменного строительства во многих городах. Киев и Среднее Приднепровье, оставаясь высококультурными областями, перестают быть единственным средоточием культуры. Наряду с этими старыми центрами, на основе взаимосвязей с ними, возникает столь же сложное и разветвленное ремесло во Владимире, Рязани, Новгороде, Галиче, Полоцке и других городах.

Наметившиеся в прошлый период два направления — массовое и индивидуальное — еще резче выступают теперь.

Стремление к массовости сказалось в совершенствовании техники двухстороннего воскового литья, в появлении басменного тиснения. Особенно интересно появление имитационных литеиных форм, при помощи которых мастера сравнительно просто в широких масштабах воспроизводили в дешевом материале (бронза) сложнейшие изделия придворных ремесленников...

В отношении сложной техники перегородчатой эмали русские мастера стояли значительно выше своих западноевропейских современников.

Изобретение техники эмалевого пастилажа на керамике, а также способа нанесения золотой амальгамы на медь, давшего великолепные образцы своеобразной золотой графики, свидетельствует о том, что творческая мысль русских мастеров второй половины XII — начала XIII веков опережала развитие техники передовых стран Западной Европы, не знакомых с этими приемами¹.

Такова в кратких чертах картина производительной деятельности древних руссов в области ремесла.

Резюме нашего обзора производительных сил древней Руси мы сделаем ниже объединено с резюме о производственных отношениях.

ГЛАВА V

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Перейдем теперь ко второй стороне общественного производства древних руссов, к их производственным отношениям.

Марксистско-ленинская политическая экономия в отношении двух сторон общественного производства всегда подчеркивает два момента: во-первых, их нераздельность и, во-вторых, — их различие. Люди «не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности... Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, 1948 г., стр. 431—433.

только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»¹.

1

Выше мы видели, какими орудиями и средствами древние руссы производили необходимые им материальные блага. В обзоре производственных отношений нам предстоит ответить на вопрос: чью собственность составляли эти орудия и средства производства у восточных славян IX—XII столетий?

В письменных памятниках (летописи, «Правда Русская» и друг.) внимание прежде всего привлекает весьма высокая степень социальной дифференциации древнерусского общества. На вершине этой социальной лестницы — «великий князь Русский», основанием для нее служит наиболее многочисленная часть населения, носившая наименование смердов. Между вершиной и основанием располагаются другие социальные слои, а именно: просто князья, затем бояре или боляре, просто старцы или старцы градские и людские, посадники и старейшины от всех град, тысяцкие и сотские, лоучшие моужи, моужи нарочитые и просто моужи. Помимо смердов, низшие слои представлены челядинами, холопами, рядовицами, закупами, вдачами, изгоями и т. д. и т. п.

Вопрос о том, что перед нами иерархия не родового строя, а антагонистическая, настолько бесспорен, что мы на нем останавливаться не будем.

Ещё в договоре 912 года с греками указывается, что под рукой Олега, «великого князя Рускаго», «соуть» князья и бояре светлые. По своему положению они отличаются от других господствующих слоёв населения. В 882 году Олег, обращаясь к Аскольду и Диру, указывает: «Вы неста князья, ни роду княжь...» Летописец под 862 годом, называя их мужами Рюрика, однако, добавляет, что они не рюрикова, «не племени его, ни боярина...», проводя, таким образом, чёткую социальную грань.

«Слы» «великого князя Рускаго» — это по преимуществу боляре. «И послаша Игорь боляры своя к Роману...» (945). Они в других странах представляют великого князя, всех светлых князей и бояр и «людии вси Рустии...». В договоре 945 года с греками между слами (послами) и гостями (купцами) проводится грань. Первые имеют печати золотые, вторые серебряные, первым от греков полагается «слебное», вторым «месячное».

Игорь (944), Святослав (971), Володимер (988) со своими боярами и старцами держат совет, думают, принимают решения.

В составе древнерусской боярской знати можно различить две прослойки. Это бояре княжеские и бояре земские², имеющие часто «старцами», «старейшинами» или просто «старей-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, том V, стр. 429.

² Эта точка зрения высказана Б. Д. Грековым в «Феодальных отношениях в Киевском государстве», 1937 г., стр. 73—74.

шими». Владимир в 996 году «створи же праздник велик в той день боярам и старцам людским..., созва боляры своя и посадники и старейшины от всех град...» В 988 году для испытания веры Владимир «созва князи и боляры своя и старцы...» Боярство составляло непосредственное окружение князя, его опору во всех отношениях. Когда Ярослав Святополкович бежал в 1118 году из «Володимеря в Оугры, и бояре его отступиша от него».

Что мужи, лучшие мужи и мужи нарочитые представляли собой определённую социальную прослойку древнерусского общества, сомневаться в этом оснований нет, несмотря на противоречивость летописных текстов. Летописец под 862 годом повествует, что после смерти своих братьев Рюрик раздаёт «грады моужем своим». Что это за градовладельцы? Летописец тут же отвечает: «По тем градом соуть прывии начальници...» Аскольд и Дир, как мы только что отмечали, по сообщению летописца не князья и не бояре, а мужи Рюрика.

После убийства Игоря древляне посыпают к Ольге делегацию в составе 20 лучших мужей. После расправы с этими парламентёрами Ольга требует от древлян присылки мужей нарочитых. Эти мужи занимают в Деревской земле высокое положение. Новых 50 парламентёров летописец характеризует как людей, «иже держаху деревьскую землю». Воевода князя Святослава по имени Претич на вопрос печенега: «А ты князь ли еси?» — рекомендует себя мужем Святослава. В 971 году для переговоров с греческим царём Святослав посыпает «лоучшие моужи к царёви». Великий князь думает, совещается и решает не только с боярами и старцами, но иногда и с людьми нарочитыми. Князь Владимир в 988 году мужей, посланных для испытания и выбора веры, приглашает высказаться: «Скажите ми пред боляры, рече, моими и людьми моими нарочитыми».

Примечательный социальный оттенок вносит в понятие мужа известный эпизод единоборства русского с печенегом под Переяславлем в 993 году. Юноша, победивший в этом единоборстве печенежского великана, и отец юноши, которых летописец называет мужами, были ремесленники-кожевники. За победу над печенегом «Володимер же великим моужем створив его и отца его...»

В составе нарочитых людей существовали, по-видимому, две прослойки. Одна из них была близкой к князю и его двору, часто общалась с ним и его окружением, другая была в отдалении. Основание для такого заключения даёт текст летописи под 996 годом, где говорится, что князь Владимир повелел пир творить наряду с приглашёнными также «нарочитым людем при князи и без князи».

Драматические события 1015 года в Новгороде, по сообщению летописца, закончились казнью 1000 новгородских нарочитых людей.

Интересный материал для составления представлений о степени имущественного расслоения древних руссов даёт сообщение летописца, датированное 1018 годом. После поражения от Болеслава и Святополка Ярослав прибыл «с четырьмя моужи к Новоугороду». В его дальнейшие намерения входило отправиться за море. Новгородцы, однако, уничтожили приготовленные для путешествия лодки, «кроуще: «Хощем ся ещё бити по тебе с Болеславом и Святополком!». И нача скот сбирати: от моужа по четыре коуны и от старосты по 10 гривен, а от бояр по 18 привен». Здесь муж отличен от старосты большей дистанцией, чем последний от боярина.

«Правда Русская», «Краткая» и «Пространная» знает понятие мужа, точнее «свободна мужа». Об этом говорят статья 17 «Краткой» и статья 65 «Пространной Правды».

Выше мы отмечали противоречивость показаний летописца в отношении понятия мужа. Летописец употребляет этот термин в одних случаях в узком, в других случаях в широком смысле. Муж у него то обособляется от старцев и бояр и тем более от лиц княжеского рода, то перекрывает как будто старейшин, воевод и, по-видимому, даже боярство, особенно в сопровождении эпитетов «лоучший» или «нарочитый». Бесспорным представляется, что мужи в узком смысле слова — средняя прослойка древнерусского общества, свободная от личной зависимости, по своему положению и правам довольно чётко отделённая от низших, несвободных и зависимых слоёв населения.

2

Об этих низших слоях населения исторические документы упоминают также весьма рано. Ещё в договорах Олега и Игоря с греками первой половины X века имеются указания на категорию населения, именуемую челядью, челядинами, которые могут быть объектами купли-продажи. Договор 945 года в этом отношении носит прямо-таки прейскурантный характер. Явление это своими корнями, впрочем, уходит в глубокую древность, к скифо-сарматским временам. Рабы составляли обычный предмет торга и вывоза ещё в лучшие времена Ольвии, Херсонеса, Пантикопеи и других городов Боспорского царства. Торговля рабами дожила и до рассматриваемой нами поры. В составе русского вывоза внутренние и внешние письменные источники, наряду с мехами, воском и мёдом, неизменно называют челядь. Челядь была объектом купли-продажи не только на внешних рынках, но и на внутреннем. Об этом, например, говорят статья 16 «Краткой» и статья 38 «Пространной Правды».

Что представляла собой челядь по своему положению в древнерусском общественном строе? Был ли челядин полной собственностью его владельца? Ведь один факт торговли людьми ещё недостаточен для вынесения конкретных суждений. Сам по себе он говорит лишь о личной зависимости, не раскрывая её

степени, ибо проданным и купленным мог быть не только раб, но и крепостной, носители производственных отношений существенно различных общественно-экономических формаций, которым отвечает и существенно различный уровень развития производительных сил.

Показания нашей исторической документации позволяют ответить на поставленные вопросы так. Челядь была весьма широким собирательным понятием рабочей силы, люда несвободного и лично зависимого в самых различных степенях, начиная рабом и кончая обыкновенным вдачём. После исследований академика Б. Грекова поставить это положение под сомнение, по-видимому, невозможно¹. В состав челяди входил и инструментум вокале, раб, «которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину»². В этом нас убеждает, например, статья 28 «Правосудия Митрополичья», согласно которой убийство осподарем своего полного челядина не является душегубством, осподарь также, как за убой скотины своей, не несёт перед законом ответственности; за убийство челядина ему лишь вменяется проблематическая виновность перед богом. Аналогичен смысл 89-й статьи «Пространной Правды», устанавливающей «платити урок» лишь в том случае, если холоп или роба «будет без вины убиен». То же в «Уставной Двинской грамоте», устанавливающей неподсудность, «не вины не ємлют», случаев смерти холопа или робы в результате побоев осподаря. Существование в древнерусском обществе слоя людей рабского состояния представляется совершенно бесспорным.

В состав челяди входили и не рабы. На это указывает эпитет «полный», сопровождающий челядина в указанной статье «Правосудия Митрополичья». Помимо челядинов полных или холопов обельных, челядь включала в себя людей других степеней личной зависимости и несвободы. К ним относятся рядовичи и их разновидности в виде закупов и челядинов-наймитов, вдачи и изгои. Осподарь не может безнаказанно убить закупа. Статья 29 «Правосудия Митрополичья» признает это душегубством. Челядин-наймит по суду может покинуть своего осподаря, уплатив «ему задаток вдвое». Лишь самовольное бегство отдаёт «его осподарю в польницу», то есть в полное распоряжение. Так гласит статья 27 указанного документа. Такой же мотив проходит через статью 56 «Правды Пространной», согласно которой бегство закупа от господина превращает его в раба, «то обель». Эта же статья даёт право закупу выступить перед судом «обиды деля своего господина», и судьи «про то не работят его, но дати ему правду». Рядович, следовательно, не раб, он работает на своего осподаря по ряду, то есть по договору, за ним формально сохраняется право выряда, то есть вы-

¹ Имеются в виду работы Б. Д. Грекова «Феодальные отношения в Киевском государстве» и «Крестьяне на Руси».

² Краткий курс Истории ВКПб, 1938 г., стр. 119.

хода из кабалы, из зависимого состояния, например, путём уплаты удвоенного задатка, полученного от господина. Тем не менее рядович, закупный наймит, закуп рядом с рабом — прочный элемент, составная часть древнерусской челяди. К закупу или закупному наймиту приближается вдач, также разновидность рядовича. Статья 111 «Пространной Правды» категорически отделяет его от холопа. Отработав или возвратив «милость» осподаря, он также может выйти из зависимости.

В поисках правильного понимания социальной сущности рядовичей во всех их разновидностях очень важно избежать соблазнительного пути модернизации этого явления. Это касается как вдачи и закупа, так в особенности челядина-наймита или закупного наймита. Особенно велика опасность попасть в терминологический капкан в последнем случае. Соблазнительно видеть в наймите простого наёмного рабочего. При ближайшем рассмотрении этот путь, однако, оказывается столь же порочным, сколь и лёгким. Некоторые наши буржуазные историки, например, Чичерин и Сергеевич, в интерпретации закупа и наймита на этот путь и вставали.

Рядович не раб, он и не наёмный рабочий капиталистического общества. Оба положения, как мы видели, находят подтверждение в показаниях нашей исторической документации. Задаток или милость, полученная им от осподаря, не цена его рабочей силы, а средство поддержания его несвободы, личной зависимости. «Правда Русская», «Правосудье Митрополичье» и проч. ревниво охраняют интересы господ, всячески поддерживая эту несвободу челядина-наймита, закупа или закупного наймита. «Положение рядовичей, как это видно из «Правды» Ярославичей,— пишет академик Б. Д. Греков,— очень приниженное. «А в рядовнице княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен»,— читаем мы там.— Эти 5 гривен не что иное, как возмещение убытка, причиненного хозяину-господину убийством челядина, в данном случае рядовича»¹.

В один ряд с рядовичем и холопом здесь поставлен и смерд, выяснение социального облика которого доставило столько хлопот нашим историкам.

Что представляли собой смерды в восточнославянском обществе рассматриваемой поры? В многолетнем споре исследователей этого вопроса неспорными чертами смерда, признаваемыми по крайней мере большинством учёных, являются следующие. Смерды — непосредственные производители, работающая, своим трудом созидающая общественный продукт часть населения, причём наиболее многочисленная. Это последнее обстоятельство находит своё подтверждение, например, в данных топонимики.²

¹ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, 1937 г., стр. 112—113.

² Е. А. Рыдзевская. Слово «смерд» в топонимике. Проблемы источниковедения, вып. 2, издание Историко-археологического института Академии наук СССР.

Преобладающую массу своего труда смерды прилагают в области земледелия. Смерд-ратай, иными словами пахарь, фигура вполне традиционная, особенно в южной части древней Руси. Преобладает эта черта и на севере, в Новгородских землях, хотя и с меньшей силой. Аналогично и на северо-востоке, где замырающий термин «смерды» встречает своего социального синонима «сироты». На Долобском съезде Владимир Мономах, обращаясь к Святополку, заявил: «Како я хочу молви, а на мя хотять молви твоя дружина и моя рекуще:想要 погубити смерды и ролью смердом...» Пашня, рало, гумно, конь и прочее — таковые типичные вещественные условия труда, обычный производственный обиход, вне которого трудно представить себе фигуру древнерусского смерда. Смерды составляли также основную массу русского войска тех времен, его рядовой состав. На это указывают и материалы Долобского съезда и ряд других текстов, например, под 1019 годом, где летописец повествует о роспуске Ярославом после удачного похода своего войска по домам, причем смерды-воины получают по гривне, а старосты и новгородцы по 10 гривен.

Споры велись вокруг других черт социального облика смерда. Какими общественными узами этот, самый многочисленный, слой населения был связан с другими слоями, группами, классами? Были ли эти общественные связи отношениями зависимости или независимости, свободы или несвободы? Вот, примерно, вопросы, по которым велись долгие и нескончаемые споры, приведшие одного из исследователей к крайне пессимистическому выводу, который мы приводили выше в историографической справке.¹

Нам представляется, что причины неудовлетворительного положения с этим вопросом в нашей дореволюционной исторической науке правильно определены и вскрыты академиком Б. Д. Грековым, указавшим, что дело здесь не только и не столько в скудости фактических свидетельств и показаний, сколько в порочности метода исследования, избиравшегося большей частью исследователей этого вопроса.² В наиболее общей форме эта порочность заключалась, во-первых, в игнорировании различий в тождестве, в единстве и, во-вторых — в метафизическом подходе к рассмотрению этого явления, как неизменного, застывшего, вполне раз и навсегда сложившегося. Этих исследователей не смущало и то соображение, что древнерусский период охватывает внушительный, в несколько столетий отрезок времени. «Почти все авторы многочисленных попыток решить задачу исходят из положения, что смерды представляют социальную группу, имевшую единые законченные юридические признаки, которые и надлежит вскрыть науке. Отсюда Лешков, Ни-

¹ См. выше, стр. 44.

² Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, 1937 г., стр. 124.

кольский, Цитович и многие другие смотрят на них, как на «людей князя», стоящих в особой частно-правовой зависимости от него. Ключевский считает их государственными крестьянами, Сергеевич находит два смысла в термине «смерда»: широкий и тесный; в первом смысле — это свободный человек небольшого достатка в противоположность людям крупным и князьям, во втором — это пахарь, сельский работник и т. д. С. В. Юшков определяет смерда, как «особый разряд сельского населения»; по его мнению, — это «полусвободные люди, напоминающие хоминес пертинентес западного средневековья»¹.

Ясность в этом сложнейшем вопросе и прочное его решение были достигнуты советской исторической наукой. В основу этого решения были положены указания В. И. Ленина. «И «свободный» русский крестьянин в XX-м веке,— писал Владимир Ильич,— всё ещё вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — совершенно так же, как в XI-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками.»² В России «отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов ещё во времена «Русской Правды»)...»³ В. И. Ленин говорит: «...крепостничество... веками держит миллионы крестьян в забытости (например, в России с IX по XIX век; в Китае ещё больше столетий).»⁴ Земельные магнаты кабалили смердов древней Руси так же, как в XX веке, гонимый нуждой и неспособностью порой даже к самому простому воспроизведству своего хозяйства, русский крестьянин шёл в кабальную зависимость к помещику. Б. Д. Греков в связи с этим замечает: «Ясно, что В. И. Ленин не считал всех смердов закабалёнными; в крепостном состоянии оказалась только часть смердов. Не остаётся сомнений в том, что В. И. Ленин предполагал в этот период истории Руси наличие двух категорий смердов — зависимых, крепостных, и независимых, свободных»⁵.

Древняя Русь, таким образом, представляется весьма отчётливо сообществом антагонистических классов. Начало процесса образования этих классов нельзя, однако, приурочивать к IX веку. Процесс начался много раньше, за несколько веков до этой даты. Здесь он развивался полным ходом.

Генеральная линия развития в исторических судьбах основного класса общества, класса непосредственных созидателей общественного продукта, то есть смердов, — это линия постепенного сокращения числа свободных и соответственного увеличения закабалённых, феодальнозависимых по отношению к светским и церковным землевладельцам. Историческая наука, к сожалению,

¹ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. 1937 г., стр. 124.

² Ленинский сборник, IV, стр. 237.

³ В. И. Ленин. Соч., том III, стр. 150, изд. 3.

⁴ В. И. Ленин. Соч., том XVII, стр. 514, изд. 3.

⁵ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. 1946 г., стр. 191.

не в состоянии дать количественную характеристику этого процесса от столетия к столетию. В целом он занял у нас едва ли не более тысячи лет, вплоть до начала второй половины XIX столетия, когда почти вся масса крестьянского населения оказалась закрепощённой. Мы говорим «почти», ибо и к этому времени на севере России известная часть русского крестьянства оставалась вообще незакрепощённой¹.

Итак, смерды киевские и новгородские, сироты сузальско-владимирские представляли собой общественный класс земельцев, владеющих собственными средствами производства, как бы последние ни были примитивными, а поскольку сельское хозяйство было основной отраслью древнерусского производства, трудом этого класса создавалась решающая часть общественного продукта и богатства. Он являлся основным эксплуатируемым классом древнерусского общества. Господствующие классы паразитируют в решающей степени за счёт смерда. Процесс закабаления смердов феодалами и церковью настолько выяснен и доказан древнерусскими документальными данными, что теперь ни у кого не вызывает сомнений. Право мёртвой руки — один из наиболее отчётливых институтов, характеризующих отношения феодальной зависимости. Это было, как теперь выяснило, не только правом князя, но и бояра («тако же и за боярск»), и церкви («безатщина», «епископу идет»).

3

Обзор фактов, характеризующих социальную дифференциацию древнерусского общества и его классы, даёт нам возможность подойти к ответу на поставленный выше вопрос об отношениях собственности, лежащих в основе всякого общества, определяющих его структуру и характер.

Наше внимание, естественно, должна привлечь в первую очередь земля, как мать всякого богатства, как средство и предмет человеческого труда, наконец, как всеобщее условие всякого процесса труда. Но не только поэтому. Ещё и потому, что хотя «внекономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю»².

Чью собственность составляла земля у древних руссов? Земля, а следовательно, леса, воды, недра и т. д.

Летописец под 945 годом повествует: «И пожже и старейши грады, прочим же людие взимаша и овех избиша, а иные воем своем работа преда, а останок их на день оставил. И возложи на них дань тяжку, и две части идета к Киеву, а третиа к Вы-

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, 1946 г., стр. 201.

² И. В. Сталин. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951, 1952 г., стр. 28.

шегороду, ко Олзе, бе бо Вышгород Олзин»¹. Княгиня Ольга треть даней с древлян присваивала лично себе, направляя её в принадлежащий ей Вышгород. Невозможно представить себе положение, чтобы Ольге принадлежал только Вышгород как таковой, а земля не ей, а кому-то другому. В 950 году «иде Олга к Новогороду и остави по Мсте погосты и дани и по Ладозе дани и оброки, и ловища еа соуть по всей земли, зна- мения и места и погосты, и сани еа стоять в Пьскове, и по Днепру перевесища и села, и по Десне есть села Олзины и до сего дне»². Ловища, перевесища и села также невозможно представить без владения землей.

У князя Владимира было свое владение Берестовое. В 1015 году «Володимер же разболеся... в ней же болезни скончаясь на Берестовом иоулиа в 15 день»³. Князь Ярополк был также крупным землевладельцем. Под 1087 годом летописец сообщает: «Сей князь Ярополк кроток и смирен, братолюбец и нищелюбец, десятиноу даа святей Богородици из всех сел своих от скота и от жита на вся лета...»⁴. Давать из всех сил своих от скота и от жита немыслимо без владения землей.

Аналогично положение и с князем Андреем. В 1158 году он заложил «церковь Оуспение святыя Богородица в Володимери каменоу апреля 8, а да ей многа имenia и свободы коупленыя и дани и села лепшии и десятины в стадах своих и торг десятый...»⁵. Княжеские села находились и стада паслись не на чьёто, а на княжеской земле.

Церковь здесь (села лепшии) и вообще также выступает как крупный землевладелец. Это можно подкрепить еще следующими сообщениями из числа многих других. В 1128—1132 годах князь Мстислав Владимирович пожаловал Юрьеву монастырю село Буйце «с данью и с вирами и с продажами». Смоленский князь Ростислав Мстиславович дал в 1150 году несколько сел Смоленской епископии. Князь Ярополк в 1158 году дал в монастырь волости Небльскую, Деревскую и Лучскую, а дочь его завещала туда же 5 сел с челядью. В 1192 году Варлаам Хутынский дал «св. Спасу землю и огород, и ловища... и пожни»⁶.

Выше мы уже отмечали, что в составе древнерусской боярской знати отчетливо выступали прослойки так называемых княжеских бояр, составлявших непосредственное окружение князя,

¹ Полное собрание русских летописей, издаваемое археографическою комиссию, том XXIV, типографская летопись, 1921 г., стр. 22.

² Там же.

³ Там же, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 70.

⁵ Там же, стр. 78.

⁶ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, 1946 г., стр. 106.

и бояр земских, старцев, старейшин. В составе господствующего класса летописи также отмечают нарочитых и лучших мужей. Какое отношение к земле, лесам, недрам, водам и проч., иными словами, к важнейшим средствам и условиям производства имели эти слои господствующего класса древнерусского общества? Академик Б. Д. Греков по этому поводу замечает: «Поскольку не подлежит сомнению наличие отдельных слоев боярства, неодинаковых по своему материальному положению и происхождению, то вполне естественно допустить и разницу в характере их материальной базы, по крайней мере, в начальный период их существования на территории Киевского государства. Если норманы, несомненно входившие в состав боярства (по крайней мере, на севере Руси), некоторое время могли пользоваться ленами, составлявшими «только из даней», то говорить то же о туземной, неваряжской знати, выросшей в земледельческом обществе в процессе расслоения сельской общины и появления частной собственности на землю,— решительно невозможно»¹. Значение этого правильного положения еще более усиливается, если учесть, что варяжская знать была элементом количественно незначительным и быстро поглощавшимся знатью коренной, туземной.

В 1150 году князь Изяслав в обращении к своей дружине говорил: «Вы есте по мне из Русые земли вышли, своих сил и своих жизней лишився»². Окружение князя здесь совершенно отчетливо выступает как окружение землевладельческое. Лаврентьевская летопись под 1177 годом сообщает, что в Сузdalской земле сожжены «села боярские». В 1146 году киевляне «разграбиша... дома дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты»³. В 1209 году новгородцы созвали вече на посадника Дмитра и на его братьев, а после этого зажгли их дворы, «а села их распраша и челядь»⁴. «Конечно, не сам боярин Дмитр, убитый в 1209 году,— замечает Б. Д. Греков,— и даже не его отец приобретал и осваивал эти села. Перед нами наследственное имущество старого боярского рода»⁵.

О том, что древнерусское боярство владело и распоряжалось землей, свидетельствует и статья 91 «Пространной Правды». «О заднице боярствей и о дружней. Аже в боярех любо в дружине, то за князя задница не идеть; но оже не будетъ сынов, а дчери возмутъ»⁶.

Любопытный факт о древнерусских земельных магнатах различных рангов приводит Б. Д. Греков из жития Феодосия Печерского. «Отец его по распоряжению киевского князя был переведен

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, 1946 г., стр. 93.

² Ипатьевская летопись под 1150 г.

³ Там же под 1146 г.

⁴ Новгородская летопись 1-я под 1209 г.

⁵ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, 1946 г., стр. 106—107.

⁶ Правда Русская, том II, 1947 г., стр. 626.

в Курск. («Бысть же родительма блаженного переселитися в инград, глаголемый Куреск, князю тако повелевшу».) Дал ли князь отцу Феодосия в Курске землю, или она у него там была раньше, нам неизвестно (вероятнее первое), но известно, что под Курском у родителей Феодосия оказалось имение. Когда умер отец Феодосия, 13-летний мальчик «оттоле начат на труды подвигнее быти, якоже исходити ему с рабы своими на село делати со всяким прилежанием». В этом же городе жил и «властелин града», тут же ниже называемый «суднею». К этому владельцу попал на службу и Феодосий. Он работал в «его церкви», а однажды этот вельможа велел Феодосию служить в его доме на званой трапезе, куда были приглашены другие «вельможи града».

Перед нами богатые курские вельможи, которым служит сын землевладельца небольшой руки. Мне кажется, отсюда неизбежен вывод,— справедливо заключает Б. Д. Греков,— что курские вельможи тоже были землевладельцами, только крупными, служить которым не было зазорно Феодосию даже с точки зрения его матери, которая крепко блюла честь своего рода, находя несовместимым с его достинством работу Феодосия по печению в церковь просфор («молю ти ся, чадо, останися от такыя работы,— твердила она сыну,— укоризну бо приносишь на род свой»). Достоинство мелкого землевладельца, по ее мнению, не страдало от службы в доме крупного феодала¹.

Наш обзор документальных показаний не оставляет сомнений в том, что на Руси рассматриваемого периода не только сложилась, но и дальше развивалась крупная земельная собственность, светская и духовная, то есть княжеская, боярская всех рангов, собственность лучших и нарочитых мужей, с одной стороны, и, монастырская и церковная — с другой. Начало процесса складывания крупной светской земельной собственности, по-видимому, далеко за пределами IX столетия, где-то в антском периоде восточного славянства. В рассматриваемое время 1) количество землевладельцев растет; 2) земля делается все более значительной ценностью; 3) отношение к земле различных классов общества делается более сложным: выявляются все виды собственности, характерные для феодального общества².

Результатом совещания сыновей Ярослава в пятидесятых или, может быть, шестидесятых годах XI столетия была так называемая Правда Ярославичей. Этот документ отчетливо рисует крупную земельную вотчину и призван освятить и охранить ее и привилегии сложившегося класса земельной знати.

В руках господствующего класса земля, а следовательно, леса, воды и недра (ловища, перевесища, бортные угодья и рыбные ловли) сосредоточивались самыми разнообразными путями, а именно: а) прямой захват, б) приобретение в результате пожа-

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, 1946 г., стр. 92—93.

² Там же, стр. 110.

лования, которое предполагало также захват или помощь в захвате со стороны пожаловавшего, в) коммендации не только отдельных лиц, но и их сообществ вместе с землей и г) приобретение за какой-то эквивалент. Мы фиксируем здесь эти способы и не входим в рассмотрение вопроса о роли каждого из них во времени и пространстве потому, что это вывело бы нас далеко за рамки предмета нашей работы.

4

В нашей историко-экономической литературе некоторое время имела хождение версия о том, что знать осуществляла захват пустующих и незаселенных земель и потом заселяла их путем привлечения населения с других мест и что это был главный и преимущественный путь образования крупной земельной собственности. Факты заселения пустующих княжеских земель полоненными чужестранцами и смердами имели место. Но это отдельные факты, не поддающиеся сколько-нибудь широкому обобщению. Вот почему эта точка зрения не получила признания со стороны большинства авторитетнейших ученых-историков. Для укрепления и расширенного воспроизведения своего могущества древнерусской феодальной знати нужна была не только земля, как условие и предмет труда, как мать богатства, но и труд, как его отец, то есть люди, как важнейший элемент производительных сил, челядь в широком смысле, включавшая в себя, как мы видели выше, кроме рабского элемента, также и смердов различных степеней личной зависимости от князя, боярина, земского старца, монастыря или церкви.

Нам необходимо теперь выяснить вопрос: что же это были за заселенные земли, в сторону которых на протяжении ряда столетий была направлена экспансия древнерусской знати, у кого или, точнее, вместе с кем захватывались, осваивались эти земли?

«Правда Русская» содержит немало статей, указывающих на существование на Руси сообществ людей, занятых сельским хозяйством. Речь идет о верви и об одинаковых с нею по содержанию терминах мир и людие. Некоторые историки (Лешков) относят сюда же погост (повост). Что является организующим моментом этих сообществ людей?

«А иже убить огнищанина... то вирное платити в ней вири (верви) голова лежит». «Аже кто убить княжа мужа... то вирьвную платити в чьей же вирви голова лежит»¹. Господствующим в среде ученых историков и герменевтов является мнение, что вервь, а на севере Руси — мир, представляет собой общность людей, цементирующим элементом которой является территория. Эта общность связана определенной территорией, то есть землей.

¹ Статья 20 Краткой Правды. «А иже убьют огнищанина на разбой или убийца не ищутъ, то вирное платити в ней же вири голова начнетъ лежитъ». Правда Русская, том II. 1947 г., стр. 148.

«Прежде всего совершенно ясно,— указывает академик Б. Д. Греков,— что вервь — это определенная территория: «А иже убьют огнищанина в разбои или убийца не ищутъ, то вирное платити в ней же (верви) голова начнет лежати». Совершенно очевидно, что мертвое тело обнаружено на определенной территории. Отвечают люди, живущие здесь, связанные общностью интересов; иначе они и не могли бы отвечать совместно. Стало быть, вервь — общественно-территориальная единица»¹.

Это подтверждается и статьей 70 «Пространной Правды»: «Аже будет росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искать татя ли платити продажю»². Порушен ловище, нарушитель-тать разыскивается на прилегающей к нему территории — верви,— при безуспешности поисков продажу платит вервь.

«Правда» Ярославичей,— пишет Б. Д. Греков,— специальный закон. Она по духу близка к Капитуляриэ де виллис Карла Великого. Её назначение — оберегать интересы княжеского имения, окруженного крестьянскими мирами — вервями, враждебно настроенными против своего далеко не мирного соседа — феодала. Недаром феодал укреплял своё жилище и защищал себя суровыми законами. Крестьянские миры призваны нести ответственность за своих членов, и вполне понятно, почему в княжой «Правде» подчеркивается главным образом эта сторона верви»³. Нам представляется, что изложенное с одинаковой силой относится и к «Пространной Правде» XII века.

Таким образом, экспансия древнерусской княжеской и боярской знати в поисках матери и отца всякого богатства была направлена на общинные земли вместе с их населением. «Нельзя не заметить, что община систематически осваивается растущей знатью, стремящейся расширить свои земельные владения за счёт крестьянской общинной земли и превратить сидящее на ней земледельческое население в зависимых людей»⁴.

Мы не можем здесь рассматривать вопроса о том, как прежняя родовая община на восточноевропейской территории эволюционировала к точно фиксируемой применительно к рассматриваемому нами времени территориальной или соседской общине, ибо это не входит в наши задачи. Отметим лишь, что плуг, рало и соха с железным лемехом и сошником и применение тягловой силы животных повинны в этой эволюции больше, чем кто или что-либо. А эти орудия, эти производительные силы мы выше имели возможность наблюдать, констатировать. Существование этой общины-марки не исключало бытования в её составе большой семьи. Этот элемент был тем сильнее, чем больше мы будем удаляться на север и северо-восток по карте древ-

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, 1946 г., стр. 75.

² Правда Русская, том II, 1947 г., стр. 547.

³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, 1946 г., стр. 76.

⁴ Там же, стр. 81.

ней Руси. Исчезновение его здесь имело место позднее, чем на юге и юго-западе.

Скреплял, связывал общину, как мы видели, момент территориальный, то есть земельный. Но наряду с этим её силы подтасчивал, ослаблял, разлагал момент частной собственности на орудия и средства производства, индивидуализация последнего. Свет в этом направлении проливают статьи 19 «Краткой Правды» и 7 «Пространной». Статья 19 гласит: «Аже убьют огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убийци, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен»¹. Статья 7 гласит: «Оже станеть без вины на разбой. Будеть ли стал на разбой без всякої свады, то за разбойника люди не платить, но выдадять и всего с женою и с детьми на поток и на разграбление»².

Оказывается, что есть случаи, когда за убийство платит не вервь-мир. «А людем не надобе» означают, что в случае, если убийца известен, то платит не вервь-мир, а сам убийца. Вервь-мир платит за убийство виру только в том случае, если убийца не установлен и не разыскан. Это уже не отношение родовой общины, а нечто иное. Убийца, член верви-мира, связан с нею и вместе с тем внутри уже обособлен от неё, за преступление виру платит не сообщество, а он сам, не из общественных ресурсов, а из своих. За разбойника из числа членов верви-мира люди, то есть все другие члены верви, не платят. Его имущество вместе с женой и детьми идет на поток. Жилище, одежда, домашний скот, запасы продуктов питания, оружие, естественно, и другие вещи и орудия производства составляют не собственность верви-мира, а отдельных её членов, не общественную, а частную собственность.

«Аже кто не вложиться в дикую виру, тому людие не помогают, но сам платить»³. Внутри общины были уже осознательны результаты процесса имущественной дифференциации. В институт «дикой виры» могли вложиться не все. За тех, кто не мог вложиться, вервь-мир не платила. Это тоже не родовые отношения.

«Земледельческая масса, организованная в общины, продолжает своё существование,— пишет Б. Д. Греков,— но она под влиянием частной собственности на землю сильно изменила свою внутреннюю структуру. Члены общины ведут своё индивидуальное хозяйство. «Дым», «рало», «плуг» стали единицей, с которой члены общины несли свои повинности, чего не знала родовая община. Сельская община в освещении древнейших русских письменных памятников изображается под сильным воздействием государства: члены общины обложены податью (подымной, иначе поральной, или поплужной), по требованию вла-

¹ Правда Русская, том II, 1947 г., стр. 132.

² Там же, стр. 290.

³ Там же, стр. 297.

сти становятся в ряды войска, они обложены многими натуральными повинностями (подводная повинность, устройство дорог, построение крепостей и т. п.)..., начавшийся очень давно процесс выделения из неё более состоятельных верхов свидетельствует о том, что внутри общины уже царит имущественное неравенство, подымаются вверх более состоятельные, появляются бедняки, которым становятся не под силу возлагаемые на общину обязанности. Для этих последних остаётся единственный путь — путь выхода из общины»¹.

Картина станет полной, если мы учём и внешние обстоятельства. Южная часть Руси на протяжении столетий подвергалась разорительным набегам печенегов и половцев. Не только в силу процесса внутренней имущественной дифференциации общины, но и в связи с опустошительными набегами и грабежами степных кочевников, смерды-сироты пополняли княжеские, боярские и монастырские вотчины людом, попадавшим в личную зависимость самых различных степеней от феодалов-землевладельцев.

Общинные земли вместе с населявшими их смердами-землевладельцами — вот объект экспансии древнерусской феодальной знати.

«Таким образом, оформились,— резюмирует Б. Д. Греков,— три основные слоя сельского населения: 1) крестьяне-общинники, ещё не попавшие под власть феодалов; 2) крестьяне-общинники, очутившиеся вместе со своей землёй под властью феодала, в связи с чем появилась расчленённая феодальная форма собственности; 3) люди, оторванные от общины, лишённые средств производства, в силу чего оказавшиеся на чужой земле в качестве зависимой от феодала рабочей силы»².

Первый слой отцов общественного богатства только одной ступенькой стоял выше второго и третьего. Процесс феодализации последовательно опустошал его ряды, низводя его представителей во второй и третий слои. Общее в положении второго и третьего слоя — это личная зависимость от феодала-вотчинника. Различие же заключалось в том, что второй слой, будучи зависим от феодала, тем не менее вел самостоятельно свое хозяйство и в основном своими орудиями и средствами производства, в то время как третий был лишён вполне и того и другого. С этой точки зрения второй слой, отличаясь от первого своей зависимостью от феодала, сохранял вместе с тем указанные общие с ним черты.

Все эти моменты существенно важны для понимания отношений собственности в среде смердов.

Итак, при ответе на вопрос: чью собственность составляли земли, леса и воды у русских славян рассматриваемой поры, мы сталкиваемся с двумя подразделениями. Первое — это крупная

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, 1946 г., стр. 81.

² Там же, стр. III.

земельная собственность светских феодалов-вотчинников и церкви. Она от столетия к столетию растет, расширяется. Второе — это общинная земельная собственность смердов. Она от столетия к столетию сокращается, захватывается и осваивается феодалами, светскими и духовными.

5

Нам необходимо теперь осветить лишь вскользь затрагивавшийся выше вопрос о том, чью собственность составляли другие средства производства русских славян в сельском хозяйстве и тесно связанных с ним лесоречных промыслах.

В сравнении с современной сельскохозяйственной техникой: трактором, комбайном, сложной молотилкой, сенопрессом, элеватором, вальцовой мельницей — орудия производства наших древних землеробов (конь или вол, серп, овин, ручные жернова и пр.) представляются чрезвычайно примитивными. Это верно. Неверны только часто вытекающие отсюда выводы о незначительности и несущественности этих элементов производительных сил древних руссов. От таких представлений необходимо отрешиться. Железный лемех и топор значительны и существенны для десятого столетия в такой же мере, как трактор и комбайн для середины двадцатого. Серп теряет свою значительность, когда попадает в сообщество с комбайном, а топор — с электропилой. Истина всегда конкретна.

У смердов, ещё не попавших в феодальную зависимость от князя, боярина или церкви, равным образом и у уже освоенных ими, орудия сельскохозяйственного производства (тягловый и продуктивный скот, почвообрабатывающий и уборочный инвентарь, производственные сооружения, овин, гумно и проч.) находились в их индивидуальной собственности, то есть собственностии частной. Помимо приведённых выше статей «Правды Русской», это подтверждается, например, материалами Долобского съезда, где смерд рисуется, как владелец коня, плуга, у него имеется гумно и т. п.

В вотчинах перечисленные орудия производства составляли собственность светского или духовного феодала. Приводились они в движение многочисленной челядью князя, боярина или монастыря, то есть в какой-то части (постепенно, правда, убывающей) рабами, затем рядовицами, закупами и вдачами, ряды которых всё время пополнялись за счёт гонимого нуждой и разорением населения общины в результате внутреннего процесса имущественной дифференциации и разложения последней, равно и в результате внешних и внутренних войн, набегов и междуусобий.

Кроме перечисленных производителей, лишённых собственных орудий и средств производства, в вотчине, как непосредственно на её усадьбе, так и на её землях, мы можем видеть и смерда-сироту, попавшего в личную зависимость от феодала.

В историческом процессе все три формы феодальной ренты.

очень часто живут рядом, рядом развиваются, никогда полностью друг друга не вытесняют. Тем не менее на отдельных, достаточно крупных отрезках времени данные позволяют фиксировать преобладание одной из них. Для древнерусского периода Б. Д. Греков устанавливает господство отработочной ренты, при заметной в то же время роли и ренты натуральной.

То обстоятельство, что зависимый смерд мог на своего феодала отрабатывать в одних случаях своими собственными орудиями производства, обрабатывать господскую землю своим конем, плугом и бороной, в других случаях — конём, плугом и бороной самого вотчинника, не колеблет выдвинутых нами положений о собственности на орудия и средства сельскохозяйственного производства у русских славян.

Совершенно аналогично дело обстояло и в отношении орудий лесных промыслов, охоты, бортничества и рыбной ловли.

Так выглядят общественные отношения производства, отношения собственности в сельском хозяйстве и лесоречных промыслах.

6

Для завершения общей картины отношений собственности на условия, средства и орудия производства нам необходимо охарактеризовать с этой стороны древнерусское ремесло, о богатых вещественных памятниках которого мы уже говорили выше.

Каковы отношения собственности в этой отрасли производительной деятельности наших предков?

Вещественные памятники настоятельно потребовали от нас рассматривать вопрос о древнерусском ремесле в следующих трёх членениях: ремесло деревенское, ремесло вотчинное и ремесло городское (посадское). Но деревня, вотчина (усадьба феодала) и город не только локус стани, не только территория, на которой совершился труд русского «хитреца» и «умельца». Это вместе с тем определённая, имеющая в каждом членении свои особенности, социальная среда. Важность этого аспекта для ответа на поставленный вопрос совершенно очевидна. Однако одного этого аспекта для освещения вопроса об отношениях собственности здесь недостаточно.

Дело в том, что ремесло имеет своего предка и своего потомка. Предок продолжал существовать рядом с ремеслом, а потомок еще при жизни ремесла явно и дерзко претендовал на наследство. Теснейшая родственная связь этих трех персон никак не должна затушевывать их глубокое отличие друг от друга. Социальное содержание каждого из этих трех родственников совершенно различно.

Маркс указывал, что «там, где это вынуждалось потребностью в одежде, человек портняжил целые тысячелетия прежде, чем из человека сделался портной»¹. Тысячелетия обрабатывал

¹ К. Маркс. Капитал, том 1, 1936 г., стр. 8.

шкуры животных, прежде чем стал кожевником, лепил глиняную посуду, прежде чем стал гончаром, изготавлял обувь, прежде чем стал сапожником и т. д. и т. п. Еще первобытная родовая община знала в своем составе членов, трудовая деятельность которых, иногда вполне, иногда в известной степени, сосредоточивалась только или главным образом на изготовлении одних или узкого круга вещей, например, орудий труда, одежды, обуви и проч. Это была система естественно сложившегося разделения труда внутри общины. Различные по своей натуральной форме трудовые функции были непосредственно общественными функциями всей общины, органами ее совокупной рабочей силы. Эти функции осуществлялись орудиями и средствами производства, которые составляли собственность самой общины, их продукт не выходил за пределы общины, оставался ее собственностью, потреблялся внутри общины.

«Более близкий пример дает нам деревенское патриархальное производство крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и т. д. Эти различные вещи представляют для этой семьи различные продукты ее семейного труда, но они не представляют друг для друга товаров. Различные работы, создающие эти продукты... являются общественными функциями в своей натуральной форме... индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи»¹. Ленин называл это домашней промышленностью или домашними промыслами, имея в виду, во-первых, что сырье, подвергающееся здесь переработке, добывается в том самом доме-хозяйстве, «в том самом хозяйстве (крестьянской семье)»², и во-вторых, что продукт этой переработки потребляется также в этом доме-хозяйстве. «Промышленности, как профессии, еще нет в этой форме: промысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое»³. Здесь нет товарного производства, здесь нет и ремесла. Это знамение натурального хозяйства, «остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое хозяйство»⁴. Отношения здесь необычайно просты и в такой же степени ясны. Так проходили тысячелетия, десятки тысячелетий.

Мы не будем задерживаться на характеристике этих «специалистов» родовой общины или смердской семьи. Отметим лишь, что их многотысячелетний производственный опыт и навыки к труду не канули в вечность. Преемником этого опыта и навыков стал патриархальный ремесленник, а затем и ремесленник-товаропроизводитель. Дед (семейные или домашние,

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949 г., стр. 84.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 254, изд. 3.

³ Там же.

⁴ Там же

для своего дома, промыслы), однако, не умер, а долго продолжал жить рядом со своим сыном (ремеслом) и внуком (товаропроизводителем).

Что же такое патриархальный ремесленник в политико-экономическом смысле? Четкая и глубоко научная характеристика и здесь дана В. И. Лениным. В период становления нового способа производства появляется фигура ремесленника, работающего «по заказу потребителей из их (потребителей) материала, получающего вознаграждение иногда натурой, иногда деньгами»¹.

Ту же самую мысль В. И. Ленин развивает так: «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло: то есть производство изделий по заказу потребителя. Материал может принадлежать при этом потребителю-заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой (помещение и содержание ремесленника, вознаграждение долей продукта, например, муки и т. д.). Будучи необходимой составной частью городского быта, ремесло распространено в значительной степени и в деревнях, служа дополнением крестьянского хозяйства. Известный процент сельского населения представляют из себя специалисты-ремесленники, занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выделкой кожи, обуви, одежды, кузничной работой, окраской домашних тканей, отделкой крестьянских сукон, переработкой зерна в муку и т. д.»².

Ленин указывает на необходимость четко отличать ремесленника, работающего на заказ, на известного ему заранее заказчика-потребителя, от ремесленника-товаропроизводителя, работающего на рынок, на потребителя, который еще должен быть найден. «Несомненно, что надо строго отличать товаропроизводителей, работающих на рынок... от ремесленников, работающих на потребителей... ибо эти формы промышленности представляют совершенно разнородные типы по своему общественно-хозяйственному значению»³.

В ремесленном труде на заказ «нет еще товарного производства; здесь появляется лишь товарное обращение в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырье материалы и орудия производства. Продукт труда ремесленника не появляется на рынке...»⁴.

Итак, ремесленник, работающий на заказ, не есть еще товаропроизводитель, в этом случае нет товарного производства, продукт его труда не появляется на рынке, здесь лишь при

¹ В. И. Ленин. Соч., том II, стр. 253, изд. 3.

² Там же. Соч., том III, стр. 254—255, изд. 3.

³ Там же. Соч., II, стр. 198. Разрядка наша.

⁴ Там же. Соч., том III, стр. 256.

определенных условиях он может стать агентом товарного обращения. «Конечно, — указывает В. И. Ленин, — отличить сельского ремесленника от мелкого товаропроизводителя или от наемного рабочего не всегда легко; для этого необходим экономический разбор данных о каждом мелком промышленнике¹. Трудно отличить потому, что эти фигуры сильно переплетаются, связаны, взаимопереходят.

Как происходит этот переход, как ремесленник становится товаропроизводителем? Он им становится, появляясь на рынке с продуктом своего труда. «Мы уже заметили, что ремесленник появляется на рынке, хотя и не с тем продуктом, который он производит. Естественно, что, прия раз в соприкосновение с рынком, он переходит со временем и к производству на рынок, то есть делается товаропроизводителем. Переход этот совершаются постепенно, сначала в виде опыта: продаются продукты, случайно оставшиеся на руках или изготовленные в свободное время. Постепенность перехода усиливается еще тем, что рынок для сбыта изделий бывает первоначально крайне узким...»². «Это — низшая стадия развития товарного производства, едва выделяющегося от ремесла»³.

«Дальнейшее развитие товарного хозяйства выражается расширением торговли, появлением специалистов торговцев-скупщиков; рынком для сбыта изделий служит не мелкий сельский базар или ярмарка, а целая область, затем вся страна, и иногда и другие страны. Производство продуктов промышленности в виде товаров кладет первое основание отделению промышленности от земледелия и взаимному обмену между ними»⁴.

Переоценить решающее значение приведенных мыслей великого Ленина для понимания вопроса о зарождении товарного производства невозможно. В обобщенном виде здесь дана гигантская по своим историческим масштабам картина возникновения и развития ремесла и выделяющегося из него товарного производства. Эти теоретические указания В. И. Ленина мы берём за основу.

Таким образом, в поле нашего зрения включились: во-первых, домашние или семейные, для своего дома, промыслы, во-вторых, патриархальное ремесло⁵ и, в-третьих, ремесленники-товаропроизводители.

Нам представляется не требующим доказательств положение, что масса труда, затрачивавшегося населением Руси рассматриваемого периода в домашних (для себя) или семейных промыслах, в огромной степени доминировала над массой труда и патриархальных ремесленников и ремесленников-това-

¹ В. И. Ленин. Соч., том III, стр. 255.

² Там же, стр. 255—257.

³ Там же, стр. 279.

⁴ Там же, стр. 257.

⁵ Там же, Соч., том II, стр. 258, изд. 3.

ропроизводителей вместе взятых. Это нельзя поставить под сомнение, если иметь в виду глубоко-натуральный характер хозяйства древней Руси, и на этом вопросе мы останавливаться не будем.

Как, однако, ни велика, как ни преобладающа эта масса труда, домашние или семейные промыслы, попав в поле нашего зрения, тут же и покидают его. Почему? Нас интересуют товарные, а на их основе в конечном счёте денежные отношения. Денежное же опосредствование движения продукта домашнего или семейного промысла, неразрывно ещё связанного по преимуществу с сельским хозяйством, исключено. Это опосредствование исключено, т. к. продукт собственно никакого движения и не совершает. Не совершает потому, что сырье для его изготовления добывается данной хозяйствующей единицей, например, семьёй смерда-сироты, перерабатывается в продукт совокупной рабочей силой этой семьи и собственными орудиями производства. Продукт переработки потребляется семьей же, он не меняет своего собственника. Отношения собственности и на орудия и на результаты производства здесь предельно ясны.

Иначе обстоит дело со второй и третьей рубриками. С патриархальным ремеслом мы будем иметь дело и дальше. Дело в том, что денежное опосредствование движения продукта ремесленника, работающего на заказ, ремесленника патриархального, примитивного¹, возможно, хотя и не обязательно, в особенности в деревне и на самых ранних ступенях развития. Сырье здесь может принадлежать либо ремесленнику, либо заказчику, а возмещение овеществлённого (сырьё) и живого труда, либо только живого, осуществляется либо натурой, либо деньгами. Продукт семейного промысла, как мы отмечали, не покидает своего владельца, остаётся в доме-семье. Тут нет обмена деятельности между собственниками. Продукт труда патриархального ремесленника покидает своего созиателя, переходит к заказчику. В этом случае имеет место обмен деятельностями.

Во избежание возможных недоразумений мы должны сделать следующую оговорку. Продукт семейного промысла, например, холст, в некоторых случаях покидал своего владельца, а именно, при уплате дани, полюдья, подати или натуральной ренты князю, боярину или монастырю. Однако это не являлось обменом деятельностями. Холст как продукт семейного промысла, производимый в данном случае не для себя, не становился только от этого товаром. Аналогично и с продуктом труда ремесленника. Впрочем, к этому последнему вопросу мы вернёмся ниже при освещении отношений собственности в сфере вотчинного ремесла.

¹ В. И. Ленин. Соч., том II, стр. 199.

Каковы же отношения собственности в патриархальном ремесле? Односложный ответ на этот вопрос, очевидно, дать невозможно. Всё зависит от обстоятельств. Для ответа нам придётся привлечь первое членение и начать по понятным соображениям с деревенского ремесла.

Нам нет особой нужды и, кажется, возможности ещё более расчленённо, то есть по отдельным деревенским ремесленным профессиям, вести дальнейшее рассмотрение вопроса. Из числа деревенских ремёсел, на существование которых нам указывают вещественные памятники и письменные свидетельства, мы возьмем крьчей, то есть кузнецов железу.

Первоначально, как указывает Б. А. Рыбаков, кузнецное дело было тесно соединено с доменным. Кто ковал, тот и добывал железо из болотных руд. Впоследствии на определённой стадии эти ремёсла разделились. Домник продуцировал только крицы. Кузнец броковывал их и выковывал различные изделия. Это ремесло раньше, полнее и прочнее отделилось от сельского хозяйства. Что касается прядения, ткачества, портняжества, плотничества, гончарного, кожевенного и овчинного дела и других, то они, непрерывно выделяя ремесленную эманацию, в общем и целом позднее, медленнее и с неодинаковой прочностью обособлялись от земледелия, отпочковывались от домашних или семейных промыслов. Но их судьба была та же, что и у кузнецкого дела.

Ремесленники вообще, деревенские в частности и в особенности, были выходцами из среды смердов. Как у смерда-землемельца, так и у деревенского ремесленника орудия и средства производства составляли его частную собственность. Другого решения этого вопроса, как нам представляется, не может быть, если иметь в виду правило, а не исключения. Помещение кузницы, наковальня, кузачный мех, кувалда, ручники, клещи, обжимки, зубила, бородки и т. д. и т. п., полученные в наследство от отца-кузнеца, переходили к сыну и внуку. То же самое наблюдалось и в других деревенских ремёслах. Потомственная преемственность — обычное явление и прочная традиция в ремесленном производстве.

«Близость ремесла к натуральному хозяйству крестьян вызывает иногда с их стороны попытки организовать ремесленный труд для всего селения: крестьяне дают ремесленнику содержание, обязывая его работать на всех жителей данного селения. В настоящее время подобный строй промышленности можно встретить как исключение или в наиболее захолустных окраинах (например, в некоторых деревнях Закавказья организован таким образом кузачный промысел. См. «Отчеты и исследования по кустарной промышленности России», том II, стр. 321)»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., том III, стр. 256, изд. 3

На рубеже XIX и XX столетий эти явления были исключительными и захолустными, реликтами далёкого прошлого, обломками его кирпичей. А для рассматриваемой нами поры? В IX—XII веках этот строй деревенского ремесла, по-видимому, был повсеместным, типичным явлением. И при этой организации орудия и средства производства составляли частную собственность ремесленника. Конечно, в отдельных случаях они могли составлять собственность верви-мира-общины, и последняя приглашала, таким образом, только руки «хитреца». Это, однако, носило характер исключительности и было в свою очередь реликтом ещё более далёкого прошлого, периода общинно-родового строя.

Перейдем теперь к освещению отношений собственности на орудия, средства и результаты производства в сфере вотчинного ремесла. Выше уже отмечалось, что деревня, вотчина и город включают в себя два оттенка или два момента: это локус стани, это в то же время определённая социальная среда. Для деревни и города это звучит настойчиво и чётко, развиваясь и развившись для Руси рассматриваемого периода в точно фиксируемую противоположность. Что касается вотчины, то она как локус стани не представляется также чётко очерченной, как город и деревня. В этом отношении она перекрывает и город и деревню. Вотчинных ремесленников на Руси мы встречаем и там и здесь, и в составе феодального двора в крупном городе, и в составе феодального двора вне города, мы бы сейчас сказали «на периферии», в сельской местности, в деревне. К вотчинным должны быть, далее, отнесены и те ремесленники, которые хотя и работали вне феодальной усадьбы, то есть на городском посаде или в деревне, но уже попали под пяту процесса феодализации, оказались феодально освоенными, поставленными в личную зависимость от вотчинника.

Аморфности вотчинного ремесла как локуса стани противостоит его чёткость как социальной среды. Это последнее и дало основание Б. А. Рыбакову, крупнейшему и тонкому знатоку русской ремесленной техники, выделить вотчинное ремесло в отдельное понятие¹.

«Археологическое изучение феодальных замков,— пишет Б. А. Рыбаков,— пока ещё не достаточно, но даже при небольших раскопках вскрывается совершенно определённый характер княжеских и боярских дворов, их полная обеспеченность ремесленниками разнообразных специальностей.

¹ Смотрите главы V и VII текста его работы «Ремесло древней Руси», 1948 г., издание Академии наук СССР. Мы не можем не отметить удивительную небрежность, допущенную таким высоким издательством и таким автором и заключающуюся в том, что вnumерации глав между вступительной частью работы и фактическим текстом существует расхождение. Так, на стр. 6-й глава «Сбыт продукции в IX—XIII вв.» первой части помечена номером V, а в тексте она IV, аналогично и с рядом других глав первой и второй частей.

Интересно в этом отношении Ковшаровское городище в Смоленском княжестве, где имеются остатки провинциальной барской усадьбы.

На территории городища богато представлены различные производства — кузнечное, гончарное, бондарное, костерезное, ювелирное, литейное, обработка дерева и кожи. По своему техническому уровню это вотчинное ремесло стояло выше деревенского и в этом отношении не отличалось от городского. Вотчинное ремесло больших удельных княжеских городов, вроде Вышгорода, Белгорода, Дмитрова, Вщижка, при современном состоянии их изученности, не удается отделить от свободного ремесла, которое, несомненно, там существовало.

Значительна разница между вотчинным придворным ремеслом и городским посадским прослеживается в Киеве¹.

Ещё более определённо Б. А. Рыбаков высказываеться ниже. «Вотчинное хозяйство в отношении ремесла распадалось на два концентра: один — внешний, охватывающий ремесленников, разбросанных по деревням и погостам, принадлежавшим данному вотчиннику, а другой — внутренний, в который входили ремесленники, расположенные в непосредственной близости к усадьбе вотчинника.

Ремесленники первой группы связаны с вотчиной лишь оброком, в состав которого зачастую входила часть их продукции. С развитием внутреннего рынка и денежной ренты связь их с вотчиной именно как ремесленников, как мастеров, изготавливших те или иные вещи, порывается, так как оброк вносится уже не топорами, косами и лемехами, а деньгами. Это вполне отвечает и той тенденции деревенского ремесла к выходу на более широкий рынок, которую рисуют нам документы XV в.². Эта дата значительно выходит за пределы рассматриваемого нами хронологического отрезка времени. Для него денежная форма оброка вотчинных ремесленников внешнего концентра, по-видимому, не была типичной. Другой вывод не отличался бы обязательной и необходимой осторожностью. Здесь преобладала натуральная форма. Изделия, приносимые этими ремесленниками в качестве натурального оброка феодалу, могли стать товарами лишь в руках последнего. Подробнее об этом несколько ниже.

Сложность отношений собственности в области вотчинного ремесла вызывает необходимость расчленённого рассмотрения вопроса применительно к двум концентрам, намеченным Б. А. Рыбаковым.

Во внешнем концентре, то есть у феодально освоенных ремесленников, живущих и работающих вне усадьбы светского или духовного феодала, на посаде или главным образом в

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948 г., стр. 490.

² Там же, стр. 582.

составе населения феодально освоенных миров-вервей, орудия и средства производства составляли собственность самого ремесленника. Здесь отношения в основном, как отмечалось, складывались по линии натуральной, а впоследствии денежной ренты.

Во внутреннем концентре, на усадьбе князя, боярина или монастыря орудия ремесленного производства составляли собственность этих светских и духовных феодалов. Эта группа ремесленников входила непосредственно в состав челяди «красного двора» отчасти на положении обельных холопов, то есть рабов, а главным образом, на положении в различной степени зависимого смердства. Ремесленниками, холопами и смердами, феодалы естественно дорожили в наибольшей степени. Выше мы уже приводили статью «Правды Русской», которой жизнь ремесленника и ремесленницы охранялась штрафом в таком же размере, как и феодального администратора — сельского тиуна.

«Сведения о ремесленниках-холопах имеются с XI в. Один источник XI века говорит о рабе-оружейнике, которого владельцы несколько раз перепродаивали»¹.

В том, что орудия, средства и результаты вотчинного ремесла составляли собственность светского или духовного феодала, нас убеждает следующее. Во-первых, археологами при раскопках «красных дворов» обнаружены не только ремесленные изделия, но и ремесленные инструменты, помеченные княжескими знаками собственности². Требование феодала ставить на изделиях и инструментах свой знак вместо личного клейма ремесленника не может означать ничего иного, как принадлежность их феодалу. Такое требование феодала может вытекать только из его собственности на эти изделия и инструменты.

Во-вторых, в широко применявшемся русскими монастырями уставе Фёдора Студита содержится целая система наказаний за утрату или порчу орудий и средств ремесленного производства. Например: «О усмошви: аще небрежением преломитшило или ино что, им же усмь режут, да поклонится 30 и 50 или 100...». «Аще на потребу въеметь кожю или усние и, не съблудая, режеть и не прилагает меру сапожныя ... суко да ясть...», «о шевци ризнем: иже нехраненем сломит иглу ли ножь или нить претергнеть, или ризу раздерет, поклон 50 ли 60»³. Ясно, что орудия и средства производства и здесь составляли собственность духовного феодала.

В-третьих, в летописных сообщениях о разгроме «красных дворов» феодалов «поражает огромное количество запасов,

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 167.

² Там же.

³ Там же, стр. 171—172.

образовавшихся как из натурального оброка крестьян, так и из продукции княжеских ремесленников (например, известное Игорево сельцо в рассказе Ипатьевской летописи под 1146 г.)»¹.

Отклоняясь несколько от рассматриваемого в данный момент вопроса, заметим, что о запасах «тяжкого товара» Б. А. Рыбаков высказывает следующую мысль. «Это скопление в руках феодала больших запасов кузнечных изделий, получаемых от своих, княжеских кузнецов, позволяло князю прочнее связывать подвластное ему крестьянское население путём ссуды инвентарём»². Эта плодотворная для понимания некоторых сторон процесса феодализации мысль в такой отчетливой постановке высказана, насколько нам известно, впервые. Конечно, основой феодальных отношений, и притом в решающей степени, была собственность феодала на землю. Это главное. Но наряду с этим, в условиях беспросветных для массы мелких смердских хозяйств трудностей порой даже простого воспроизводства, а также узости рыночных отношений, решение задачи возобновления изношенных или восстановления утраченных орудий производства (мы имеем здесь в виду прежде всего железо, то есть топор, сошник, лемех, косу, серп, нож и проч. орудия, которые являлись ключевыми для получения других, например, всех деревянных орудий производства) также гнало смерда в феодальную кабалу к владельцу запасов «тяжкого товара».

Возвращаясь к непосредственно рассматриваемому вопросу, мы можем констатировать, что во внешнем концентре вотчинного ремесла, то есть на посаде и, главным образом, в феодально освоенных вервях-мирах-общинах, орудия ремесленного производства составляли собственность самих ремесленников, среди которых на посаде преобладали, по-видимому, ремесленники-товаропроизводители, а в деревне — патриархальные ремесленники. Во внутреннем концентре, то есть внутри городского детинца и на усадьбе светского или духовного феодала, они составляли собственность этих феодалов. Это так в основном, решающем. Конечно, во внутреннем концентре мы могли встретить и, возможно, не редко, фигуру ремесленника, общественная судьба которого привела его туда вместе с орудиями производства, составлявшими его частную собственность. Равным образом, и во внешнем концентре вотчинные ремесленники могли работать орудиями, представленными им феодалом и составлявшими, таким образом, собственность этого последнего. Всё это, однако, было всё же исключениями, может быть, и немалочисленными.

Существование свободного ремесла на посадах городских центров Руси рассматриваемого периода не вызывает никаких

¹ История культуры Руси, том 1, 1948 г., стр. 167.

² Там же.

сомнений. Можно, пожалуй, сказать, что самим своим возникновением и существованием городские посады обязаны именно ремеслу. Об этом свидетельствуют, как мы видели, не только памятники археологические, но и археографические. Целые части посадов, концы, улицы, слободки носили явно и по преимуществу ремесленные наименования. Это имело место не только в городах Поднепровья, в Новгороде и Пскове, но и в позднее возникших городах северо-восточной Руси. Многие ремесленники занимали порой видные посты. Достаточно напомнить роль Микифора Щитника в новгородских событиях, связанных с борьбой за пост архиепископа (владыки), главы так называемого «Совета Господ». В свободном деревенском ремесле преобладали патриархальные ремесленники, в городском (посадском) — ремесленники-товаропроизводители. Орудия и средства производства несомненно составляли их частную собственность. Это не исключало, как мы только что отмечали, того, что на посаде находились и феодально освоенные ремесленники с орудиями и средствами производства, принадлежавшими феодалу. Это последнее, однако, не было решающей чертой посадского ремесла.

Таковы отношения собственности в сфере древнерусского ремесла.

7

Так выглядят в целом общественные отношения производства, отношения собственности древней Руси. «Перед нами с полной отчётливостью,— указывает Б. Д. Греков,— вырисовывается классовый антагонизм землевладельцев, с одной стороны, и зависимого от землевладельцев населения, недавно вырванного и на наших глазах вырываемого из недр разлагающейся общины,— с другой.

Ведущие отношения устанавливаются по линии отношений землевладельца и крепостного»¹. Это не может вызывать никаких сомнений. Сложившимися, растущими и развивавшимися были именно эти ведущие отношения.

Что касается основного классового антагонизма рассматриваемого периода, то точнее было бы, по нашему мнению, формулировать его несколько иначе. Основными общественными классами-антагонистами на Руси были, с одной стороны, эксплуататоры, светские и духовные феодалы-землевладельцы во главе с князем, верховым феодалом, а с другой стороны — масса смердства, феодально освоенного и ждавшего этой участии, и масса, лишённая собственных условий и средств производства. Приниженное общественное положение и той части смердства, которая ещё не попала в цепкие лапы тех, кого автор «Начального свода» уверял словами: «останемся от не-

¹ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, 1937 г., стр. 161.

сътства своего», общеизвестно¹. Это ведь тоже масса эксплуатируемых путём полудья, даней и всякого рода повинностей, Участниками ожесточённых классовых схваток, например, 1024 года в Суздале, 1068 и 1113 годов на Киевщине и т. д. вряд ли будет правильным считать только закрепощённых смердов и городской ремесленный люд. Мы не можем доказать фактами, но, по всем соображениям, в этих схватках принимала участие и масса смердов, задавленных государственными поборами и повинностями, но ещё не попавших в зависимость от феодалов.

Что касается эксплуатируемой прослойки населения, которая была лишена всяких прав, то есть рабов и обельных холопов, то дело обстояло так. Рабство обнаруживает «явную тенденцию к исчезновению». Церковь первая выбросила его из своего хозяйственного обихода, в боярских и княжеских вотчинах оно доживает до конца XV века, когда и эти архаические организованные хозяйства стремятся освободиться от рабов, былого источника своей силы и могущества, сейчас превратившегося в свою противоположность и ставшего причиной их слабости. На наших глазах рабство, таким образом, завершает полный цикл своегоialectического развития. Но в IX—XII веках оно ещё не дошло до своего естественного конца, оно ещё продолжает существовать в недрах успешно развивающегося феодального общества².

8

Мы можем теперь резюмировать рассмотрение вопроса о производительных силах и производственных отношениях, о производстве древней Руси.

Выводы, которые мы должны сделать о производительных силах, можно сформулировать следующим образом.

Первый вывод. Сельское хозяйство. Пашенное земледелие. На лесном севере и в центре огневое земледелие перестало быть системой, превратилось в средство расширения пахотных площадей. Плуг (рало) с железным лемехом, серп, коса на юге, топор, железный сошник, серп и коса в центре и на севере. Оседлое животноводство, тесно связанное с земледелием. Животное тягло в лесной полосе начинает применяться соответственно позднее, чем на юге, ибо подсека и её переходные формы либо не требовали, либо могли обходиться без него. Сельское хозяйство поглощало основную, решающую часть труда 5—7-миллионного русского населения, а в соответствии с этим оно доставляло и основную, решающую часть средств к жизни, пищи, одежды и т. д. и т. п. Наибольшая масса производственного опыта и навыков к труду — в сельском хозяйстве.

¹ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, 1937 г., стр. 157.

² Там же, стр. 161—162.

Земледельческая основа процесса общественного воспроизведения не вызывает никаких сомнений.

Второй. Лесные промыслы в широком смысле и рыболовство. Охота за лесным зверем вообще, за пушным — в частности и в особенности. Бортничество. Удельный вес этих отраслей производительной деятельности в лесной полосе выше, чем в лесостепной, однако, не преобладающий. На большей части пространства древней Руси эти промыслы представляются не отделёнными, не обособившимися от основных занятий сельским хозяйством. Звероловство, рыболовство и бортничество доставляют руссам дополнительные средства существования, однако, не решающие. При неурожае продукты лесных промыслов не избавляют население от голодовок, даже в лесной полосе. В летописях можно найти указания на то, что для представителей господствующих классов охота приняла характер простого развлечения и роскоши. Эти указания не дают оснований для сколько-нибудь широких обобщений. Охота в полной мере ещё не потеряла характер необходимости. Сохранению этого способствовали и широкие природные возможности, и неограниченный внешний спрос, например, на пушину и продукты бортничества, порождавший и внутренний спрос на них. Обеспеченный внешний сбыт увеличивал в среде господствующих классов стремление изымать прибавочный продукт именно в этой натуральной форме предпочтительно.

Третий. Городское, примыкавшее к нему вотчинное (придворное, монастырское) и деревенское ремесло. Первое и второе представляются в заметной степени обособившимися от земледелия, особенно в крупных населенных пунктах. Протретье, если исключить некоторые профессии и промыслы, например, крьчей (кузнецы железу) и друг., этого сказать нельзя. Ремесло доставляло железные орудия производства для сельского хозяйства, охоты и ремесла, военное оружие, речные и сухопутные средства передвижения, одежду, обувь для значительной части городского населения, удовлетворяло эстетические потребности и т. д. и т. п.

Выводы, которые мы должны сделать о производственных отношениях, об отношениях собственности и ее формах, можно сформулировать следующим образом.

Перед нами чрезвычайно сложный переплет отношений и форм, с одной стороны, народившихся и растущих, с другой стороны — отживающих и умирающих.

К первым относятся:

а) феодальная собственность на средства производства, в первую очередь на землю, недра, леса и воды, на орудия сельскохозяйственного и ремесленного производства, производственные постройки, орудия лесных и рыбных промыслов, средства сообщения и т. д.;

б) феодальная собственность на рабочую силу, то есть на

закрепощенного и закрепошающего смерда: пахаря, ремесленника, зверолова, бортника и т. д.;

в) единоличная, основанная на личном труде собственность мелких производителей (смердов-сирот, ремесленников и др.) на орудия сельскохозяйственного и ремесленного производства, орудия лесных и рыбных промыслов, производственные здания и т. п., на свое частное хозяйство;

г) отсутствие всякой собственности на средства производства у все возрастающей части населения, пополнившего земли и усадьбы светских и духовных феодалов.

Ко вторым относятся:

а) общинная собственность на землю, леса, воды и недра, сокращающаяся от столетия к столетию под железной пятой процесса феодализации и под влиянием имущественной дифференциации внутри самой общины;

б) полная собственность на рабочую силу, на обельного холопа во всех отраслях производительной деятельности.

Таковы кратко, в основных чертах, производительные силы и соответствующие им производственные отношения, производство древней Руси IX—XII столетий.

Каждый, заранее не предубежденный, приглашается поразмыслить над следующим вопросом.

Могли ли в самом деле домашние животные выполнять роль денег, денежного эквивалента при:

а) оседлом образе жизни древнерусского населения, а не кочевом, пастушеском;

б) земледельческой основе (корне) процесса воспроизведения общественной жизни, а не скотоводческой;

в) отчетливо сложившихся и продолжавших развиваться феодальных отношениях производства, а не первобытно-общинных на стадии начала их медленного и постепенного разложения;

г) охарактеризованном выше уровне расчлененности частной собственности на условия и результаты производства;

д) достигнутой степени классовой дифференциации населения древней Руси?

Не могли выполнять и не выполняли. Другой какой-либо ответ на поставленный вопрос, очевидно, невозможен. На Руси не было ни одного из важнейших условий общественного производства, которое было бы соответственно, синхронно такой роли скота.

Продолжим, однако, наши сопоставления на соответствие и синхронность в направлении еще большей их конкретизации и умножения. Обратимся к сложившейся на Руси системе общественного разделения труда и в первую очередь той её части, которая совершалась через связи товарного обмена, затем к внешней и внутренней торговле, как она рисуется письменными и вещественными памятниками и свидетельствами, нашими и

чужеземными. Попытаемся определить в соответствии с этим контингенты древнерусских продавцов-покупателей. Заглянем на торжища древнерусских городов с мысленно находящимися у нас на поводу мычащими деньгами и т. д. и т. п.

Всё это должно дать нам дополнительные данные и факты для показа несостоятельности версии древнерусских денег-скота.

ГЛАВА VI

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

1

Выше мы высказывали мысль, что исследовать степень развития эквивалентной формы стоимости надежнее и плодотворнее, выяснив сначала уровень, достигнутый товарным производством, товарными отношениями людей. А ведь «основой товарного хозяйства является общественное разделение труда»¹.

Обоих этих вопросов, то есть системы общественного разделения труда и товарного обращения, мы касались выше, однако, в явно недостаточной степени. В недостаточной потому, что в центре нашего внимания было другое, главное, основополагающее — производительные силы и производственные отношения в древней Руси. Нам предстоит теперь более подробно остановиться на этих вопросах.

Маркс указывает, что разделение труда в обществе, — совершается ли оно при посредстве товарного обмена или независимо от него — «принадлежит самим различным социально-экономическим формациям...»².

В системе общественного разделения труда, таким образом, две рубрики: первая осуществляется или совершается через товарные связи, вторая — независимо от них, иными путями. Какими именно, — отчасти было намечено выше. Этим феодальным путям должна быть дана необходимая характеристика. И вообще, выяснение контуров той части системы общественного разделения труда древних руссов, которая совершалась независимо от товарного обмена, существенно важно. Важно потому, что игнорировать эту часть или полагать, что всякое или всё общественное разделение труда может совершаться только через товарный обмен, значит допускать серьезную ошибку, чреватую, например, для нас переоценкой роли товарных отношений, а следовательно, и отношений денежных, степени зрелости эквивалентной формы стоимости.

В основу членения рассматриваемого вопроса мы берем следующие указания Маркса: «Если иметь в виду лишь самый

¹ В. И. Ленин. Соч., том III, стр. 15, изд. 3. См. также: К. Маркс. Капитал, том I, 1936 г., стр. 283.

² Там же у К. Маркса, стр. 291.

труд, то разделение общественного производства на его крупные роды, как земледелие, промышленность и т. д., можно назвать общим (*im Allgemeinen*) разделением труда; распадение этих родов производства на виды и подвиды — частным (*im Besonderen*) разделением труда, а разделение труда внутри мастерской — единичным (*im Einzelnen*) разделением труда¹. Немецкое «*im Besonderen*» здесь переведено явно неудачно. Точный перевод — «особенный». Поэтому везде ниже термин «частное разделение труда» мы заменяем «особенное разделение труда».

При рассмотрении намеченных рубрик необходимо иметь в виду, что глубина их расчлененности или разделенности зависит от степени развития противоположности между городом и деревней, ибо «основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности...»².

Процесс третьего крупного общественного разделения труда мы наблюдали выше.

Есть ещё одно положение, подлежащее учёту. Мы имеем в виду разделение труда между Русью и сопредельными с ней странами. Отсюда вытекали внешнеторговые связи.

Мы видели выше, что вся масса труда древнерусского общества распределялась между сельским хозяйством, включая в него животноводство и домашние промыслы, во-первых, охотой, бортничеством и рыболовством, во-вторых, и ремеслом — в третьих. Решающая часть ее приходилась на долю первого.

Означает ли это, что мы в этом случае, имеем дело с общим (*im Allgemeinen*), то есть родовым (распадение производства на его крупные роды) общественным разделением труда? Пока безразлично, осуществлялось ли оно товарными или феодальными путями. Односложный (да или нет) ответ на этот вопрос, очевидно, невозможен.

2

Рассмотрим сначала интересующие нас отношения между первым и вторым родами производительной деятельности древних руссов, то есть между сельским хозяйством, с одной стороны, и лесоречными промыслами — с другой. Сельское хозяйство от других родов производства отличала не только его главенствующая роль, но и преобладающая численность хозяйственных или хозяйствующих единиц, а следовательно, и собственников. Оставляя пока в стороне вопрос о верви-мире, как хозяйствующей единице, обратимся: 1) к массе патриархаль-

¹ К. Маркс. Капитал, том I, 1936 г., стр. 283.

² Там же, стр. 285.

ных смердских семей, часть которых мы застаем уже феодально освоенными, другую свободными от феодальных пут, но ожидающими этой участи и 2) к феодальным (княжеским, боярским и церковным) вотчинам. Возможность говорить здесь языком статистики по понятным причинам исключена. Мы можем, однако, полагать, что при 5—7-миллионном населении древней Руси таких хозяйствующих единиц, как смердская семья, насчитывалось несколько сотен тысяч (может быть 4—5), а феодальных вотчин — несколько тысяч.

Внутри смердской семьи труд разделен на чисто физиологической основе, в силу половых и возрастных различий между членами семьи. Эта хозяйствующая единица пахала и палила, сеяла и жала, молотила и молола, пасла, косила и доила, пряла и ткала, обрабатывала кожи животных, изготавливала одежду и обувь, посуду и упряжь, сооружала жилище и хозяйственные постройки, добывала топливо и т. д. и т. п., словом, «производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой»¹ продуктов труда к потреблению.

Локус стандартизации древнерусского земледельца в широком смысле — лесостепная и лесная полоса Восточной Европы. Населенные пункты располагались преимущественно и предпочтительно на берегах или недалеко от рек, являвшихся и источником дополнительных пищевых ресурсов, и путями сообщений и перевозок грузов, а в пойменных частях использовавшихся для заготовок сена и выпаса скота. Мы видели выше, что древнерусская историческая документация, рисуя нам смерда как земледельца, не содержит в заметных масштабах указаний на существование, обособленных от земледелия, охотничьих, бортных или рыболовецких хозяйствующих единиц. Сообщения о новгородских рыболовецких ватагах и об осетровом промысле руссов в устье Днепра не могут быть признаны материалом, поддающимся сколько-нибудь широкому обобщению.

Нам далее известен весьма распространенный факт подымного (подомного) и порального и вместе с тем пушного характера дани, взимавшейся с основной массы населения, то есть со смердов. Охота за пушным зверем как отрасль производительной деятельности не вступала в конфликт с основной, то есть с сельским хозяйством. Добыча пушнины — дело по преимуществу зимнее. Летние меха не представляют такой ценности, как меха зимние, то есть, говоря охотничьим языком, меха кунные, с выкунившимся зверем. Обособление от сельского хозяйства и преобладание этой отрасли можно найти лишь на крайнем севере Восточной Европы.

Мы также видели, что в остеологических материалах населенных пунктов наряду с останками домашних бытуют и остан-

¹ В. И. Ленин. Соч., том III, стр. 15, изд. 3.

ки диких животных и птиц. Факты нахождения на одном селище в одном и том же культурном слое остатков орудий и сельскохозяйственного производства и, например, рыболовства — типичнейшее явление.

Соблюдая всю необходимую осторожность в выводах и общениениях, мы можем уверенно заключить, что лесоречные промыслы в смердской среде, так же как и домашние промыслы (прядение, ткачество и проч.), не были отделены от основной производительной деятельности, то есть от земледелия. Для смердской семьи, как хозяйствующей единицы, ни в какой мере не был типичен обмен продуктов своего земледелия, животноводства или домашних промыслов на продукты лесных и речных промыслов. Она сама, одна или совместно с другими семьями, охотилась на мясных и пушных зверей, лесную и водоплавающую птицу, ловила рыбу и т. д. и т. п.

Таким образом, неразделенность труда между земледелием и лесоречными промыслами исключала обменные связи между этими отраслями производительной деятельности как типичное явление. Здесь нет ни общего (*im Allgemeinen*), то есть родового разделения труда, ни особенного (*im Besonderen*), словом, нет разделения труда, которое в массовом масштабе совершилось бы через товарный обмен между этими хозяйствующими единицами, то есть смердскими семьями. Половозрастное разделение труда внутри последних осуществлялось под авторитетом главы этой семьи.

Рассмотрим теперь в интересующем нас направлении феодальную вотчину. В противоположность мелкой и мельчайшей хозяйствующей единице, какой являлась смердская семья, перед нами крупное, в основной характеристике сельскохозяйственное, предприятие. На усадьбах княжеской, боярской и монастырской вотчин мы сталкиваемся с многочисленными непосредственными производителями, главным образом, феодально зависимого, а также рабского состояния. Наемный производитель — явление исключительное¹.

Здесь мы встречаем не только пахаря, конюха, капустника, пастуха, птичницу, мельника, повара и т. п., не только ловчего, бортника, рыбака и т. д., но и кузнеца, кожемяку, швеца, сапожника, гончара и т. п., вплоть, порой, до серебряных дел мастера. Труд внутри вотчины, несомненно, разделен, причем половозрастной его признак отнюдь не доминирует. Степень этого разделения или, иными словами, степень сосредоточенности отдельных производителей на трудовых функциях только своей профессии, само собой разумеется, весьма различна.

Феодальная вотчина выступает перед нами, как крупная многоотраслевая хозяйствующая единица во главе с ведущей

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь, 1953 г., стр. 153—155. См. также его «Крестьяне на Руси», 1946 г., стр. 122—124.

основной отраслью — сельским хозяйством. Нам ничего не известно, даже в форме глухих намеков, о существовании в древней Руси несельскохозяйственных, например, охотничьих, бортных или рыболовецких феодальных вотчин. Вотчина ратай пахал боярское поле плугом, лемех которого был сделан не им; вотчина кузнец железу ел хлеб, произведенный не им. Это, однако, не есть обмен деятельностями между собственниками условий и результатов производства; принципа эквивалентности и стоимостной основы здесь нет. Внутри вотчинное разделение труда совершилось феодальными путями и не через обмен на такой товар, как рабочая сила. Оно осуществлялось через деспотию или авторитет феодального собственника земли, рабочей силы и других орудий и средств производства, а следовательно, и его результатов.

Таким образом, и внутри феодально-вотчинной хозяйствующей единицы мы не можем констатировать наличие родового разделения труда между сельским хозяйством и лесоречными промыслами, равно и видового или подвидового внутри каждой из этих рубрик, разделения труда, которое в массовом масштабе совершилось бы через обмен товарами.

В сельском хозяйстве, поглощавшем преобладающую часть труда древних руссов, вместе с органически вплетенными в него лесоречными промыслами, перед нами масса замкнутых и однородных, а не разнородных, хозяйствующих единиц (смердских семей и феодальных вотчин), производство которых односторонне ориентировалось на создание не меновых, а потребительских стоимостей для себя, продуктов для потребления внутри этой самой единицы. Эти замкнутость и однородность исключали сколько-нибудь обширные обменные связи как между вотчинами, так и между смердскими семьями, равно и между массой последних, с одной стороны, и вотчинами — с другой.

Так в условиях густого натуральнохозяйственного мрака, окутывавшего древнерусское сельское хозяйство и лесоречные промыслы, проходили столетия.

Однако червь товарного производства и товарных отношений очень медленно, но упорно сверлил и разъедал целину натурального хозяйства. Блики и зарницы нового, новых, более прогрессивных отношений, чем дальше, тем всё настойчивее прорезали этот мрак.

История русских производительных сил и производственных отношений бесспорно сложилась бы совершенно иначе, роль зачинателя новых отношений, как господствующих, выпала бы возможно не на долю гордого Альбиона, если бы в XIII веке Русь не подверглась татаро-монгольскому разорению и порабощению, резко затормозившему поступательный ход развития её производства.

Обратимся теперь к древнерусскому ремеслу, к отрасли, в которой новое давало о себе знать особенно интенсивно и настойчиво. Нам предстоит осветить вопрос о том, как далеко зашёл процесс второго крупного общественного разделения труда, начало которому было положено задолго до образования древнерусского государства.

Совершенно очевидно, что и здесь вопрос должен быть рассмотрен в соответствии с членением, принятым нами при освещении отношений собственности, а именно: деревенское (общинное-вервьское-мирское) ремесло, вотчинное в его внешнем и внутреннем концентрах и, наконец, городское (посадское). Само собой разумеется, что членение на патриархального ремесленника (работа на заказ) и ремесленника-товаропроизводителя (работа на рынок, на покупателя, который должен быть найден) также сохраняет полную силу. Можно даже сказать, что в рассматриваемом аспекте это членение приобретает особое значение.

Мы только что отмечали, что самой многочисленной и вместе с тем мелкой и мельчайшей хозяйствующей единицей была смердская семья. В сельском хозяйстве и лесоречных промыслах она добывала сырье, в семейных промыслах она перерабатывала его в продукты для потребления внутри этой же семьи. Так обстояло в отношении пищи, одежды, обуви, жилища, топлива и т. п., то есть в отношении почти всех средств личного потребления. Исключения здесь были невелики и весьма редки. Одним из таких исключений для местностей, удаленных на большие расстояния от мест добычи, принято считать соль. Большинство местностей древней Руси были именно такими.

По поводу соли мы считаем необходимым сделать возражения против модернизаторских преувеличений, имеющих хождение не только в дореволюционной, но и в литературе наших дней. Ф. И. Михалевский, например, утверждал, что «металл и соль — это два когтя, которые рынок первыми запускает в крестьянское хозяйство»¹.

Это неверно. Ошибочно ставить в один ряд соль и железо, и не только для эпохи раннего феодализма, но и для более поздних времен. Среди жителей современных больших городов, пожалуй, невозможно найти энтузиастов бессолевой диеты. Она им просто внушает отвращение в такой степени, что они, ощущая потребность в принятии пищи, готовы тем не менее отказаться от нее. Этнографы, наоборот, свидетельствуют, что, например, чукчи до недавнего времени были приверженцами бессолевой диеты, и соленая пища вызывала у них такое же от-

¹ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения, том I. Деньги в феодальном обществе, 1948 г., стр. 18.

вращение, также граничащее с отказом от ее принятия. В древней Руси велась торговля солью, соль употреблялась и непосредственно в пищу и как средство консервации, однако, приписывать ей характер такой же жгучей и настоятельной необходимости, как и железу, по меньшей мере неосторожно.

По другому поводу аналогичное модернизирование, то есть перенесение вкусов, привычек, представлений и проч. современного человека на его далекое прошлое, содержится в учебнике политической экономии. Человек нашего времени до того очевидился, что, например, употребление в пищу сырой, живой, еще трепещущей, непосредственно с крючка или из сетки рыбы ему кажется не только отвратительным, но и просто немыслимым. Авторы учебника утверждают, что подчиненный человеком огонь стал служить «для приготовления пищи, в результате чего круг доступных человеку предметов питания расширяется: стало возможным употреблять в пищу приготовленные при помощи огня рыбу, мясо, крахмалистые корни, клубни и т. п.»¹ (курсив наш — М. Л.). Если приведенный перечень вошел в круг доступных человеку предметов питания только после того, как человек научился использовать огонь для приготовления пищи, то спрашивается, чем же бедняга, первобытный человек, питался до этого? И разве этнография народов, например, некоторых наших сибирских, отнюдь не первобытных, не указывает, что употребление в пищу живой, прямо из сетки, рыбы, и притом без соли, является своего рода лакомством? Да еще каким!

Вернемся, однако, к смердской семье, как хозяйствующей единице. Что касается ее костной, мускульной и сосудистой системы, т. е. орудий производства, то вся или почти вся их деревянная часть представляла продукт также семейного труда. Важным исключением в этой системе являлась вся их железная часть, игравшая, как мы отмечали выше, ключевую роль по отношению к деревянной части. Ясно, что каждая смердская семья не могла производить железные орудия собственными силами. Правильная характеристика смердского хозяйства, как замкнутого и натурального, не должна быть, таким образом, понимаема абсолютно. Железо, говоря словами Ф. И. Михалевского, было действительно когтем, неотвязно рвавшим и терзавшим натуральнохозяйственное тело смердской семьи.

Б. А. Рыбаков намечает в древнерусской деревне такие группы ремесленников: кузнецы, гончары, бондари, камнерезы².

Какие группы этих ремесленников можно считать обособившимися от сельского хозяйства? Иными словами, для каких групп ремесло в рассматриваемое время стало главным источником существования?

¹ Политическая экономия, учебник, 1954 г., стр. 15.

² История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 162.

Уверенно мы можем здесь указать лишь на кузнецов. Они, как и некоторые городские (посадские) ремесленники¹, могли иметь кое-какие посевы, огороды, домашний скот, но кормила и одевала их в решающем смысле домница и кузница. Про остальные группы деревенских ремесленников сказать то же самое было бы, на наш взгляд, по меньшей мере неосторожно. Их кормило и одевало в основном не ремесло, а производительная деятельность в сельском хозяйстве. Нам нет необходимости подробнее рассматривать вопрос об этих последних группах. Отметим лишь, что их ремесленная продукция выходила за пределы натурального хозяйства смердской семьи главным образом эквивалентно. Это несомненно зачаточные формы общего и видового разделения труда.

Можно ли деревенскую ремесленную металлургию рассматривать как явление общественного разделения труда, которое Маркс называл общим (*im Allgemeinen*) или родовым («распадением общественного производства на его крупные роды, каковы земледелие, промышленность и т. д.»²) разделением труда?

Нам представляется, что ответ на этот вопрос может быть только положительным. Это, бесспорно, явление второго крупного общественного разделения труда, явление притом весьма отчетливое и не зачаточное. Более того, это явление особенного (*im Besonderen*), то есть видового (распадение ремесла на его отдельные виды: кузнечное, гончарное, бондарное, усмарное и проч.) разделения труда. Вся продукция деревенского металлурга выходила эквивалентно за пределы его семьи, как хозяйствующей единицы.

Технологически в металлургии железа можно выделить два крупных подвида. Во-первых, доменное дело, производившее крицы, и, во-вторых, собственно кузнечное, проковка криц и изготовление металлических изделий. Имело ли здесь место тоже особенное (*im Besonderen*), но подвидовое разделение труда? Соображения по этому поводу недавно в литературе были высказаны Б. А. Рыбаковым: «...в условиях повсеместного распространения болотной руды и малой производительности домниц трудно допустить, чтобы где-нибудь варили железо на продажу. (Имеются в виду крицы.) Более вероятно, что там, где обрабатывали руду, там и ковали железо...»³. Мы присоединяемся к этим соображениям, хотя они и могут быть аргументированы только археологически, а с точки зрения письменных источников лишь негативно. Мы действительно не имеем никаких показаний о крицах как предмете торговли или феодальной ренты.

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 167.

² К. Маркс. Капитал, том I, 1936 г., стр. 283.

³ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 163.

Являлись ли деревенские металлурги, гончары, усмари и другие патриархальными ремесленниками или ремесленниками-товаропроизводителями? Иными словами, работали ли они только на заказ или только на неизвестного покупателя, на рынок, пусть узкий, местный?

В. И. Ленин, как мы видели выше при освещении отношений собственности, указывает на необходимость различия этих двух фигур, подчеркивая одновременно всю практическую трудность этого¹. Вопрос осложняется еще тем, что наш металлург, как и его клиент — смерд-земледелец, входили в состав мира-верви-общины. Его отношения к последней не могут быть игнорированы при рассмотрении поставленных вопросов. Мир-вервь не кровнородственная, а территориальная общность. Внутри верви-мира смердские семьи ведут свое хозяйство индивидуально; уже в рассматриваемое время имеет место имущественная дифференциация. При всем этом община выполняла важные хозяйствственные функции, в числе которых было и обеспечение членов общины услугами ремесленного труда. Содержание всем миром ремесленника в XIX веке, как отмечал В. И. Ленин², было чрезвычайно редким, захолустным явлением. Мы уже высказывали свое мнение, что в древней Руси это явление было весьма распространенным.

Ответ на поставленный вопрос, очевидно, может быть только многочленным.

Во-первых, кузнец и другие деревенские ремесленники могли быть мирскими-вервьскими. Они получали содержание от мира-верви и обслуживали своим трудом нужды членов данной общины. Здесь нет товарного производства, товарных отношений.

Во-вторых. Если принять во внимание факт имущественной дифференциации и вытекающие отсюда неодинаковые потребности отдельных смердских семей в ремесленных изделиях, то была, по-видимому, преобладающей работа на заказ, причем и для членов других общин. Здесь также нет еще товарного производства. Здесь лишь в отдельных случаях патриархальный ремесленник мог стать агентом товарного обращения.

В-третьих. Имела место и работа на продажу в местных рядках, на погосте и т. п. Это уже товарное производство. Это — черта ремесленника-товаропроизводителя, выступавшая здесь, однако, весьма слабо, куда менее рельефно, чем другие.

Вывод, к которому мы приходим, может быть сформулирован так. В облике деревенского металлурга и его, правда, немногочисленных коллег в качестве преобладающих выступают черты патриархального ремесленника, работающего на заказ.

Таким в основных чертах представляется разделение труда

¹ В. И. Ленин. Соч., том III, стр. 255, изд. 3.

² Там же, стр. 256. Вряд ли в число мирских могли входить деревенские ремесленники, изготавлившие продукцию эстетического назначения.

между сельским хозяйством и лесоречными промыслами, с одной стороны, и деревенским ремеслом — с другой.

Перейдем теперь к вотчинному ремеслу. Характеризуя вопрос об интересующем нас отношении между сельским хозяйством и лесоречными промыслами в феодальных вотчинах, мы отмечали разделенность труда между непосредственными производителями на самой усадьбе вотчинника, светского или духовного. Среди них фигуры порой весьма многочисленных ремесленников самых разнообразных профессий — совсем обычное явление.

Разделение труда между ремеслом, с одной стороны, и такими отраслями хозяйства, как сельское и лесоречные промыслы — с другой, равно и между отдельными видами ремесла, совершалось отнюдь не обменными связями. Феодальной форме эксплуатации зависимого труда соответствовала и феодальная форма осуществления внутривотчинного разделения труда. Мы имеем письменные свидетельства о том, что даже в тех случаях, когда вотчинный ремесленник работал на стороне, он был обязан свой заработок сдавать вотчиннику.

Так обстояло дело на усадьбе самой вотчины, то есть в ее внутреннем концентре.

Несколько замечаний об ее внешнем концентре, то есть о массе феодально освоенных и эксплуатируемых непосредственных производителей, среди которых мы находим и деревенского ремесленника, деятельность которого протекала за пределами феодального двора, в гуще смердских общин.

Мы уже отмечали выше одновременное сосуществование обеих форм феодальной ренты, примитивной отработочной и натуральной. Процесс развивается, особенно во второй половине рассматриваемого хронологического отрезка, в сторону все большего возрастания последней, хотя ни одна из этих форм решительно одна другую не вытесняет. Во внутреннем концентре мы имеем дело с примитивной отработочной, во внешнем соответственно — с продуктовой. Третья форма, то есть денежная феодальная рента, хотя и имела место, однако имеющиеся в этом отношении показания, как мы подчеркивали, было бы неосторожно подвергать сколько-нибудь широкому обобщению.

Вопрос о характере разделения труда во внешнем концентре вотчины, то есть в феодально освоенных общинах-вервях-мирах, платящих вотчиннику ренту продуктами, в том числе и ремесленными изделиями, мы по сути дела осветили уже выше, и нам нет нужды возвращаться вновь к нему. Отметим лишь, что эксплуатация зависимого населения общин означала безэквивалентное изъятие потребительных стоимостей, производимых не только, собственно, в сельском хозяйстве, лесоречных промыслах и деревенском ремесле, но и в семейных (домашних) промыслах. Перед нами феодальный путь осуществления общественного разделения труда. Конечно, часть этих изъятий

в руках феодала, и это надо иметь в виду, могла превращаться в товар. Здесь прежде всего надо указать на пушную часть этих изъятий, шедших по преимуществу на внешний рынок. Что касается запасов «тяжкого товара», продуктов вотчинного и деревенского ремесел, то какая-то их часть могла превращаться в товар, поступая на местный рынок, отчасти и на внешний, другая их часть в руках вотчинников служила средством усиления зависимости в какой-то степени уже феодально освоенного и установления этой зависимости в отношении ранее свободной части смердского населения.

Уже одно то обстоятельство, что при расчленении древнерусского ремесла мы имеем все основания выделить рубрику городского, говорит о достаточно далеко зашедшем втором крупном общественном разделении труда, т. к. город в научном, политико-экономическом смысле есть прямой продукт, итог главным образом этого второго, а также и третьего крупного общественного разделения труда.

Выше уже отмечалось, что, присваивая этому членению наименование городского, мы, строго говоря, допускаем неточность. Существование огороженных (рвами, валами, тыном и проч.), то есть укрепленных пунктов с постоянным населением, простирается на многие тысячелетия в глубь первобытнообщинного строя. Это были убежища и от диких зверей, а чем ближе к нам, тем все в большей степени, и от инообщинных людей. Эти города, точнее городища, не были, однако, городами в современном значении термина. Очень часто эти древнейшие огороженные пункты продолжали играть роль убежищ, «твердей» и для общностей людей, связанных между собой отнюдь не кровнородственными узами и отношениями, а территориальными, соседскими. Еще более часто в процессе феодализации они были объектами захвата со стороны формировавшегося эксплуататорского класса, становились убежищами «сильных мира того» от возмущения эксплуатируемой массы окружающего населения. Огороженная, укрепленная княжеская, боярская или монастырская усадьба — также еще не город.

Лишь появление посада или предградия с ремесленным и торговым населением, превышавшим обычно во много раз население собственно усадьбы или детинца, дает город. На феодальной усадьбе мы имеем дело с вотчинным ремеслом, а то, что мы называем городским, точнее было бы именовать посадским ремеслом для севера и центра территории древней Руси и предградским для юга. Отдавая дань установившейся традиции, мы также будем пользоваться термином городское ремесло, однако, с приведенной оговоркой.

Картина, которую нам рисуют рассмотренные выше вещественные и письменные памятники, позволяет в отношении древнерусского городского ремесла сделать следующие выводы. Для подавляющей массы ремесленников, обосновавшихся на

посаде или в предградии, решающим источником средств существования является ремесленная производительная деятельность. Это не земледельцы, несмотря на наличие у некоторых из них приусадебных огородов и садов непосредственно на самом посаде или на его окраине.

Мы можем, таким образом, уверенно фиксировать общее (*im Allgemeinen*) разделение труда между такими родами производительной деятельности, как городское ремесло, с одной стороны, и земледелие с лесоречными промыслами — с другой. Это разделение имело своей основой процесс возникновения и развития противоположности между городом и деревней.

Далее, внутри самого ремесла мы наблюдаем картину разделения его на целый ряд видов и подвидов. Список ремесленных профессий посада или предградия, составленный Б. А. Рыбаковым, свидетельствует об особенном (*im Besonderen*) в обоих смыслах разделении труда, то есть видовом и подвидовом.

Локус стани посадского ремесленника по археологическим данным — это непосредственно его усадьба, а по ряду профессий его жилище, в котором он и жил и работал. В большинстве случаев ремесло носило наследственный характер. Внутри ремесленной избы единичное (*im Einzelnen*) разделение труда непосредственно совпадало с половозрастным. Это было в основном внутрисемейное разделение труда, аналогичное по своему характеру разделению труда внутри смердской земледельческой семьи. Например, по археологическим наблюдениям Б. А. Рыбакова (Подболотьевский могильник) ювелирно-литейные функции в семье ремесленника выполняли женщины¹. Это единичное разделение труда нас не интересует, так как совершенно очевидно, что оно осуществлялось отнюдь не обменными путями, а под авторитетом главы семьи, на базе семейной собственности на орудия и результаты производства. Ремесленная семья такое же единое хозяйственное целое, как, например, и земледельческая семья смерда.

Наше внимание должно быть сосредоточено на общем и особенном. Как совершалось общественное разделение труда между ремеслом и земледелием, между отдельными видами и подвидами ремесла?

Нам представляется обязательным и в этом случае следовать указаниям В. И. Ленина. С фигурами патриархального ремесленника (работа на заказ) и ремесленника-товаропроизводителя (работа на торжище) мы сталкиваемся и здесь. В этом нас убеждают многочисленные археологические наблюдения Б. А. Рыбакова, например, в отношении киевского бунта медной проволоки², в отношении отчетливо прослеживаемого на вещественных памятниках стремления ряда ремесленных профессий

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 100.

² Там же, 1948 г., стр. 130.

к массовому изготавлению продукции¹, и т. д. и т. п. Фигуры эти можно наблюдать и в качестве переплетающихся, сливающихся, переходящих одна в другую.

Условием для прочного существования патриархального ремесленника был регулярный приток заказов на его изделия. Нарушение этой регулярности, сокращение по тем или иным причинам круга заказчиков подрывало эту прочность, влекло его в поисках средств существования к переключению на занятие родственными профессиями, обеспеченными в данное время заказами, либо назад к земледелию, от которого он когда-то оторвался. В последнем случае он деградировал.

И наоборот. Усиление регулярности притока заказов, уверенность в их поступлении толкала его на заготовление полуфабрикатов, на работу впрок, на будущего заказчика и т. д. Если заказчик сам не шел к нему, он отправлялся на торговище, где превращался в продавца, в товаропроизводителя. Приобретенная на рынке уверенность в сбыте закрепляла за ним это положение. Переплетение работы на заказ с работой на рынок — типичное явление.

Каких черт в общем облике посадского ремесленника больше: патриархального ремесленника или ремесленника-товаропроизводителя?

Если в отношении деревенского ремесленника, например, кузнеца, не говоря уже о других, мы констатировали выше преобладание черт патриархального ремесленника, то в облике посадского решительно преобладают черты товаропроизводителя. Это, несомненно, одно из проявлений развивавшейся противоположности между городом и деревней.

Такова в самых основных чертах система общественного разделения труда, сложившаяся на Руси рассматриваемого периода. Для той ее части, которая совершалась через связи товарного обмена, требовался денежный эквивалент. Соответствует ли достигнутой ею степени сложности, глубины и дробности такой денежный эквивалент, как бык или корова, деньги скот, первобытные деньги?

Посмотрим, однако, как вещественные и письменные памятники и свидетельства рисуют связи товарного обмена, через посредство которых совершалась или осуществлялась охарактеризованная система общественного разделения труда.

ГЛАВА VII

СВЯЗИ ТОВАРНОГО ОБМЕНА

Маркс указывает, что «...интенсивность обмена, как и его распространение, как и его форма, определяется развитием и структурой производства, например, обмен между городом и

¹ История культуры древней Руси, т. I, 1948 г., стр. 173.

деревней, обмен в деревне, обмен в городе и т. д. Обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним»¹.

Подлежащий рассмотрению вопрос мы расчленяем прежде всего на две крупные рубрики: внутренняя торговля и внешне-торговые отношения. Первую рубрику следует расчленить снова на: а) обмен в деревне, б) обмен в городе и в) обмен между городом и деревней. Вторая рубрика членится по основным направлениям внешней торговли.

1

Б. А. Рыбаков сетует на то, что «деревня древней Руси оказалась, к сожалению, совершенно вне интересов летописцев и других письменных источников», и приходит к выводу, что «основным материалом для изучения обмена в древнерусской деревне для нас будут служить археологические памятники»².

Эти упреки в адрес летописца и вообще письменных источников нам представляются не совсем обоснованными. Летописец не мог проявлять интереса к такому, не скажем совершенно отсутствующему, но бесспорно малоприметному явлению, как деревенская торговля в древней Руси. Разве не испытывают многие из нас неловкость, применяя к явлениям древнерусского деревенского обмена термин торговля?

Что же дают в интересующем нас направлении археологические памятники?

Кажется, единственный в своем роде, многотерпеливый и тонкий, а по результатам, на наш взгляд, весьма плодотворный анализ этих материалов сделан Б. А. Рыбаковым. Мы имеем в виду его «Ремесло древней Руси» и большие статьи в «Истории культуры древней Руси».

Из рассмотренных им памятников мы остановимся на следующих трех группах: во-первых, на железных изделиях, во-вторых, на бронзовых и серебряных литых женских украшениях и, в-третьих, на овручских пряслицах из розового шифера. Анализом установлено, что подавляющая масса этих изделий производилась самой деревней, ею же и потреблялась.

Кузнецными изделиями, топорами, лемехами, серпами, косами, теслами, гвоздями, ножами, удилами, рыболовными крючками, рогатинами, ведерными дужками и т. п. древнерусская деревня снабжалась своими кузницами, расположенными друг от друга примерно на расстоянии 15—20 километров. Это подтверждается весьма тщательным изучением расположения древних домниц на территории бывш. Полоцкого княжества, где обычных спутниц каждой домницы, деревенских кузниц, существовало примерно 250. Многочисленные раскопки курганов

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. 1951 г., стр. 211.

² История культуры древней Руси, т. I. 1948 г., стр. 350.

подтверждают это и другими материалами. Вывод этот представляется настолько прочным, что нет никаких оснований не распространять эту плотность кузниц и на другие территории древней Руси, если иметь в виду повсеместное залегание болотных железных руд, о чём мы уже говорили выше.

Еще более примечательными по точности анализа являются литые женские украшения. Археологами собраны не только тысячи таких украшений, но и глиняные литьевые формы, в которых они изготавливались. При всей однотипности некоторых видов украшений, например, семилопастных височных колец, кропотливое сопоставление многих тысяч этих колец с литьевыми формами дало возможность Б. А. Рыбакову прийти к выводу, что они являлись продукцией не «какого-то крупного производственного центра», а многих «различных мастеров». Сфера влияния мастеров отнюдь не перекрещивались, но составляли маленькие замкнутые районы в 20—30 километров в поперечнике. Вещи, литые в одной литьевой форме (сделанные одним мастером), и расходились в таком ограниченном районе, кстати сказать, совпадающем обычно по величине с районом, обслуживаемым одной кузницей. Всего на территории семилопастных височных колец приходится около 200 маленьких замкнутых районов, имевших 200 литьевых мастерских. Размеры районов сбыта, указанные здесь для земли вятичей, проверены и для других земель (например, радиличей, дреговичей, северян). Основная масса женских украшений, к которым относятся рассмотренные височные кольца, изготавливалаась, таким образом, местными, деревенскими литьщиками¹.

Перед нами маленькие, в масштабе территории древней Руси просто крохотные, замкнутые мирки, в пределах которых осуществлялись деревенские обменные связи. Литые женские украшения от мастеров или мастериц, их изготавливших, поступали к потребительницам не в качестве даров и сувениров. Они, конечно, выменивались. Сыревая база кузнецких изделий ясна. Что касается бронзовых и серебряных украшений, то сырье для их производства тоже выменивалось, оно поступало извне.

Изделия третьей группы — шиферные пряслица — тоже продукция деревенских мастеров. В смердских домашних промыслах, именно в прядении, они играли не особенно важную роль, если иметь в виду, что существовала легкая возможность замены их глиняными пряслицами. Мы их взяли в поле нашего зрения по другим соображениям: шиферные пряслица изготавливались не повсеместно, а в мастерских нескольких поселков в районе Овручка, где имеются богатые и единственные в Восточной Европе залежи розового шифера. Однако расходились они в массовых масштабах по всей территории восточных славян. Археологи находят их и за этими пределами: в Камской Болгарии, в Польше, в Крыму.

¹ История культуры древней Руси, т. I. 1948 г., стр. 351—352.

Как они проникали в самые глухие уголки древней Руси?

Б. А. Рыбаков предполагает посредников. По его мнению, «такими посредниками являлись, по всей вероятности, мелкорозничные купцы типа позднейших коробейников»¹.

Слабому и незначительному по своим масштабам обмену в деревне противостоит оживленный обмен в древнерусских городских центрах. Показания письменных источников (летописец здесь, надо заметить, куда менее скрупулезен) и вещественные памятники рисуют нам прямо противоположную картину, отображающую шедший полным ходом процесс развития противоположности между городом и деревней.

Выше мы отмечали, что древнерусские города являлись непосредственным продуктом развития ремесла, отделявшегося от земледелия. «Ремесленники были основными поставщиками товаров на городской рынок»².

О перечне этих товаров лучше всего можно составить представление, если вспомнить приведенный выше список городских ремесленных профессий, разработанный Б. А. Рыбаковым. Их там насчитывается свыше 40.

Сбывая свои изделия, ремесленники предъявляли спрос на сырье для своего производства и на продукты личного потребления.

Городские торжища были, по летописным данным, заполнены и товарами сельского хозяйства и лесоречных промыслов.

Наконец, подавляющая часть товаров иноземного происхождения также составляла предмет главным образом городского торга.

Оживленные обменные связи в городах — свидетельство достаточно далеко зашедшего процесса общественного разделения труда, родового, видового и подвидового, вопрос о котором näm был освещен выше.

Как велики были связи обмена между городом и деревней?

«Появление на рынке продуктов питания,— пишет Б. А. Рыбаков,— говорит о том, что пригородные крестьянские (а может быть, и боярские) хозяйства втягиваются в товарные отношения...». Также в отношении ремесленной продукции можно установить связь деревни с городским рынком: в конце X века было обычным явлением, что, например, житель окрестного села Пидьбы вез в Новгород воз горшков на продажу. Более других ремесел связанное с земледелием гончарное ремесло являлось в данном случае представителем той же деревенской продукции. Участие крестьян в городской торговле чувствуется и в указаниях летописи на «мужи с колы», то есть с возами (если только это не возчики)³. Как велика была зона пригородных се-

¹ История культуры древней Руси, т. I, 1948 г., стр. 358.

² Там же, стр. 361.

³ Там же.

лений, втягивавшихся в городской торговый оборот, Б. А. Рыбаков охарактеризовать отказывается.

Подойдем к освещению поставленного вопроса с другой стороны. Как велико и далеко было проникновение городских изделий и чужеземных товаров в древнерусскую деревню?

Интересна в этом отношении попытка Б. А. Рыбакова «определить район сбыта продукции одного городского мастера, пользуясь тем же методом, который помог... уловить такие районы для деревенских литейщиков»¹. Результат резюмируется им так. «Часть городских изделий попадала (очевидно, в связи с дружиной) и на сельскую периферию. Для Смоленска можно указать диаметр района подобного сбыта в 400—450 километров. Для Киевского княжества (точнее центр производства не установлен) для некоторых вещей (например, ложнозерненные подвески) расстояние между крайними точками их распространения равняется 400 километрам. Киевские изделия, особенно литые кресты-складки, почти не попадали в села, а расходились преимущественно по окрестным городам (Васильков, Белгород, Городок, Канев, Вышгород, Переяславль и друг.). Здесь расстояние между крайними точками доходит до 150 километров... Нормальный район сбыта продукции ремесленников крупного города (150—400 км.) значительно превышал район сбыта их деревенских собратьев; очень часто естественные рамки этого района широко раздвигались за счет подвижности самих заказчиков и покупателей»².

Таким образом, более широкий район сбыта изделий городских ремесленников по сравнению с изделиями деревенских достигался отнюдь не за счет насыщения деревни этими городскими изделиями. Они расходились по соседним менее крупным городским поселениям. «В общей массе вещей, приобретавшихся смердами за пределами своего домашнего хозяйства, доля предметов, приобретенных у захожих купцов, была совершенно незначительной. Надо сказать также,— пишет далее Б. А. Рыбаков,— что заморские товары в деревню почти не проникали. За исключением арабских и западноевропейских монет и некоторых видов бус, нам здесь неизвестны вещи иноземного происхождения»³.

Для правильного понимания вопроса о масштабах и характере обменных связей между городом и деревней древней Руси исключительное значение имеет учет того факта, что какая-то часть продуктов труда или самого труда смерда и ремесленника изымалась светскими и духовными феодалами из деревни безэквивалентно, в форме даней, оброков, отработок, вир, продаж и проч. Это, несомненно, суживало рыночные возможности деревни, консервируя окутывавший ее натуральнохозяй-

¹ История культуры древней Руси, т. I, 1948 г., стр. 361.

² Там же, стр. 362.

³ Там же, стр. 361.

ственный мрак. Мы уже отмечали, что эти изъятия в одной части паразитически потреблялись, в другой служили орудием дальнейшего закабаления (запасы «тяжкого товара всякого») непосредственных производителей, в третьей превращались в товары, поступавшие от эксплуататоров на городские торжища, во внутреннюю и внешнюю торговлю.

Мысль Б. А. Рыбакова о том, что в городской торговый оборот вовлекалась лишь какая-то пригородная зона смердских селений, должна быть дополнена следующим соображением. В составе населения древнерусских городов наряду с ремесленным и торговым людом, светской и духовной феодальной знатью и их многочисленной челядью, включая и вооруженные силы, наряду с чужеземцами и другими пришлыми людьми заметной была и прослойка, занимавшаяся собственно сельским хозяйством. Она также поставляла на городские рынки продукты сельскохозяйственного производства и лесоречных промыслов.

2

Перейдем теперь к внешней торговле, с товарами которой мы уже встречались на городских торжищах. Первые письменные свидетельства и археологические данные о торговых связях восточного славянства с сопредельными народами и странами относятся ко временам, предшествующим образованию Руси, то есть еще к дорусскому периоду.

В IX—XII веках Русь ведет свою внешнюю торговлю по следующим основным направлениям: во-первых,— с Византией (южное), во-вторых,— с народами и странами Центральной и Западной Европы (западное и северо-западное) и, в-третьих,— с арабо-иранским миром (юго-восточное). Нам не избежать кратких реплик и о торговых связях с Камской Болгарией, северо-востоком и собственно степью.

Общеизвестно знаменитое изречение Святослава: «Хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина, и овощеве разноличные, из Чех же, и из Угорь сребро и комони, из Руси же скора, и воск, и мед и челядь».

Это положение сложилось не вдруг, не в последних десятилетиях X века. Многие поколения восточного славянства хорошо знали греческий мир. Сначала это были отношения чисто военные, постепенно они перерастали в военно-торговые. Такими именно мы и застаем их во времена древней Руси.

«В X в. было очень трудно отличить торговое путешествие русских купцов от грабительского набега; когда к византийскому берегу приближались русские ладьи, полные вооруженных купцов-дружинников, то было еще трудно сказать, что произойдет на берегу,— будут ли русы продавать челядь, пушнину и воск или они ограбят прибрежные села и вновь поднимут свои паруса из византийских паволок. Договор заключался обычно

лишь тогда, когда одна из сторон (русские или греки) была побеждена. Вооруженный характер торговых экспедиций в Византию объясняется своеобразием византийской торговой политики. Целый ряд местных греческих товаров (в том числе и ткани) был монополизирован императорским двором, который строго преследовал своих конкурентов. Кроме того, границы византийской империи были ограждены от вторжения иноземных купцов таможенной стеной. Высокие пошлины на все импортные товары являлись доходной статьей того же императорского двора. Поэтому договоры русских князей с греками старательно фиксируют все исключения из общих правил, делаемые для русских¹.

Силой своего оружия Русь на протяжении IX и X столетий поддерживала положение, при котором только русские купцы имели право беспошлинной торговли с Византией, «да творять куплю, якоже им надобе, не платяще мыта ни в чём же». Договорами предусматривались лишь следующие ограничения: руссы не имели права зимовать в Царьграде, внутрь городской стены они могли заходить только без оружия и в количестве не более 50 человек и не должны были приобретать павловок на сумму большую 50 златников. Лишь в самом конце X века русская исключительность была нарушена венецианцами.

Исследователи вопроса указывают, что в IX, X и даже еще в XI веках в качестве купцов, наряду с собственно торговыми людьми, непосредственно выступали и сами князья и их дружинники. В XII веке выделяются группы купцов, получивших наименование «гречников», подобно тому, как регенсбургские купцы, ведшие торговлю с Русью, носили название «рузариев». Охрана торговых караванов «гречников», направлявшихся или возвращавшихся через причерноморские степи, от печенежских и сменивших их половецких орд составляла постоянную заботу князей и их вооруженных сил. В основе этой «заботы» лежала, конечно, заинтересованность господствующего класса в сбыте прибавочного продукта на внешних рынках в обмен на чужеземные товары.

В южном направлении русские купцы проникали не только в причерноморские города, Царьград, Херсонес, Сурож, но и в восточную часть Средиземного моря, в Палестину, на Кипр и т. д.

Очень рано завязываются торговые отношения древней Руси с Центральной Европой и прибалтийскими странами. Раффельштеттенский таможенный устав Восточной Марки 905—906 гг. содержит указания на то, что еще в IX веке купцы-славяне вели торговлю в восточной части империи Каролингов рабами, воском и конями. В Центральную Европу вел в основном сухопутный путь из Киева через Краков в Моравию, Чехию и южную Германию. В прибалтийские страны вел в основном водный путь через Новгород и Полоцк. Скандинавские саги рано свиде-

¹ История культуры древней Руси, т. I. 1948 г., стр. 338.

тельствуют о таких поступавших из Руси товарах, как паволоки, серебряные сосуды и изделия и т. п. предметы роскоши.

До XI века в прибалтийской торговле ведущая роль принадлежала Киеву, а в XI—XIII веках она переходит к Новгороду. В XII веке готландские и немецкие купцы обзаводятся в Новгороде своими торговыми дворами, первые — с церковью св. Олафа, вторые — с церковью св. Петра. Имеются указания о существовании немецкого двора и в Смоленске. Соответственно и русские купцы основывают свои торговые дворы, например, в Висби на острове Готланд.

В торговых связях со странами Центральной Европы главная роль принадлежала Киеву, по-видимому, даже во времена явно наметившегося его заката. Отдельные, но весьма примечательные по степени возможных обобщений, штрихи об этих связях приводит Б. А. Рыбаков. «В 1089 году монах Маврикий получил в Киеве от князя (Всеволода Ярославича) на 100 фунтов серебра мехов и на нескольких повозках привез этот драгоценный товар в Регенсбург. На русские пожертвования был построен собор св. Петра¹. Мы уже упоминали выше об образовании особых групп немецких купцов — «рузариев», ведших торговые операции с Русью. Один из этих рузариев, регенсбургский купец Гартвиг, в 1178—1180 годах «проживавший в Киеве, перевел на монастырь св. Эммерама в Регенсбурге путем контокоррентных расчетов 18 фунтов серебра...»²

Вещественные памятники для XI—XIII веков указывают на торговые связи Руси и с польскими землями. Мы имеем в виду несколько тысяч найденных в Дрогичине свинцовых пломб, которыми опечатывались русские товары, вывозившиеся в Польшу. Характер изображений и значков на этих пломбах указывает на их приднепровское происхождение, на принадлежность их приднепровским князьям XI—XIII веков.

Восточнославянский мир стал известен арабскому Востоку еще в VII столетии, если не раньше. Это широко распространенное среди историков мнение в отношении Приднепровья недавно было поставлено под сомнение и объявлено ошибочным Г. Ф. Корзухиной³. Последняя не сочла возможным в этой своей книге обосновать свое утверждение, и мы, естественно, не можем пока с ним считаться.

В пределах рассматриваемого нами хронологического отрезка времени на IX—XI века падает наибольший размах русско-арабской торговли. В письменных свидетельствах и многочисленных нумизматических (диргемы) памятниках она представлена куда богаче, чем торговля других направлений. Арабские письменные источники содержат целую энциклопедию коммерческой географии своего времени. В них можно найти не только путевые за-

¹ История культуры древней Руси, т. I, 1948 г., стр. 342—343.

² Там же, стр. 343.

³ Г. Ф. Корзухина. Русские клады, 1954 г., стр. 34.

писки купцов, но и описания городов, особенностей быта, одежды, привычек, погребального ритуала и языка народов, с которыми они соприкасались, списки товаров, которыми велась торговля и т. п.

Главной водной артерией, связывавшей древнюю Русь с арабским Востоком, была Волга, носившая по одним источникам наименование Итиля, от главного города Хазарского каганата, расположенного в устье Волги, по-другому называвшаяся «рекой Сакалиба», то есть Славянской рекой. Северная и Северо-Восточная Русь вела торговлю с арабами по этой водной магистрали через Камскую Болгарию и Хазарию. Этим путем двигались на юго-восток новгородские, сузальские, ростовские, владимирские и рязанские купцы со своими товарами.

Для остальной Руси пути к арабам были сложнее. Киев, Чернигов и Смоленск осуществляли торговые связи либо через левые притоки Днепра волоком в бассейн Дона и далее волоком через район современного Волго-Донского канала на Волгу и в Итиль¹, либо через Румское (Черное) море в Славянское (Азовское) море и далее по Дону к упомянутому волоку на Волту.

Ибн-Хордадбех (середина IX века) и Ибн-Хаукалъ (X век) свидетельствуют, что русские купцы вели торговлю во многих пунктах Джурджана (Каспийское море), в Дербенте, на «Русском острове» в устье Куры, районе нынешнего Баку, и в Абезгуне, проникая в Закавказье в Бердаа, Рей и Тавриз и далее, даже в Багдад, что хорезмские купцы караванными путями посещали Итиль, города Камской Болгарии и Руси. В Хорезм в свою очередь проникали, по-видимому, и русские торговые люди.

Существует мнение, что «на север арабские купцы едва ли заходили особенно далеко; вероятнее, что они ограничивались посещением Итиля, Саркела, Керчи, Константинополя и лишь отчасти торговали в Киеве, Кракове и Праге. Из представителей юго-восточных купцов в Киеве были также евреи и армяне. Первые имели даже в Киеве особый квартал, примыкавший к воротам города (упоминается в начале XII века)². Наибольшую активность во внешнеторговых отношениях здесь проявляли, по-видимому, русские купцы.

Несколько замечаний о русской торговле с Камской Болгарией и с северо-востоком Восточной Европы, если к последнему направлению не очень неудобно применять термин торговля.

Мы видели выше, что волжский путь из Северной и Северо-Восточной Руси в Хазарию и далее в страны арабского Востока пролегал через Камскую Болгарию. Естественно поэтому предполагать торговые связи камских болгар не только с арабами, но и с Русью. Это находит подтверждение и в археологических

¹ Кудряшов, Половецкая степь, стр. 106.

² История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 337.

памятниках (упоминавшиеся нами выше шиферные пряслица, серебряные украшения с чернью работы владимирских мастеров и проч.) и в письменных источниках. В «Истории...» В. Н. Татищева, к сожалению, только в ней, приводится содержание двух русско-болгарских договоров, один из которых относится к 1006 году, другой — к 1229 году. «По первому договору устанавливались торговые отношения с Болгарией, подтверждаемые специальными печатями, заменявшими грамоты. Болгарским купцам, имевшим установленные печати, было разрешено торговать в городах, «а по селам не ездить, тиунам, вирникам, огневицине и смердине не продавать и от них не купить»¹. Вторым договором, заключенным владимирским князем Юрием Всеволодовичем, с болгарами устанавливался мир на 6 лет и предусматривалось «купцам ездить в обе стороны с товары невозбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно». В знак дружбы болгары подарили князю Юрию 30 насадов жита (так как на Руси был сильный голод), а Юрий отдал их сукном, золототканной парчей и «рыбым зубом»². Болгарских купцов можно было встретить и в Итиле и, по-видимому, не только с товарами собственного производства или добычи, но и русскими.

Проникновение древних руссов на северо-восток началось очень рано. Летописец фиксирует: «...еще мужи старии ходили за Югру и за Самояль...»³. В начале XII века новгородцы имеют уже постоянные погосты на реках Пинеге, Северной Двине, Ваге, по-видимому, и Печоре. Привлекала их туда главным образом пушнина, а в ненецких землях и «дорог рыбий зуб», моржовые клыки. Первоначально эти отношения носили характер обычновенного разбоя. С течением времени они перерастали в отношения обмена. «Новгородец Гюрята Рогович, посылавший свою дружину в Югру, сообщил летописцу, что на север от Югры, за непроходимыми пропастями и снегами есть народы, не знающие железа и выменивающие его на меха»⁴.

Несомненно, что какой-то, может быть, немалый, отрезок времени отношения разбоя сочетались с обменом. Последний ходом отношений вынуждался там, где нельзя было просто ограбить. «Несмотря на то, что Югра и Печора признавали себя данниками Новгорода, путешествия за пушниной были очень опасными: многие новгородцы платились жизнью во время далеких северных походов. Иногда убивали даже князей. У новгородцев были и конкуренты в этих краях. В IX—XI вв. в северо-восточные земли, названные Биармией, проникают с Запада отдельные отряды скандинавов — их удалось сравнительно быстро устранить. Более серьезными конкурентами были волжские болгары,

¹ История культуры древней Руси, т. I. 1948 г., стр. 340—341.

² Там же.

³ Ипатьевская летопись под 1114 годом.

⁴ История культуры древней Руси, том I. 1948 г., стр. 323.

торговавшие чуть ли не до самого «моря Сумрака», как называли восточные авторы Ледовитый океан¹.

Народы северо-востока по уровню своей производственной культуры стояли значительно ниже восточных славян. К рассматриваемой поре они завершали неолитическую эпоху, сами железо не добывали, железные изделия к ним проникали через русских и болгар. Это подтверждается не только письменными источниками, например, приведенными выше сообщениями новгородца Гюрги Роговича, но и вещественными памятниками, например, археологическими находками севернее Сухоны железных ножевых клинов сразу в таких количествах, которые указывают, что эти изделия составляли обменный фонд предпримчивого путешественника за пушниной.

Все исследователи, так или иначе касавшиеся рассматриваемого вопроса, единодушно указывают, что торговля с народами северо-востока носила характер непосредственной мены Т — Т, была нередко немой, так как «не разумет языку их», и часто велась так, что обменивающие не видели друг друга в лицо. Такой примитивный характер обмена и вызывает чувство неловкости, когда к нему применяется термин торговля.

Несколько слов об интересующих нас связях с печенежско-половецкой степью. Древнерусские письменные источники характеризуют отношения со степными кочевниками, как состояние непрерывного военного разбоя. НабегиnomадовнаРусь сопровождались страшным разорением многих сельских и городских населенных пунктов, истреблением и угоном в плен населения. В результате этих набегов многие местности, особенно южной Руси, порой на многие годы запустевали. По подсчетам исследователей, «в течение 180 лет половцы совершили 46 крупных нападений на русские города и селения, не считая множества мелких набегов. Следовательно, не реже чем каждый четвертый год, половцы жгли и грабили не только пограничные земли, но не раз появлялись под стенами и самого Киева»².

Русь вынуждена была строить специальные сооружения и предпринимать ответные походы в степь. Охрана торговых путей от «пакостей» степняков, греческого по Днепру на юг и Залозного на юго-восток по границе леса и степи, как мы отмечали, составляла постоянную заботу русских вооруженных сил. Русские, разумеется, не оставались в долгу и при удачных походах, «рассущясь стрелами по полю, помчаша красныя девки половецкая, а с ними злато и паволоки и драгия оксамиты. Ортымаи и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотом и грязивым местом и всякими узорочьи половецкими» («Слово о полку Игореве»). Еще более распространенными объектами

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 323.

² Г. Ф. Корзухина. Русские клады, 1954 г., стр. 41.

военной добычи были кони, крупный и мелкий рогатый скот, верблюды и т. п.¹.

На общем фоне отношений военного разбоя, взаимных «пакостей» и разрушения производительных сил неправильно было бы не видеть или игнорировать и другие отношения. К ним относятся не только династические связи, но и связи обмена в те относительно короткие промежутки времени, которые имели место между очередными крупными военными набегами.

Русские не только захватывали скот, но и выменивали его у степныхnomадов. «Есть несколько указаний,— пишет Б. А. Рыбаков,— на торговлю лошадьми, но русские выступают в ней то в качестве покупателей, то продавцов. Лучших быстроходных коней получали из Византии и из Венгрии. О Венгрии прямо говорит Святослав, а о Византии свидетельствуют как наименование быстрых коней греческим словом «фарь», «фарис», так и подарки князей, где в числе других даров упоминаются от цесарских земель «кони борзые». О вывозе коней из Руси не раз упоминается во французском эпосе, где русские кони выступают рядом со знаменитыми гасконскими, испанскими и венгерскими скакунами. Некоторые закупки коней производились, очевидно, у степных кочевников-коневодов, у печенегов и половцев. Русские купцы продавали коней немцам в Смоленске»².

Среди исследователей вопроса широко распространено мнение, что из Руси в степь шли пушнина, оружие (мечи), броня (кольчуги) и проч. На обменные связи со степью указывают и некоторые археологические данные. «В печенежскую и половецкую степи уходили и другие товары: в южнорусских городах (например, Каневе) были специальные мастерские, вырабатывавшие для половцев зеркала из светлой бронзы. В русских курганах и городищах зеркала никогда не встречаются; очевидно, эти мастерские работали специально на сбыт своей продукции кочевникам, у которых эти зеркала широко бытовали»³. Были, вероятно, и другие предметы обмена, которые ни письменные, ни вещественные памятники не улавливают.

Рассмотрим теперь вопрос о внешнеторговых связях древней Руси с точки зрения состава ввозимых и вывозимых товаров. Это нам поможет осветить ещё одну из сторон развивавшейся противоположности между городом и деревней.

Что, какие товары по преимуществу импортировала Русь из сопредельных с нею стран?

Главное место в древнерусском импорте занимали ткани, шелковые и шерстяные. Из Византии и стран Арабского халифата в IX-XI веках шелковые ткани поступали под общим наименованием «лаволок». В их составе были парча, виссон, пурпур, багрец. Особенно дорожили тканями с рисунком в «шесть

¹ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. 1948 г., стр. 330.

² История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 330.

³ Там же, стр. 326.

нитей», носившими название «дорогие оксамиты». В XI—XII вв. из Центральной Европы импортировались фризские и фламандские сукна и бархат.

До XII века важной статьей ввоза были стальные клинки для изготовления мечей и сабель. Они ввозились по преимуществу из Центральной Европы. Имеются указания (Казвини) и на импорт клинков из стран мусульманского Востока. Окончательная отделка не всех, но, по-видимому, значительной части их производилась на месте русскими мастерами (оформление рукояти, ножны и проч.).

Заметной статьей древнерусского импорта уже в рассматриваемое время были восточные пряности и всякого рода пищевые приправы, благовония и красящие вещества, а также лекарственные травы. Имеются указания на ввоз всякого рода «овощеви», то есть фруктов и виноградных вин из Византии.

О закупках лошадей в Венгрии и вообще скота у причерноморских кочевников мы уже упоминали выше.

Импортировала Русь благородные металлы (золото и серебро) и цветные металлы (медь, олово и свинец), а также до XI века изделия художественного ремесла (украшения с перегородчатой эмалью, бусы, стеклянные браслеты и друг.), церковную утварь из Византии, драгоценные камни и самоцветы с Востока.

Северо-Восточная Русь в неурожайные годы привозила хлеб из Камской Болгарии. В новгородские земли при неурожаях отмечается привоз зерна не только из других русских земель, но иногда и с Запада. Вообще продукты сельского хозяйства, в среде которых хлеб, представляют собой предметы спорадического, нерегулярного импорта. То же самое следует сказать и о скоте.

Что же, какие товары Русь экспорттировала по преимуществу?

Мы уже приводили выше слова Святослава: «...из Руси же скора, и воск, и мед и челядь». Другие письменные источники, в том числе и тех стран, куда направлялся русский экспорт, подтверждают слова князя. Еще в IX веке Ибн-Хордадбех в своей «Книге путей и государств» указывал, что из Славонии вывозятся дорогие меха и мечи. Аль-Мукааддаси (араб, X век) в своем подробном перечне товаров, которые шли из русских земель через Хазарский каганат в страны Юго-Востока, также на первом месте ставит скору, то есть меха пушных зверей; здесь же мы находим и воск (свечи), и мед, и славянских рабов. Примечательно, что этот автор, кроме названных товаров, включает в перечень также рыбий клей, моржовые клыки (дорогий рыбий зуб), кору тополя, бересту, юфть, мечи, стрелы и панцири (кольчуги). Нами уже приводились указания о вывозе льна, хотя невозможно с необходимой достоверностью установить: идет ли речь о льняном полотне, пряже или кудели.

В этот перечень Аль-Мукааддаси включил, по-видимому, не только товары, экспортавшиеся русскими купцами, но и

болгарскими. Моржовые клыки могли вывозить на Восток не только новгородцы, но и камские болгары. Аналогично и с некоторыми другими товарами. Мечи, о которых идет речь в перечне, были не только русского или болгарского производства, но и центральноевропейского. За последними на Востоке закрепилось наименование «франкских».

Что касается кольчуг, то многие исследователи склоняются к мнению об их русском происхождении, ибо Западная Европа до крестовых походов их не знала и не производила. Это, по-видимому, продукция русских ремесленных мастеров-бронников.

XI—XII столетия дополнили этот перечень целым рядом других изделий ремесленного производства, как-то: замки, бронзовые зеркала, прядица из розового шифера, овчины, выделанная кожа, ювелирные изделия, серебряные сосуды и т. п.

Таким образом, характеристику древнерусского импорта можно резюмировать так: его подавляющая часть представляет собой предметы роскоши, дорогие ткани, восточные пряности и благовония, церковная утварь, благородные и цветные металлы и оружие. В его составе мы не находим товаров производственного потребления, орудий производства или сырья для их изготовления. Нет и товаров, удовлетворявших личные потребности широких масс населения, производителей материальных благ, демиургов общественного продукта. Скот и хлеб относились к товарам нерегулярного импорта¹. Чужеземные товары, таким образом, потреблялись по преимуществу эксплуататорской верхушкой древнерусского феодального общества. Археологи точно фиксируют: «Никаких привозных заморских вещей мы в деревне не видим»².

Характеристику экспорта можно резюмировать следующим образом: в его составе главная роль принадлежит продуктам лесных промыслов (пушнина, воск и мед), челяди и ремесленным изделиям (мечи, кольчуги, замки и т. п.). Продукты лесных промыслов покидали непосредственных производителей в решающей части безэквивалентно, не в качестве товаров, чисто феодальными путями (дань, полюдье, натуральная рента), а на дальнем севере путями, не отличавшимися или мало чем отличавшимися от простого грабежа. Товарами они становились в руках феодальной верхушки, которая на первых порах непосредственно сама отправлялась с ними в заморские страны, а позднее продавала их на месте либо своим (например, гречникам), либо приезжим иноземным купцам. Купцы, скучающие скору и воск у непосредственных производителей,— явление не главное³. Наоборот, купцы, скучающие эти продукты у феодалов, особенно на втором этапе, стали типичной, повторяющейся фигурой.

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 327.

² Там же, стр. 326.

³ Там же.

Челядь, которую Б. А. Рыбаков в составе древнерусского вывоза с весьма убедительными, по нашему мнению, основаниями предлагает поставить на первое место¹, есть результат военного разбоя, захвата в полон. Пристрастие русских князей к этому виду военной добычи — общеизвестный факт². Долговое рабство хотя и имело место, однако, решающую часть этого экспортного товара давало, конечно, не оно.

Деревенское ремесло вряд ли что могло дать или у него вряд ли что феодальными путями или эквивалентно можно было получить для вывоза. Во всяком случае, очень мало, вроде, например, ножевых клинов, с которыми новгородцы отправлялись в экспедиции за пушниной к народам крайнего Севера. Изделия для экспорта по главным торговым направлениям давали по преимуществу, если не исключительно, вотчинное и посадское ремесла. В какой части эти изделия у непосредственных производителей отчуждались безэквивалентно и становились товарами в руках господствующей феодальной верхушки и в какой другой части отчуждались как товары, например, покупались у свободных ремесленников посада, мы, по понятным причинам, даже в пределах «больше», «меньше», ответить не можем.

Внешняя торговля древней Руси складывалась под сильным воздействием ряда крупных событий на международной арене. На первом этапе (IX — примерно середина XI ст.) среди них должны быть отмечены следующие два: во-первых, вторжение угров с Востока в Центральную Европу и, во-вторых, перехват норманнами средиземноморских торговых путей из стран Южной Европы в Византию и вообще в азиатские страны. Вторжение угров в Паннонию отрезало кратчайшие пути из империи Каролингов на Восток. Это усилило значение днепровского пути через Киев и славянские земли и волжского через Балтику.

В связи с этим развивается русская транзитная торговля. Русь играет роль основного посредника между Востоком и странами Центральной и Северной Европы, куда многие восточные и византийские товары пропикуют по преимуществу через посредство русских купцов. Любопытный след в этом отношении представляют собой паволоки. В европейских странах они носили название «русских» только потому, что они завозились туда русскими купцами. «В числе «русских» тканей называли даже специально византийские паволоки и зенденъ (зенден), относительно которого автор X века Наршахи дает точные сведения, что он производился в Бухаре в селении Зендене, откуда и про-

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 320—322.

² Этого рода явления летописец фиксирует даже в XII и XIII веках. Например, об Изяславе Мстиславиче, полонившем 7000 ч. в 1149 г., об Изяславе Давидовиче, взявшем в плен на Смоленшине более 10000 ч. в 1160 г., и т. п.

изошло название ткани¹. Восточные пряности в этот период попадают в Центральную Европу также главным образом через русских. К числу товаров транзитной торговли, но уже с Запада на Восток, относятся упоминавшиеся мечи францской работы.

На втором этапе (примерно от середины XI века до начала XIII) древнерусская внешняя торговля испытывает на себе влияние следующих международных событий. Под ударами турков-сельджуков пал ряд восточных государств арабского халифата. Прямым следствием этого было резкое сокращение торговых связей Руси с этими странами. Ранее интенсивный приток восточного монетного серебра из этих стран (диргемы), свидетельствовавший об активном для Руси торговом балансе, прекратился.

В средиземноморском бассейне активизируется торговая деятельность итальянских городов (Генуя, Венеция). Итальянские купцы устремляются на Ближний Восток и в Черное море, создают на его берегах свои торговые фактории, перехватывают традиционные торговые пути из Руси в Византию и другие страны Востока.

Одним из результатов крестовых походов было установление новых прямых торговых путей между Западом и Востоком, минуя днепровскую магистраль. Посредническая роль древней Руси (транзит) в торговле между Востоком и Западом и значение Киева во внешнеторговом обороте ослабевают. Ведущая роль в этих связях переходит к городам северной и северо-восточной Руси; Новгород и Псков, Смоленск и Полоцк развивают торговые отношения с Западом через Балтику; города Владимирской Руси по волжской речной магистрали ведут торговлю с Камской Болгарией и Закавказьем.

Ход развития товарного обмена, не только внутреннего, но и внешнего, не может быть правильно понят без учета некоторых событий и внутрирусского характера. Относительно единое государство Ярослава распадается. Феодальная раздробленность с ее многочисленными мытницами, поборами и откровенным разбоем местных феодалов хотя и не приостановила поступательный ход развития, тем не менее, несомненно оказала тормозящее влияние и на внутреннюю и на внешнюю торговлю древней Руси.

Таковы в самых основных чертах внутренние и внешние связи обмена, через посредство которых осуществлялось общественное разделение труда в древней Руси и международное разделение труда с сопредельными странами.

Предшествующую, шестую главу, в которой рассматривались вопросы общественного разделения труда, мы в конце не резюмировали. Разделённость отдельно от своей противоположности — связаннысти — такому резюмированию не поддается. Связи обмена мы рассмотрели только что, в настоящей

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 328.

главе. Разделенность и связанность мы можем резюмировать только объединенно; вместе, т. к. они представляют единство противоположностей. Разделение диалектически неумолимо предполагает связь, через нее оно только и может осуществляться или, как говорит Маркс, совершаться. Связь же предполагает разделение, обособление, как свою непременную предпосылку, без которой она просто бессмыслена.

Этому объединенному резюме шестой и седьмой глав посвящается следующая, восьмая.

ГЛАВА VIII

ПОКУПАТЕЛИ И ПРОДАВЦЫ

На чем должно быть сосредоточено наше внимание в этом резюме? В наиболее общей форме на этот вопрос можно ответить так: на собственниках, а в составе их на собственниках товаров, на товаровладельцах, обособленных друг от друга частной собственностью и системой общественного разделения труда и связанных друг с другом обменом, иными словами, на покупателях и продавцах.

Это позволит нам подойти к вопросу, какими эквивалентами обслуживалось, могло обслуживаться древнерусское обращение товаров.

Итак:

1. Самыми многочисленными и самыми мелкими собственниками, иными словами, хозяйствующими единицами в древнерусском обществе были семьи смердов-сирот. Из этой многочисленности, однако, не вытекала сколько-нибудь соответственная роль их в контингенте продавцов и покупателей. Наоборот, она была ничтожна. Смердская семья почти ничего не покупала, почти ничего не продавала. Это определялось не только в целом потребительским характером ее хозяйства, но и безэквивалентными феодальными изъятиями труда и продукта, сокращавшими ее возможности продавать, а следовательно, и покупать.

Почти ничего не продавала, почти ничего не покупала. Какова мера этого «почти»? Перечень предметов, поступавших в смердское хозяйство извне, очень невелик. Железные изделия (топор, сошник, серп, нож и проч.), соль, пряслица из розового шифера, литые женские украшения. Жгучую, безотлагательную необходимость представляли только первые. Будучи орудиями длительного пользования, они тщательно хранились, порой передавались из поколения в поколение, во всяком случае, служили годами. Необходимость возобновления их в результате износа, поломки или утраты могла превращать смерда в покупателя. Однако это не было массовым, типичным явлением.

Чаще такая необходимость делала его заказчиком, он шел к деревенскому кузнецу, к патриархальному ремесленнику. А это еще не товарное производство. В смысле отношений обмена, товарных отношений здесь все чрезвычайно эмбрионально.

Натуральная замкнутость и однородность производства этих собственников исключала сколько-нибудь заметные регулярные обменные связи между смердскими семьями. Чего-нибудь значительного для контингента продавцов и покупателей мы здесь не находим.

2. Самыми малочисленными и вместе с тем самыми крупными собственниками, иными словами, хозяйствующими единицами в древнерусском обществе были светские и духовные феодальные вотчины. Разделение труда внутри этих крупных хозяйств, как мы видели, совершалось отнюдь не обменными связями.

В основной характеристике это также натурально замкнутые хозяйства, производившие однородные не только по сравнению друг с другом, но и с массой смердских хозяйствующих единиц продукты главным образом сельского хозяйства и органически сплетенных с ним лесоречных промыслов. В отношении феодальной вотчины мы можем в известном смысле отметить, пожалуй, еще большую замкнутость, чем у смердской семьи. Смерд вынужден был обращаться с заказом к патриархальному ремесленнику, например, к кузнецу, а иногда даже отправляться на погост в рядки или на городской торг в качестве покупателя. Вотчинник находился в другом положении. Он был либо полным (рабское состояние), либо чаще неполным (состояние феодальной зависимости) собственником рабочей силы, в том числе и ремесленной.

Превращаться в покупателя или заказчика изделий деревенского ремесла у вотчинника, бесспорно, было меньше нужды, чем у смерда, уже феодально освоенного или свободного. Вообще для вотчинника было не типичным общаться со смердом и деревенским ремесленником в качестве покупателя. В этой роли он выступал главным образом по отношению к продавцам, чужеземным или своим, импортных товаров, перечень которых приводился выше, и в какой-то степени к свободным ремесленникам предградий и посадов, производившим редкие и дорогие украшения, оружие, одежду и проч.

Вотчинник-покупатель (князь, боярин или игумен) предполагает вотчинника-продавца. Вотчинник продавал ту часть сосредоточившегося в его руках прибавочного продукта, которая находила широкий сбыт на рынке, в первую очередь на внешнем.

При всей натуральнохозяйственной замкнутости феодальной вотчины как хозяйствующей единицы вотчинники дают нам первый заметный слой контингента древнерусских покупателей и продавцов, покупателей по преимуществу импортных

товаров, продавцов товаров экспортных, причем покупателей и продавцов крупных:

3. Следующий слой собственников древнерусского общества — это ремесленники посадов и предградий, продукт развивавшегося второго крупного общественного разделения труда. В массе это такие же мелкие собственники, как и деревенские семьи смердов, из среды которых они вышли. Как хозяйствующие единицы, они куда менее многочисленны, чем последние, но зато куда более многочисленны, чем феодальные вотчины.

На них лежит еще заметная пелена патриархальности, с работой на городской торг еще переплетается работа на заказ, но в общем и целом черты товаропроизводителя, как мы видели, явно преобладают. Это самый многочисленный слой, правда, мелких покупателей-продавцов. Они сбывают на торжищах свои изделия, покупают сырье материалы и орудия своего производства, средства личного потребления.

Их собратья — деревенские ремесленники, пожалуй, не менее многочисленны как хозяйствующие единицы и собственники. Однако в их облике преобладают черты не товаропроизводителя, а патриархального ремесленника, работающего по преимуществу на заказ. Как и семьи смердов-земледельцев, они что-либо заметное для контингента покупателей-продавцов не дают.

4. Наконец, знамение развивающегося третьего крупного общественного разделения труда — крупное купечество, средний и мелкий торговый люд. Они заполняли рынки древнерусских городов, странствовали наподобие позднейших коробейников с мелочными товарами, вроде прядиль из розового шифера, по погостам и деревням древней Руси, отправлялись в опасные и далекие заморские путешествия за дорогими чужестранными товарами. Отправлялись они и в не менее опасные экспедиции (новгородские торговые люди) на север и северо-восток за ценнейшими экспортными товарами, за пушниной по преимуществу.

На начальной стадии рассматриваемого хронологического отрезка, примерно в IX—X веках, не все, но значительная часть крупного русского купечества, совершившего внешнеторговые операции, сливалась с господствующей феодальной верхушкой. Позднее оно отпочковалось, образуя в некоторых случаях особые торговые гильдии, группы, вроде, например, гречников. Оно стало посредником между феодалами, у которых скапывало наиболее ценные и ходкие товары на вывоз, и внешними рынками, откуда оно поставляло им чужеземные товары.

Это, конечно, не самый многочисленный слой в составе древнерусских покупателей-продавцов, но, в силу выпавшей на его долю общественной функции, он совершал самое большое по сравнению с другими слоями контингента количество актов купли-продажи товаров.

Итак, смерд, патриархальный ремесленник деревни, феодал, купец-гость и ремесленник-товаропроизводитель посада. Это, так сказать, внутренние фигуры. Извне к ним необходимо добавить чужестранных купцов, наемных воинов, пилигримов и всякий другой пришлый люд в городах и посадах. Большая часть этих «извне» и продавала и покупала, другая, меньшая, только покупала. «Среди покупателей киевских ремесленных изделий были, например, и греческие купцы из Херсонеса, и чехи, и болгары, и немецкие купцы, и варяжские дружины, которые, отслужив свою службу, увозили вещи с собой в Швецию»¹.

В отношении первых двух фигур мы занимаем нерешительную, колеблющуюся позицию. Их, строго говоря, не следовало бы вообще включать в контингент древнерусских товаропроизводителей, следовательно, и продавцов-покупателей.

Ведь если исключить ту часть смердов, которые занимались сельским хозяйством и лесоречными промыслами в пригородных зонах и городах, то вся остальная масса смердства выступает, как самый плохой покупатель, а следовательно, и продавец. В части немногочисленных предметов, поступавших в его хозяйство извне, смерд по преимуществу заказчик у патриархального деревенского ремесленника, причем и заказчик ограниченный, редкий, ограниченный примитивностью своего производственного и потребительского обихода, рутинностью своей техники.

Как он оплачивал исполненный для него кузнецом, усмarem, гончаром и друг. заказ? Чем он рассчитывался с ними?

Вряд ли может быть поставлено под сомнение, что здесь господствовала натура, а не деньги. Зерно и мясо, рыба и мед, штуки скота и холст, сало и шерсть и т. д. и т. п. Часто обработка приносимого заказчиком сырья оплачивалась либо этим же сырьем, либо продукцией, например, испольная и издольная обработка овчин, кож, шерсти и т. п. Все это особенные эквиваленты, а не всеобщие и, тем более, не денежные. Никому, даже самому ярому стороннику версии древнерусских денег скота, не придет, конечно, в голову изъять из этого перечня штуки скота и объявить их не особенными, а денежными эквивалентами.

Мужская часть смердства знала дорогу в город в качестве воинов. Обстоятельства, хотя и очень редко, приводили смерда туда и в качестве продавца-покупателя. Воз хлеба или голову скота, связку пушнины или несколько кусков холста он доставлял на городское торжище с тем, чтобы их или непосредственно обменять или, продав, купить необходимые элементы своего производственного (например, тот же топор, нож, серп и проч.) или личного (например, соль) потребления. Какими

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 362.

эквивалентами обслуживались эти акты купли-продажи? Это уже определялось условиями не деревенского быта смерда, а городского торга.

Патриархальный деревенский ремесленник также относится к категории очень плохих покупателей-продавцов. Полученную им за исполнение заказа натуру он в основной, большей ее части потреблял в своем доме-хозяйстве, некоторую часть обращал на оплату заказов, исполненных для него другими ремесленниками, наконец, какую-то небольшую часть изредка продавал, для того чтобы приобрести недостающие ему элементы производственного (например, олово и медь для деревенского ювелирного дела) или личного (также соль) потребления, становясь, как и смерд-земледелец, в этих относительно редких случаях агентом товарного обращения. За какие эквиваленты отчуждал и приобретал? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно заглянуть на древнерусские городские торжища.

На них мы сталкиваемся с остальными фигурами намеченного выше контингента продавцов-покупателей. Это ремесленники-товаропроизводители, купцы-гости разных рангов и масштабов, феодальная знать тоже разных рангов, иноземные торговцы, наемные воины, смерды пригородных зон и друг. Все это покупатели и продавцы, которых нельзя аттестовать плохими. Здесь мы вступаем непосредственно в сферу обращения товаров.

За какой или какие эквиваленты ремесленный люд посадов и предградий древней Руси отчуждал свои изделия и приобретал вещи своего производственного и личного потребления?

Какими эквивалентами рассчитывались купцы-гости с феодалами и свободными ремесленниками за скупаемые у них непосредственно или на торгу товары для вывоза?

Чем рассчитывался пришлый извне люд за приобретаемые ими на Руси товары для вывоза и для личного потребления на месте?

Вся уйма этих и подобных им вопросов может быть сведена к одному: что выполняло на Руси IX—XII столетий в крупных, средних, мелких и мельчайших актах купли-продажи товаров, в кредитных сделках, при погашении долгов, при накоплении и т. д. и т. п. важнейшие функции денег, именно — функции меры стоимости, орудия обращения, средства платежа, наконец, сокровища?

Выше, в историографической справке мы видели, какой ответ на этот вопрос предлагает исследовательская и учебная литература, вплоть до учебников по истории СССР для средней школы. Для этой роли в древней Руси предлагаются либо одновременно и параллельно, либо в определенной исторической последовательности скот (бык и корова, лошадь и овца и проч.), меха пушных зверьков (куницы и соболя, горностая

и белки и проч.) и серебряные монеты. И мычащее, и шелестящее, и звенящее.

Наш современник, ученый, общепризнанный крупный и тонкий знаток древнерусских ремесел и торговли, в следующих выражениях дает нам представление о городской торговле Киева. «На городском торгу можно было купить одежду, шапку, сукно, обувь, оружие; здесь же, на береговом торжище, можно было обзавестись целой флотилией ладей. В тяжелые годы чумы или осны на торгах одного Киева продавали до 7000 гробов. «Русская Правда» и Киево-Печерский патерик очень живо изображают нам киевский торг. Здесь можно купить мясо, мед, соль, пшеницу, рожь, просо, овес, хмель, овощи, рыбу, молоко, печенный хлеб, сыр, масло... (На мычащие деньги? М. Л.). На торгу можно обзавестись скотиной и живностью; здесь продают коней, коров, овец, свиней, коз (на мычащие деньги? М. Л.), гусей, уток, кур; можно купить и сена для скота и дров для отопления жилища»¹.

Еще более колоритно Б. А. Рыбаков характеризует новгородский городской торг. «Если мы представим себе «богатого гостя Садко», который скупает все товары Великого Новгорода, то мы должны будем признать, что возможности у него были большие. Он мог на торгу попить меду, поесть пирогов (с деньгами на поводу? М. Л.), одеться в китайский шелк или во фризское сукно, он мог при желании купить сотни рабов, мог тут же на торгу одеть их, вооружить и посадить на коней или в лады. Больше того, тут же в Новгороде он мог купить участок земли, купить строительный лес, нанять за деньги «древоделей» и построить хоромы с крепким тыном, внутреннее убранство которых также в значительной степени могло быть куплено на торгу. Нечто подобное дает нам биография упоминавшегося выше Антония Римлянина, явившегося в Новгород без всякого груза (но, очевидно, с деньгами) и скоро построившего монастырь, купившего землю, обзаведшегося богатым хозяйством»². («Явившегося в Новгород без всякого груза» и, конечно, не со стадами денег. М. Л.).

Эти характеристики отнюдь не плод разыгравшейся фантазии автора. Они основаны на прямых показаниях и свидетельствах документальных данных.

Каждому непредубежденному человеку мы предлагаем попытаться вставить в эти характеристики быка и корову, лошадь и овцу в роли денежного эквивалента, в роли меры стоимости и орудия обращения. Какофония получится просто немыслимая, невозможная.

Несоответствие бесспорное.

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 361.

² Там же, стр. 363.

Таково наше резюме об обособленных друг от друга частной собственностью и общественным разделением труда и связанных друг с другом отношениями товарного обмена.

ГЛАВА IX

«ПРАВДА РУССКАЯ» И ЛЕТОПИСИ

Наша характеристика в предыдущих главах древнерусских производительных сил, производственных отношений, системы общественного разделения труда, связей товарного обмена, несмотря на краткость и сжатость изложения, становившегося порой тезисоподобным, была, в чем повинна обширность самой темы, достаточно утомительной. На этой почве она могла показаться уж очень далеко отстоящей от собственно предмета нашей работы, от критики версии денег-скота. А между тем, хотя и не с документами в руках о денежном счете и деньгах, не прямая, косвенная и скрытая, но тем не менее наиболее эффективная, убеждающая и сокрушающая критика версии дана в этой характеристике. В ней вскрыты грубое несоответствие и асинхронность мычащих денег всем основным фактам древнерусского общественного производства.

Нам предстоит теперь подвергнуть версию критике документами. Это необходимо сделать и потому, что большинство ее сторонников ищут «опоры» для своей точки зрения в показаниях и свидетельствах письменных источников.

Версия, как мы видели, имеет свое дореволюционное прошлое. Ее настоящее, наше советское время, как это ни удивительно, гораздо богаче числом сторонников. Мы не будем заниматься специально разбором и критикой аргументов буржуазных сторонников этой версии не потому, что они не заслуживают внимания или элементарно вежливого отношения к себе, а потому, что все эти аргументы и обоснования либо просто повторяются, либо развиваются нашими советскими историками и экономистами.

1

Итак, на что же опираются, чем обосновывают свою точку зрения сторонники версии?

Среди этих «опор» главное место приходится на долю показаний и свидетельств письменных источников, «Правды Русской» и летописей.

Статья 15 «Краткой Правды» является первой, в которой употребляется термин «скот». Вот ее текст: «Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнеть, то или ему на извод пред 12 человека; да аще будеть обида не вдал будеть достоино ему свои скот, а за обиду 3 гривне»¹.

¹ Правда Русская, том II, 1947 г., стр. 105.

Далее этот термин употребляется в ст. ст. 16 и 18 «Краткой Правды» и в ст. 37 «Пространной». Вот тексты этих статей.

Статья 16. «А чаше кто челядин пояти хощеть, познав своим к оному вести, у кого то будет купил, а тои ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего, то рчи третьему: вдаи ты мне, свои челядин, а ты своего скота иши при видоце»¹.

Статья 18. «А иже изломить копье, любо щит, любо порт, а начнет хотети его деръжати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломил, аще ли начнет приметати, то скотом ему заплатити, колько дал будеть на нем»².

Статья 47. «Оже кто скота взищеть. Аще кто взищеть кун на друзе, а он ся начнет запирати, то оже на нь выведеть послуси, то ти поидуть на роту, а он возьмет свои куны; зане же не дал ему кун за много лет, то платити ему за обиду 3 гривны»³.

Заметим, что в некоторых списках (например, в Троицком 1) слово «скота» в этой статье подчищено и другим почерком и чернилами исправлено на «кун».

Так выглядят эти статьи на древнерусском языке. Не почерпнем ли мы что-либо полезное из ознакомления с переводом интересующего нас термина на современный русский, немецкий и польский языки?

Эверс (1826) во всех четырех случаях переводит «скот» на немецкий язык «фи»⁴. Платонов (1835), переводя на современный ему русский язык статьи «Краткой Правды», следует за Эверсом, то есть передает этот термин также «скот», и лишь в статье 47 «Пространной» отступает, переводя «скот» термином «деньги»⁵. Гетц (1910—1912) переводит «скот» на немецкий в первых трех случаях как «Гельд», то есть деньги, в четвертом от перевода уклоняется⁶. Кафенгауз (1941) при переводе на русский язык в статьях «Краткой Правды» следует за Гетцем⁷. Раковецкий (1820—1822) от перевода этого термина в статье 47 «Пространной Правды» на польский язык⁸, а Болтин (1792)⁹ и Сторожев (1910)¹⁰ на русский уклоняются.

¹ Правда Русская, том II. 1947 г., стр. 110.

² Там же, стр. 117.

³ Там же, стр. 408.

⁴ Эверс. Das эльстестэ Рехт Рюссен у. з. в. 1826.

⁵ И. Платонов. Русский перевод названной работы Эверса, СПБ. 1835 г.

⁶ Гетц. Das russische Recht, B. I, 1910 г., B. II, 1911 г.

⁷ М. Н. Тихомиров. Книга для чтения по истории СССР, часть I. М., 1941 г.

⁸ Раковецкий. Правда Русская, I—II, 1820—1822 гг.

⁹ И. Болтин. Правда Русская или законы великих князей Ярослава и т. д., СПБ, 1792 г.

¹⁰ Сборник статей под редакцией В. Н. Сторожева. «Киевская Русь», М., 1910 г.

всобще опуская вступительную часть этой статьи. Так выглядит термин в оригинале и в переводах.

Мы нисколько не продвинулись вперед и должны признать, что наши приобретения из ознакомления с переводами просто ничтожны. В самом деле, из контекста приведенных статей непосредственно, так сказать, с хода, невозможно термин «скот» ассоциировать ясно и определенно ни с мычанием, ни с шелестом шкурок пушных зверьков, ни со звоном металлов.

То же самое надо сказать и о переводах. Какое содержание, какую материальную субстанцию видели за этим термином, например Гетц и Кафенгауз, переводя его, первый — немецким «Гельд», второй — русским «деньги»?

Ясности и определенности здесь нет. Единственное, что мы приобрели, это следующий вопрос. Почему в погашение долга (ст. 15 «Краткой» и ст. 47 «Пространной Правды»), за поврежденную вещь (ст. 18 «Краткой»), компенсацию затрат на приобретение украденного челядина (ст. 16 «Краткой») надо платить, получать или искать «скотом», а за обиду получать гривнами (ст. 15 «Краткой» и ст. 47 «Пространной Правды»)?

Известны еще восемь статей «Пространной Правды», где также употребляется термин «скот» во множественном числе и «скотина» в единственном. Вот тексты этих статей.

Статья 35. «Аже кто познаеть свое, что будеть погубил или украдено у него что и, или конь, или порт, или скотина, то не рци и: се мое, но поди на свод, кде есть взял; сведитеся, кто будеть виноват, на того татба снидеть, тогда он свое возьмет, а что погибло будеть с нимъ, то же ему начнеть платити; аще будеть коневый тать, выдати князю на поток; паки ли будеть клетный тать, то 3 гривны платити ему»¹.

Статья 37. «О татьбе. Паки ли будеть, что татебно купил в торгу, или конь, или порт, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника; аже начнеть не знати у кого купил, то ити по немъ тем видоком на роту, а истъю свое лицо взяти; а что с нимъ погибло, а того ему желети, а оному желети своих кун, зане не знаетъ у кого купив; познаеть ли на долзе у кого то купил, то свое куны возьметь, а сему платити, что у него будеть погибло, а князю продажю»².

Статья 38. «Аже познаеть кто челядь. Аще познаеть кто челядин свои украден, а поиметь и, то оному вести и по кунам до 3-го свода; пояти же челядина в челядин место, а оному дати лицо, ать идеть до конечняго свода, а то есть не скот, не лзе рчи: у кого есмъ купил, но по языку ити до конца; а кде будеть конечний тать, то оять воротять челядина, а свои

¹ Правда Русская, том II, 1947 г., стр. 368.

² Там же, стр. 378.

поиметь, и протор тому же платити, а князю продаже 12 гривен в челядине или украдше»¹.

Статья 41. «Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то же будетъ один, то платити ему 3 гривны и тридцать кун; будеть ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платитъ»².

Статья 42. «О татьбе же. Аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун; будеть ли их много, то всем по 60 кун»³.

Статья 45. «Паки ли лица не будетъ, а будеть былъ княжъ конь, то платити за нь 3 гривны, а за инех по две гривны. А се уроци скоту. Аже за кобылу 7⁴ кун, а за вол гривна, а за корову 40 кун, а за третьяку 30 кун, за лонощину пол гривны, за теля 5 кун, а за свинью 5 кун, а за порося ногата, за овцию 5 кун, за боран ногата, а за жеребецъ, аже не вседано на нь⁵, гривна кун, за жеребя 6 ногат, а за коровие молоко 6 ногат; то ти уроци смердом, оже платить князю продажу»⁶.

Статья 84. «А кто покощами конь порежеть или скотину, продаже 12 гривен, а пагубу господину урок платити»⁷.

Статья 99. «Аже будуть въ дому дети мали, а не джися будуть сами собой печаловати, а мати имъ пойдеть за мужъ, то кто имъ ближни будеть, тому же дати на руце и съ добыткомъ и съ домомъ, донеле же возмогутъ; а товар дати передъ людми; а что срезить товаромъ темъ ли пригостить, то то ему собе, а истыи товар воротить имъ, а прикупъ ему собе, зане кормилъ и печаловался ими; яже отъ челяди плодъ или отъ скота, то то все поимати лицемъ; что ли будеть растерялъ, то то все ему платити детемъ темъ; аче же и отчимъ приемть дети съ задницею, то тако же есть рядъ»⁸.

Между переводчиками термина «скот», «скотина» на русский, немецкий и польский языки в приведенных статьях царит полное единомыслие. Это понятно, ибо контексты, в которых встречается этот термин, совершенно ясно и определенно вызывают ассоциацию с чем-то, могущимъ мычать, блеять, хрюкать. Конь, портъ и скотина, челядинъ не скот бессловесный, скот в хлеве и в поле, расценки голов скота, порежет коня или скотину, от челяди плодъ или от скота — все это исключает возможность разнопонимания.

¹ Правда Русская, том II, 1947 г., стр. 381.

² Там же, стр. 390.

³ Там же.

⁴ В Синодальномъ, Новгородско-Софийскомъ, Археографическомъ II, Пушкинскомъ, Рогожскомъ I и Мясниковскомъ спискахъ везде 60. Все переводчики следуют этому.

⁵ В Пушкинскомъ списке это место передается такъ: «оже будеть вседано на нь».

⁶ Правда Русская, том II, 1948 г., стр. 396.

⁷ Там же, стр. 592.

⁸ Там же, стр. 659.

Из ознакомления с двенадцатью статьями «Правды Русской» и их переводами в интересующем нас отношении мы можем пока сделать следующий прочный вывод: перед нами явление омонимии. «Скот» в первых четырех приведенных нами статьях имеет другое смысловое значение, чем в восьми последних. Эта омонимия отнюдь не продукт действия фонетических законов древнерусского языка или заимствования иноязычного термина, фонетически совпавшего с термином древнерусским, тем менее она является продуктом заимствования обоих участников. Она результат исторический, продукт семантического развития самого термина, развития, которое привело сначала к надрыву, а затем ко все более углубляющемуся разрыву смысловых связей между его отдельными значениями, которые, вследствие изменений в условиях материального производства, заняли, может быть, не одно тысячелетие.

В каком же смысле термин «скот» употребляется в ст. ст. 15, 16 и 18 «Краткой» и в ст. 47 «Пространной Правды»? Обратимся к многочисленным комментаторам, от которых мы, естественно, вправе ожидать большего, чем от простых, скучных и лаконичных переводчиков.

Татищев указывает: «Скот, разумеется, деньги или серебро по достоинству: ибо в самой древности цену счисляли скотом, как ясно в библии видим, что Авраам купил землю, за сто овец платя серебром, и по сему довольно видно, какой сей закон стар»¹.

Очень распространенным является понимание термина в качестве долга или займа, платежа по нему, имея в виду, что в некоторых списках термин «проче» статьи 15 «Краткой Правды» передается как «кун» или «скота». Этого мнения придерживаются Владимирский-Буданов, Ланге, Сергеевич, Загоровский, Мрочек-Дроздовский, Гетц, Максименко, Струмилин и другие.

Удинцев и Струмилин продолжение сюжетной линии этой статьи резонно видят в мирной грамоте новгородцев с немцами 1195 года, где: «Оже емати скот варягу на русине, или русине на варязе, и ся его заприть; то 12 муж послухы идеть рота, возметь свое»².

Гетц и Мейчик считают, что статья 18 говорит о деньгах вообще, употребляя при этом старинное название их «скот»³.

Напомним начало статьи 47-й «Пространной Правды»: «Оже кто скота взищеть. Аще кто взищеть кун...» Здесь скот и куны выглядят как синонимы, что подтверждается отмеченной выше подчисткой и исправлением в 1-м Троицком списке «скота» на «кун». Нам здесь поэтому трудно воспользоваться

¹ Правда Русская, том II, 1948 г., стр. 105—106.

² Там же, стр. 107—109.

³ Там же, стр. 119—120.

комментариями, так как они относятся к «кунам», а не к «скоту», как термину. «Куны» все комментаторы единодушно понимают как «деньги».

Общий вывод может быть только таким. В ст. ст. 15, 16, и 18 «Краткой Правды» и в ст. 47 «Пространной» термин «скот» употреблен отнюдь не только в смысле такой ценности, как домашние животные. Это ценность вообще, всякие ценности, всякое имущество, свое, отданное в заем или пользование, причитающееся, эквивалент чего-либо, каких-либо затрат, убытков и т. п.

По нашему мнению, смысл «проче» в ст. 15 на современный язык переводится лучше всего «что-либо», а фраза «не вдал будеть достоину ему свои скот» означает «не возвратил в надлежащем виде и в срок ценности заимодавца».

Предписание ст. 16 третьему, купившему после ряда по-последовательных актов купли-продажи краденого челядина, а «ты своего скота иши при видоце» означает, что этот третий может свои убытки или затраты искать дальше при «видоце», то есть при свидете-очевидце, и нет абсолютно никаких оснований представлять себе, что эти убытки или затраты должны быть компенсированы непременно и только домашними животными.

То же самое надо сказать о ст. 18, где речь идет о компенсации за повреждение вещи, если собственник ее удерживает, либо об эквиваленте-стоимости вещи, если собственник от нее отказывается. Если за обиду истец должен получать гривнами (ст. 15), то какие основания считать, что за повреждение вещи он должен получать коровами и баранами?

О ст. 47 «Пространной Правды» мы уже говорили выше.

Таким образом, в рассмотренных четырех статьях «Правды Русской» сторонники версии древнерусских денег-скота не могут найти никаких опор для своей точки зрения. Всякие их ссылки на эти статьи бесплодны и неосновательны. Здесь термин «скот» означает эквивалент, деньги, долг, имущество, всякие ценности вообще, но не обязательно всегда и только в виде домашних животных. Мычание последних за многоголосым хором всех других ценностей расслышать просто невозможно. Короче говоря, «скот» здесь деньги, но не домашние животные.

На статьи 35, 37, 38, 41, 42, 45, 84 и 99 «Пространной Правды» сторонники версии обычно не ссылаются в силу совершенной определенности смысла этого термина, непосредственно вытекающего из контекста статей. Здесь скот — домашние животные, но не деньги, так же как не деньги порт (одежда), упоминаемая рядом со скотом, например, в ст. ст. 35 и 37.

чательный памятник древнерусского хозяйства, общества и права свою письменную форму получил на рубеже X и XI столетий, при Ярославе Мудром. Бесспорным также признаётся и то, что в нем записаны нормы обычного и государственного права, сложившиеся не вдруг, не в конце X и начале XI веков. Еще в первых договорах Руси с греками имеются ссылки на «закон русский».

Проходили столетия, в течение которых бирючи в устной форме возвещали эти нормы на торжищах и погостах, а народная память хранила и передавала их из поколения в поколение. Подавляющее большинство норм этого памятника бесспорно действовало и в X и в IX столетиях и раньше, предположительно даже в античные времена.

Нам этот документ еще нужен для критики версии.

Никто, не будучи предубежден, не может пройти мимо целого ряда других, помимо рассмотренных нами, статей этого памятника.

Вспомним приведенный выше текст статьи 45 «Пространной» в связи с текстом статьи 28 «Краткой Правды», должно признаваемой еще более древней. Вот текст этой последней: «А за княжь конь, иже тои с пятном, 3 гривне, а смердес 2 гривне, за кобылу 60 резан, а за вол гривну, а за корову 40 резан, а третьяк 15 кун, а за лоньшину пол гривне, а за теля 5 резан, за яря ногата, за боран ногата»¹. По своему содержанию эта статья в основном тождественна статье 45. Последняя лишь подробнее своим перечнем.

Что же такое 3 гривне, 2 гривне, 60 резан, гривна, 40 резан, 15 кун и т. д.?

Переводчики:

Болтин: «...се суть цены...»

Платонов: «Сии цены постановляются...»

Сторожев: «Вот урочные цены, которые взыскиваются...»

Комментаторы:

Рейц: «При решении о краже было правилом, что украденная вещь возвращалась хозяину натурай; если же она погибла, то платилась цена её, поставленная законом «паки ли лица не будет, а будет был княжь конь, то платити за нь 3 гривны» и за сим следуют определенные законом цены вещей».

Ланге: «Вопрос, как поступали, когда поличного не отыскивалось, разрешается предшествующим: «паки ли лица не будет, то платити» (ст. 45) и «вслед за тем определена самая плата, сначала за коней, а потом в статье под названием: «а се уроци скоту» за других животных». Соображая цены за четвероногих животных в ст. 45, Ланге находил, что «ценность их определялась не по каким-нибудь достоинствам породы, а

¹ Правда Русская, том II, 1948 г., стр. 185.

просто: 1) полом животного; 2) его возрастом и 3) иногда принадлежностью его тому или другому лицу. В первом отношении самки сначала ценились ниже или наравне с самцами, а впоследствии всегда выше их. Впрочем, пол принимался во внимание при определении цены лошадей и крупного рогатого скота, но вовсе не был принят во внимание при оценке овец и коз. Отличали четыре возраста: 1) больший трехгодичного; 2) трехгодичный; 3) двухгодичный и 4) меньший последнего. Соответственно этим возрастам назначались и цены: животные, имевшие более трех лет, ценились дороже, чем трехлетние; трехлетние, в свою очередь, дороже двухлетних; и, наконец, последние стоили более животных меньшего возраста».

Н. Дювернуа: «В позднейших редакциях (Р. Пр.) расчеты, сделанные для руководства суда в решениях, все более и более принимают в себя элементов, приближающих грубые оценочные цифры к действительному материальному вреду, который терпит лицо...» В старой редакции показана цена скота, в новой оценивается и фруктус (коровье молоко, ст. 45)... Все это признаки более совершенного приема расчетов».

Карамзин: «...здесь установлена цена в пользу хозяина украденных вещей...»

Максимейко: «...установленная такса цен...»

Леонтович: «...о плате за лошадей и скот (ст. 45 «Пр. Пр.»)» (Разрядка везде наша. М. Л.)!.

Итак, это несомненно цены. Это стоимости, выраженные в деньгах, в денежной форме. Только таким может быть ответ на поставленный выше вопрос. Никто из историков, соприкасавшихся с этим, не дает иного ответа. Сможет ли проф. Ф. Я. Полянский, наш современник, сторонник версии древнерусских денег-скота, предложить какой-либо другой ответ?

Это стоимости домашних животных, выраженные в деньгах. В каких деньгах, если иметь в виду их материальную вещественность?

Конечно, не в домашних животных, не в скоте, а в чем-то, по своей натуральной форме ничего общего не имеющем с домашними животными, ибо никакой товар, в том числе и денежный, не может выразить свою стоимость в самом себе. Для этого необходимо отношение к какому-то другому товару. Здесь везде домашние животные находятся в относительной форме стоимости, а не в эквивалентной. Каждому экономисту известно, что денежный товар, имея стоимость, не имеет, однако, цены. Если бы скот (бык или корова) играл на Руси роль всеобщего эквивалента, денег, он не имел бы цены, то есть денежного выражения своей стоимости.

¹ И переводчики, и комментаторы, Правда Русская, том II, 1948 г., стр. 396—403.

А как выглядят цены других вещей, кроме домашних животных, кроме скота? «Правда Русская» дает в этом отношении немало примеров.

Вот, например, статья 35 «Краткой Правды». «А оже лодью украдеть, то за лодью платити 30 резан, а продажи 60 резан»¹. Богдановский следующим образом комментирует эту статью: «Здесь, очевидно, 30 резан платится за украденные вещи, как цена их, а 60 резан за самое незаконное действие, за обиду, причиненную хозяину. Но кому идет эта продажа — князю ли, как это имеет место в позднейшей Правде во всех случаях воровства, или истцу, хозяину украденного,— это определить с точностью нельзя»².

Статья 79 «Пространной Правды» тождественна по содержанию статье 35 «Краткой», она лишь развивает и совершенствует последнюю. Вот её текст: «Аже лодью украдеть, то 60 кун продаже, а лодию лицемь воротити; а морскую лодью 3 гривны, а за набоинную лодью 2 гривны, за чели 20 кун, а за струг гривна»³. Почему же цена струга здесь выражена гривной, а не волом, имея в виду, что цена последнего и по 28 статье «Краткой» и по 45 статье «Пространной Правды» составляла также гривну?

Ответ совершенно ясен. Потому, что скот на Руси не играл роль денег.

Почему в других статьях «Правды Русской» (76, 80, 81, 82, 96 и пр.) цены вещей выражены в гривнах, кунах, резанах, ногатах, а не в головах домашнего скота? Почему, например, помимо 9-кунной продажи (штрафа) за совершенное правонарушение, вор обязан был уплатить владельцу (ст. 82 «Пространной Правды») цену похищенных сена или дров из расчета по 2 ногаты за воз, а не по два барана, имея в виду, что и по 28 ст. «Краткой» и по 45 ст. «Пространной Правды» цена барана составляла одну ногату?

По той же причине.

Почему, далее, во всей «Правде Русской» не только цены, но и продажи (штрафы) выражены не в головах скота?

По той же причине.

Эти «почему» с тем же ответом на них мы могли бы продолжить и дальше.

3

Приведем теперь одну очень интересную и многозначительную параллель.

В статьях 98—100 Монгольско-Калмыцкого Устава зафиксировано: «Ежели кто отдерет на шапке кисть или выдерет с головы его косу и за то с того человека взять пять скотин, а

¹ Правда Русская, том II. 1948 г., стр. 208.

² Там же.

³ Там же, стр. 577.

за выдранье бороды и уса — лошадь и барана, а буде кто знатному человеку в лицо плюнет или земли бросит, или лошадь, на которой он будет сидеть, по голове ударит плетью, или его с лошади за полу потянет, и за то с такого человека взять одну лошадь»¹.

Мы не будем касаться вопроса о социальном смысле таких установлений, известных многим народам на очень ранних этапах их развития. В классовых обществах он понятен. Знала такие установления и древняя Русь. Они содержатся в «Правде Русской». В «Краткой Правде» им посвящены ст. ст. 3—5, 7—10 и 12, в «Пространной» — ст. ст. 23—25, 27—33, 65, 67 и 68. Мы приведем здесь не все эти статьи, а лишь некоторые из них.

Статья 7 «Краткой Правды»: «Аще ли перст утнеть кото-ры любо, 3 гривны за обиду»².

Статья 8: «А во усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне»³.

Статья 12: «Аще кто поедеть на чюжем коне, не прошав его, то положити 3 гривне»⁴.

Статья 65 «Пространной Правды»: «А се аже холоп ударить. А се аже холоп ударить свободна мужа, а убежит в хором, а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен»⁵.

Статья 67: «О бороде. А кто порвть бороду, а въньметь знамение, а вылезутъ людие, то 12 гривен продаже...»⁶.

Статья 68: «О зубе. Аже выбьютъ зуб, а кровь видять у него во рте, а людье вылезутъ, то 12 гривен продаже, а за зуб гривна»⁷.

Это простое сопоставление необычайно богато своим содержанием. Дело здесь, разумеется, не в том, что выдранная русская борода обидчику обходилась в шесть раз дороже калмыцкой, хотя и это само по себе дает материал для размышлений и суждений. Дело в том, что за различием этих юридических норм и форм кроется глубокое различие в производственном обиходе русских славян и монголо-калмыков, в степени развития их производительных сил, «наиболее подвижного и революционного элемента» производства, в уровне производительной силы труда.

Нет сомнения в том, что если бы русские славяне IX—XII столетий были пастушеским, кочевым народом, то юридические санкции в их устном и писаном праве приняли бы такой же облик, как и у калмыков. Сторонникам версии древнерусских

¹ Правда Русская, том II, 1948, стр. 343.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 78.

⁴ Там же, стр. 95.

⁵ Там же, стр. 535.

⁶ Там же, стр. 544.

⁷ Там же, стр. 547.

денег-скота приходится либо пожалеть об отсутствии у них такого солидного и сокрушительного ресурса, как пастушество руссов, либо прибегать к изобретению примерно такого ресурса оригинальным по своей необоснованности утверждением, что в древней Руси земледелие, отрицать которое в качестве сердцевины производства теперь просто неудобно, сочеталось с пастушеским образом жизни, что Русь была не только земледельческой, но и скотоводческой страной. Речь о такой «аргументации» у нас пойдет ниже.

Так обстоит с «Правдой Русской». Сторонники рассматриваемой версии не могут в ней найти хотя бы видимость опоры для своей точки зрения. Этот документ целиком и решительно против них.

4

Обратимся теперь к летописям. Как и «Правда Русская», летописные тексты также знают употребление термина «скот», как в его первичном смысле (домашние животные, бык, корова, овца и проч.), так и вторичном (имущество, богатство, ценности вообще, эквивалент, деньги, материальный интерес, долг, возмещение).

По этому поводу В. В. Святловский пишет: «...желая различить два понятия: скот, как деньги, и скот, как животные,— в старину в последнем случае прибавляли пояснение «животный». Так, например, в «Шестодневе» говорится: «орли или врани, или ноута или кони и прокы и скот живой в сей жив жизни умерет на погибель идет»¹. Наши наблюдениями это не подтверждается. III слово «Шестоднева»²— единственное место, где скот употребляется в сопровождении такого эпитета, и поэтому сколько-нибудь широкому обобщению не поддается, вернее, вообще не поддается никакому обобщению, так как служит примером только для себя самого.

Бессспорно одно. Оба указанные смысла этого термина различались, причем различались непосредственно контекстом самой устной или письменной речи.

Нам нет никакой нужды воспроизводить здесь все летописные тексты, в которых имеет место употребление термина «скот» и производных от него, вроде пресловутых «скотника», «скотницы» и «скотолюбия», фигурирующих обычно в арсенале аргументов сторонников версии. Разбор и оценка всех таких текстов и критика их толкования и понимания защитниками версии неизбежно вызвали бы ненужные повторения.

Остановимся поэтому на текстах наиболее типичных и имеющих наибольшую оборачиваемость в литературе вопроса.

¹ В. В. Святловский. Происхождение денег и денежных знаков, 1923 г., стр. 64—65.

² Шестоднев, слово III. В «Чтениях Московского общества Истории и Древностей Российских», 1879 г., книга III, глава 70, стр. 30.

Под 1018 годом летописец сообщає, что Ярослав, потерпев поражение от соединенных сил Святополка и Болеслава, «прибеже Новугородоу и хотяше бежати за море. И посадник Костянтин, сын Добрынин, рассекоша лодие Ярославли, ркоюще: «Хощем ся бити по тебе с Болеславом и Святополком!» И нача скот собирати: от моужа по четыре коуны и от старости по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И приведоша Варяг и вдаша им скот»¹.

В «Поучении» Владимира Мономаха указывается: «и миро в есмь заключил половечских князь без одного двадцать, а при отци и без отца, а дая много скота и много порты свое»².

Лаврентьевская летопись о том же князе повествует, что он «дая скота много», то есть тратил большие средства³.

Здесь термин «скот» употреблен уже в знакомом нам вторичном своем смысле, с которым мы встречались в статьях 15, 16 и 18 «Краткой» и в статье 47 «Пространной Правды».

Как же понимают или, попав в терминологический капкан, хотят и стараются толковать эти тексты сторонники версии древнерусских денег-скота?

Академик И. А. Трахтенберг, утверждающий, что «о том, что в древней Руси скот служил деньгами, не может быть сомнения»⁴, комментирует первый из приведенных текстов, как мы видели выше, следующим образом: «Очевидно, эти куны и гривны представлялись в виде скота...»⁵.

Так ли уж это «очевидно»? Действительно ли «не может быть сомнения»?

И зачем посаднику Константину, сыну Добрынину, понадобилось такое противоестественное усложнение: делать сбор быками, коровами и баранами, а нормы этого сбора исчислять кунаами и гривнами?⁶

Если это было понятно самому посаднику, то могло ли это быть понято массой мужей, старост и бояр?

Не естественнее ли было бы летописцу, если роль денег принадлежала скоту, записать этот текст примерно так: «И нача собирати скот: от моужа по одной овце или барану, от старости по 10 коров, а от бояр по 18 волов или быков. И приведо-

¹ Полное собрание русских летописей, издаваемое археографической комиссией, том XXIV, 1921 г., стр. 21.

² Процитировано по только что названной работе В. В. Святловского, стр. 64.

³ Там же.

⁴ И. А. Трахтенберг. Бумажные деньги, 1922 г., стр. 57.

⁵ Там же, стр. 58.

⁶ Речь о том, почему у некоторых народов разного рода платежи исчислялись в металлических деньгах, а практически вносились другими ценностями, например, скотом, оружием, одеждой, зерном и проч., и можно ли на этом основании рассматривать эти ценности в качестве денег, пойдет ниже.

ша Варяг и вдаша им скот». Ясно, почему запись не сделана так. Домашние животные не играли роли денег.

Далее. Что же эти наемные воины делали бы с полученными быками, коровами и баранами? Отдавали бы их в нагул, что ли, с тем, чтобы после благополучного возвращения из похода на Киев переправить через бурную Балтику к себе на родину?

Кочевое скотоводство, как известно, требует больших степных пространств. Могла ли Новгородская земля тогда, девятьсот с лишним лет назад, и сейчас, после значительной вырубки лесов, похвальиться такими степными пространствами?

Член-корреспондент Академии наук СССР Ф. И. Михалевский, как мы отмечали выше, тоже считал общеизвестным фактом, что скот на Руси выполнял роль денег¹.

Как согласовать эти выводы и утверждения, сделанные в духе «очевидности», «несомненности» и «общеизвестности», с Лаврентьевской летописью, где в рассматриваемом тексте после слов: «и вдаша им скот» следует: «по гривне на щит серебра»?²

«Очевидность», «несомненность» и «общеизвестность» представляют собой, таким образом, сплошное недоразумение.

На вооружении сторонников рассматриваемой версии находится не только самый термин «скот», но и все от него производные: «скотница» — хранилище всякого рода княжеских и государственных ценностей, затем «скотник» — которого на современном нам языке мы бы назвали министром финансов, по Далю, поможник, земский большак из бояр, выше старости, ниже тысяцкого³, наконец, «скотолюбие» в смысле стяжательства, сребролюбия, одного из человеческих пороков.

Летописец под 996 годом повествует, что князь Владимир повелел всякому нищему и убогому «приходить на двор княжий и взимати всяку потребу питье и яденье, а от скотниц — кунами»⁴.

Митрополит Никифор в своем послании Владимиру Мономаху писал: «Но скотница твоя по божьей благодати неоскудана есть, неистощима,— раздаваема и не оскудеема»⁵.

Наряду с термином «скот» и эти производные от него дружно рассматриваются как неопровергимый аргумент или, во всяком случае, дополнительный ресурс версии. «В летописях, относящихся к последней четверти X века,— пишет профессор В. В. Иконников,— казначей Владимира, князя Киевского, именуется «скотником», а княжеская казна — «скотницей».

¹ Ф. И. Михалевский. Очерки по истории денег и денежного обращения, том I. Деньги в феодальном хозяйстве, 1948 г., стр. 14.

² Цитируется по В. В. Святловскому. Происхождение денег и денежных знаков, 1923 г., стр. 64.

³ В. Даль. Толковый словарь, т. 4, 1935 г., стр. 212.

⁴ Цитируется по В. В. Святловскому, стр. 65.

⁵ Там же.

Являясь орудием обмена, скот служил в то же время и средством платежа при взимании дани и других повинностей, а также при долговых исках и спорах¹.

А как же быть с указаниями приведенного текста 996 года, что от скотниц не баранами или коровами, а кунами? Ведь нельзя же, в самом деле, всерьез браться за заведомо безнадежное дело доказывать, что кунами на Руси назывались бараны?²

И как можно, не делая явных натяжек, термин «скотолюбие» в смысле стяжательства понимать как стремление к приобретению и накоплению только домашних животных? Разве древняя Русь не имела более портативных, надежных и удобных форм сокровища? Имела, как мы увидим в следующей главе.

Такое же скольжение по поверхности терминов мы наблюдали выше, когда в историографической справке говорили об учебниках по общей истории для высших учебных заведений. «Первоначально функции денег исполняли скот, потом меха, как это видно из названий «скот» и «куны» (деньги)³. (Разрядка наша. М. Л.).

Это пишется, между прочим, в главе, посвященной периоду феодальной раздробленности на Руси.

Учебникам для вузов, естественно, вторят учебники для средней школы. Каждый наш школьник в главе IV учебника по «Истории СССР» для 8 класса средней школы, носящей наименование «Распад Киевского государства» в параграфе 13, которому предшествует в предыдущей главе параграф 12 «Расцвет Киевской Руси», читает и заучивает: «Первоначально единицами обмена служили меха и скот. Поэтому в старину деньги носили название «скот» и «куны» (куны меха)⁴.

Не избежал терминологического пленения и проф. Брегель. Правильно характеризуя скот, как деньги первобытного общества, он в подкрепление этого вдруг ссылается на гомеровскую Грецию. Он пишет: «В «Илиаде» Гомера скот неоднократно упоминается в качестве всеобщего эквивалента. Например, медное оружие Диомеда оценивается в 9 быков, а золотые доспехи Главка — в 100 быков, искусная рабыня — в 4 быка, медный треножник — в 12 быков и т. д.»⁵. А между тем «быками» здесь называются не мычащие животные, а металлические монеты⁶. Здесь также име-

¹ «Денежное обращение и кредит СССР». Авторский коллектив под руководством проф. В. В. Иконникова, 1939 г., стр. 3.

² История СССР, том I, 1947 г., стр. 99.

³ История СССР. Учебник для 8 класса средней школы, изд. 13, 1954 г., стр. 52.

⁴ Э. Я. Брегель. Денежное обращение и кредит капиталистических стран, 1955 г., стр. 9.

⁵ З. С. Каценеленбаум. Учение о деньгах и кредите, ч. I, 1926 г., изд. 3, стр. 155.

ло место явление омонимии, речевого реликта от времен более глубокой древности, чем Греция Гомера, чего не замечает автор.

Среди сторонников рассматриваемой версии трудно найти таких, которые в обоснование и подкрепление своей точки зрения не привлекали бы следующие соображения. Известно, что еще в глубочайшей древности у многих народов с характером большой закономерности в их речевом обиходе сложилось положение, при котором один и тот же термин служил для обозначения и домашних животных и всеобщего эквивалента, денег. Так, по-санскритски для этого служили термины рупа и руния; по древнееврейски — кессепф; по латыни — пекус и пекуния; то же самое и в древнегерманских наречиях; ту же самую омонимию мы видели и у нас в древнерусском языке¹.

Все это верно и бесспорно. Причины, породившие эти омонимические явления, надо искать в тех изменениях в материальном производстве, которые имели место исторически вскоре после первого крупного общественного разделения труда.

Насколько нам известно, никому еще среди наших и зарубежных историков и экономистов не приходило в голову, на том основании, что понятие денег по латыни передается термином «пекуния», происходящим от «пекус», то есть скот, утверждать, что в древнем Риме роль денег выполняли домашние животные. Общеизвестно, что роль денежного товара в античном Риме играла медь.

Почему же, спрашивается, мы охотно идем на такие умозаключения по отношению к древней Руси? Почему, только на том основании, что в древнерусском языке термин скот означал и домашних животных и всеобщий эквивалент, деньги, мы так дружно, дружнее, чем это делали наши дворянские и буржуазные историки и экономисты, утверждаем, что роль денег в древней Руси выполняли домашние животные?

Можно ли на все эти неизбежно возникающие вопросы дать хоть сколько-нибудь удовлетворительный для рассматриваемой версии ответ? Конечно, невозможно.

«Правда Русская» и летописи не подтверждают, а опровергают ее. От «очевидности», «несомненности» и «общезвестности», являющихся продуктом скольжения по поверхности речевых форм, не остается, таким образом, и следа.

5

Были ли в нашей исторической науке методологические предостережения против болезни скольжения, против тех многочисленных терминологических капканов, которые расставлены прихотливыми законами человеческой речи на пути исследователя-историка или экономиста?

¹ Подробнее у В. В. Святловского. Примитивно-торговое государство как форма быта. СПб, 1914 г., стр. 37.

Были.

Причем были со стороны авторитетнейшего и крупнейшего представителя советской исторической науки. Мы имеем в виду ныне покойного академика Б. Д. Грекова. Он указывал: «Термины часто переживают свое первичное содержание, и их приспособляют к условиям, совершенно непохожим на обстановку, их породившую. Поэтому необходимо в изучении подлинных явлений жизни идти не от терминов к выяснению фактов, а самую терминологию объяснять условиями, ее создавшими»¹. (Разрядка наша. М. Л.) Важность этого указания мастера исторического анализа переоценить невозможно.

Для подавляющей массы наших дворянских и буржуазных историков был как раз типичен и обычен путь следования от терминов к выяснению фактов. Это касается не только вопросов, интересующих нас непосредственно. Мы могли бы привести очень много примеров. Общеизвестны, например, попытки ряда буржуазных историков трактовать сущность древнерусского закупаймита как наемного рабочего, со всеми вытекающими отсюда выводами, вступавшими в кричащее противоречие с характером производственных отношений в древнерусском обществе, с характером его хозяйства, как глубоко натурального.

В интересующей нас области по такому пути, столь же легкому, сколь и порочному, следовали очень многие дареволюционные историки и исследователи в отношении терминов «скот» и с особым усердием в отношении «кун». К сожалению, мы не уступаем им, а даже превосходим по интересующему нас вопросу. Мы видели выше, как легко на этом пути даются решения, вроде: Ногата? Значит, шкурка пушного зверька с ногами или ногтями.

Если язык, слова, термины есть форма, речевая форма, то у этих исследователей получается какой-то своеобразный приоритет формы над содержанием, а сам процесс исследования превращается в скольжение по поверхности этих речевых форм. При этом, само собой понятно, игнорировалось то, что в процессе развития языка происходит не только отмирание одних речевых форм и нарождение других, новых, но и то, что старые речевые формы языка в огромной степени утилизирует, приспособливает к новой обстановке, наполняет их новым содержанием, придает им новое смысловое значение² в соответствии с более быстро, чем сам язык, меняющимися материальными условиями жизни общества.

Этот путь, однако, столь же легок, сколько и опасен. Исследователь, попавший в плен терминов той далекой эпохи, которую он по письменным источникам изучает в каком-либо отношении, и располагая обычно совсем нетрудными возможностями отыскать в современной ему речи созвучных этим терминам аналогов или

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, 1946 г., стр. 172.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкоznания, 1954 г., стр. 6 и 9—10.

потомков, теряет чувство времени, а иногда и пространства, перестает замечать, что за период, отделяющий его от изучаемого этапа, произошли громадные изменения, изменения прежде всего в производительных силах и соответствующих им производственных отношениях людей, изменения, которые не могли не найти отражения и в языке, в содержании и смысле речевых форм. К установлению каких «истин» может привести такой путь, мы видели выше.

ГЛАВА X

СЕРЕБРЯНЫЙ МОНОМЕТАЛЛИЗМ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В предыдущих главах версия древнерусских денег-скота подвергалась критике путем сопоставления ее с характером производительных сил, соответствующих им производственных отношений, с сложившейся системой общественного разделения труда, со связями товарного обмена. Эти сопоставления показали и вскрыли ее грубое несоответствие и асинхронность всем основным факторам общественного производства древних руссов. Выше уже высказывалась мысль, что это была главная и решающая часть критики.

В предыдущей главе версия не выдержала критики и со стороны письменных источников. Они решительно против нее. В последнем случае это была, так сказать, критика словами, пусть записанными древним летописцем, но словами.

Нам остается теперь подвергнуть версию критике вещами, имеющими непосредственное отношение к денежному обращению древней Руси. Мы имеем в виду нумизматические памятники.

Простой перечень этих памятников таков:

1. Восточное монетное и слитковое серебро.
2. Византийское монетное серебро.
3. Русское монетное и слитковое серебро.
4. Западноевропейское монетное серебро.

Древнерусская нумизматика знает и золото как в монетной, своего и иноземного чекана, так и в слитковой форме. Об этом свидетельствуют не только письменные источники, но и вещественные останки. Мы не будем, однако, останавливаться на памятниках этого рода, поскольку они по сравнению с серебром просто незначительны. Древнерусская нумизматика не знает меди.

1

В составе восточного монетного серебра преобладающее значение имеет арабская серебряная монета, носящая наименование диргем. Если бы кто-нибудь попытался составить себе представление о масштабах проникновения диргемов на территорию древней Руси по справке, которую дает Большая Советская Энциклопедия последнего издания, то был бы в этом вопросе дезориенти-

рован. Автор справки о диргеме пишет: «Огромное количество диргемов, находимое в европейской части Советского Союза (один Муромский клад содержал 11 тыс.), свидетельствует об оживленных торговых отношениях Древней Руси с мусульманским Востоком в 9—12 вв.»¹.

Речь идет об открытых кладах и сделанных находках диргемов, которые зарегистрированы нумизматическими учеными властями, экспонируются в музеях и описываются в нумизматических анналах. Более или менее систематическая регистрация находок и кладов началась только в XIX веке. Эпитет «огромное» автор справки здесь употребил, по меньшей мере, неосторожно.

Если учесть бесспорное, во-первых, что за 800—1000 лет до XIX века было открыто кладов и сделано находок, не зарегистрированных и погибших для науки, еще больше, во-вторых, что не все открытое и найденное и в последние полтораста лет попало в поле зрения нумизматов, в-третьих, что не все проникшие в Восточную Европу диргемы были зарыты, иными словами, большая их часть не подвергалась захоронению вообще, и в-четвертых, что не все покоящиеся и поныне в земляных сейфах клады открыты, то, спрашивается, каким же эпитетом с учетом изложенного надо было бы сопроводить их количество? Автора справки здесь, пожалуй, не выручит и превосходная степень ни в отношении количества восточного монетного серебра, ни в отношении вытекающей из этого характеристики русско-арабской торговли тех времен. Употребленный автором справки эпитет может породить неправильные, преувеличенные представления о товарном обращении, о внутренней и внешней торговле на Руси.

Из простого количественного обзора зарегистрированных нумизматических памятников (клады, находки, экземпляры монет) можно сделать только следующий, не вызывающий никаких сомнений вывод. Арабские диргемы бытовали на Руси в количествах, превышающих византийские милиарисии, русские серебренники и западноевропейские динарии вместе взятые.

Проникновение восточного серебра на территорию Европы началось за несколько столетий до образования древнерусского государства, в VIII, VII и даже в конце VI века. На это указывает то, что на смену римским динариям чекана до III столетия и после него, о чем подробнее речь будет идти ниже, эта территория стала воспринимать сасанидские драхмы чеканки V—VI веков и затем арабские диргемы. Наиболее интенсивный приток последних, как об этом свидетельствуют клады и находки, падает на IX, X и начало XI столетий.

В литературе вопроса существует мнение, что восточное серебро, чеканенное в столетия, предшествующие IX веку, то есть в V—VIII веках, на территорию Восточной Европы стало проникать вместе с монетами чеканки IX и последующих веков.

¹ БСЭ, том 14, стр. 412.

Высказано оно было впервые в 1931 году Р. Р. Фасмером¹. Бу-
дучи слабо и пока неубедительно обоснованным, это мнение не
создало себе сколько-нибудь достаточного круга сторонников.
Впрочем, в данный момент этот вопрос не представляет для нас
специального интереса, ибо наше внимание сосредоточено на
русском периоде восточного славянства.

Непосредственно на подступах к сложению Руси, то есть в
первой половине IX века, в составе арабского серебра отмечается
значительное присутствие монет африканской чеканки. Во второй
половине IX и в X веке, то есть уже в древнерусский период,
последние становятся редкостью. Здесь преобладают монеты, че-
каненные в Азии, на территории нынешнего Ирана и Ирака,
затем в Средней Азии. Нумизматы далее отмечают и восточно-
европейские подражания арабским диргемам, чеканка которых
производилась в Камской Болгарии, на территории нынешней Та-
тарской АССР и в незначительных масштабах в пределах Ха-
зарского каганата, в бассейне Дона.

На европейской территории СССР, без Крыма, Кавказа и При-
балтики, зарегистрировано свыше 300 кладов восточного монет-
ного серебра, а отдельных находок много сотен. Ф. И. Михалев-
ский считает, что «...многочисленность кладов арабской монеты
и малые размеры подавляющего большинства их ... говорит о том,
что обладание деньгами было не исключительной особенностью
общественных верхов, а массовым явлением еще в то время,
когда на Руси преобладала арабская монета, т. е. примерно в
IX, X и XI веках»². Такого же мнения придерживается и археолог
А. И. Черепнин, который пишет: «Замечательна и другая особен-
ность древних денежных кладов, открытых в средней России,—
между ними очень редко встречаются богатые клады; известные
из найденных в этом районе кладов обыкновенно полфунта, фунт,
полтора фунта и очень немногие — два или более фунтов серебря-
ной монеты»³. Это мнение подтверждается не только небольшими
размерами большей части кладов, но и многочисленными наход-
ками отдельных экземпляров в самых различных уголках терри-
тории древней Руси. Приведем некоторые наиболее типичные ха-
рактеристики состава кладов с восточным монетным серебром.

Клад, открытый в 1823 году близ сел Лапотново и Покров-
ское, Крапивенского уезда Тульской губ., содержал 62 куфиче-
ские монеты 710/11—816/17 гг.⁴.

¹ Р. Р. Фасмер. Завалищенский клад куфических монет VIII—IX вв. ИГАМК, т. VII, в. 2, Л., 1931 г., стр. 13.

² Ф. И. Михалевский. Очерки по истории денег и денежного обращения. Деньги в феодальном обществе, т. I, 1948 г., стр. 221.

³ А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древним кладам. Труды Московск. Нумизматич. Об-ва, стр. 169.

⁴ П. С. Савельев. Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории, СПБ, 1847 г., стр. 17—18. См. также А. К. Марков. Толотрафия кладов восточных монет. 1910 г., стр. 49, № 281.

Клад, найденный в 1892 году близ Мишнево, Русановской вол., Лихвенского уезда Калужской губ., содержал 101 диргем 742/43—867 гг.¹.

В кладе 1807 года, найденном около г. Каширы Тульской губ., были монеты куфические, из них 2 аббасидских диргема VIII или начала IX века².

Клад, открытый в 1855 году около с. Железницы, Зарайского уезда Рязанской губ., содержал 258 диргемов, по преимуществу аббасидских, из которых позднейшие относятся к 877/8 г.³. В составе этого клада была одна монета чеканки 618 г.

Клад, открытый в 1863 году в Киеве на Подоле, содержал 192 диргема 892/3—935/6 гг., из которых восемь пробиты для подвешивания и служившие, по-видимому, украшениями⁴.

В кладе 1887 года, найденном около д. Шпилевки, Сумского уезда Харьковской губ., оказалось 98 диргемов 896/7—966/7 гг.⁵.

В кладе, обнаруженному в 1870 г. на 327 версте Орлово-Битебской ж. д. при балластных работах, было 4 диргема 722—810 и 928 гг. В том же году в этом же районе обнаружен в кургане еще один клад, содержащий 5 целых диргемов 932—948 гг. и 53 обломка таких же монет⁶.

Клад 1914 г., открытый в с. Угодичи, Ростовского уезда, Ярославской губ., состоял из 148 диргемов, среди которых были четыре сасанидских 582 г., остальные куфические 699—812 гг.⁷.

К наиболее крупным кладам восточных монет относятся Великолукский, содержащий «от 6 до 7 пудов серебряных диргемов в большом котле, частью рассыпавшемся во время поднятия его из размытого речного берега»⁸; затем Муромский, открытый в 1868 году и содержащий свыше 11 тысяч диргемов⁹; далее Киевский клад, в котором было от 2 до 3 тысяч диргемов, из которых в составе определенных наиболее ранние относились к 747 и наиболее поздние к 906 г.¹⁰; клад, найденный в 1883 году около с. Глубоцкое, Гомельского уезда, Могилевской губ. и содержащий примерно 2 ведра диргемов, из числа которых дошедшие до рук нумизматов относились к 892—911 гг., то есть ко временам саманидов¹¹.

¹ Только что названная работа А. К. Маркова, стр. 12, № 66.

² А. А. Ильин. Топография кладов... слитков, 1921 г., стр. 49, № 209.

³ А. К. Марков. Топография кладов..., 1910 г., стр. 40, № 222.

⁴ Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губ., Киев, 1899 г., стр. 21—24.

⁵ Д. И. Багалей. Археологические, этнографические и топографические заметки о Харьковской губ., Харьковский сборник за 1888 г., стр. 140.

⁶ А. К. Марков. Топография кладов..., 1910 г., стр. 43, № 238.

⁷ Р. Р. Фасмер. Два клада куфических монет. Труды нумизматической комиссии, т. VI, 1927 г., стр. 19—57.

⁸ Савельев. Мухаммеданская нумизматика... стр. XXIV, 22—23.

⁹ Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата, 1873 г., стр. XXIV—XXVI.

¹⁰ А. К. Марков. Топография кладов..., 1910 г., стр. 13, № 68.

¹¹ Там же, стр. 26—27, № 144.

Все приведенные нами клады являются чисто диргемными. О смешанных кладах, то есть с присутствием византийских и западноевропейских монет, речь будет идти ниже.

В IX и X столетиях в отдельных диргемных кладах встречается и слитковое серебро. Из числа такого рода кладов укажем на уже упоминавшийся нами выше клад 1879 года, открытый в Угличе Ярославской губ., где вместе с арабскими диргемами 701—832 гг. были обнаружены пять продолговатых серебряных слитков различного веса и длины, а именно, от 63,12 гр. до 148,95 гр. по весу и от 82 мм до 181 мм по длине. Цвет металла имеет желтоватый оттенок. В Ягоширах Вятской губ. в 1867 году вместе с сасанидскими и арабскими диргемами 688—873 гг. в кладе найден продолговатый слиток серебра весом 76,77 гр. с 98-процентным содержанием чистого металла¹.

Общее в форме этих слитков только продолговатость. Недостаточная определенность, повторяемость и отработанность формы, веса и длины, как, например, у более поздних русских, киевских и новгородских, слитков, чрезвычайно затрудняет решение вопроса о денежном характере этого серебра. Оно могло быть и простым сырьем для древнерусских ремесленников-ювелиров и сырьем для чеканки монет. Присутствие их в сокровище вместе с диргемами, а также то обстоятельство, что благородные металлы сравнительно легко переходят от роли сырья для поделок к общественной функции денежного эквивалента, позволяет рассматривать их как деньги.

По другим аналогичным кладам, например, Баскачскому 1861 г., Коростовскому 1891 г. и другим, А. И. Черепнин² и А. Ф. Лихачев³ в весе этих слитков подмечают довольно правильное отношение к арабской унции серебра VIII столетия.

По причинам, в рассмотрение которых мы здесь входить не сможем, приток серебра с Востока в первой четверти XI века приостановился.

2

Скромнее всего в нумизматических памятниках рассматриваемой поры представлено византийское монетное серебро. В отличие от диргемов, византийские милиарисии встречаются в кладах не тысячами, не сотнями и даже не десятками, а единицами (1—5 экз.), причем обычно в смешанных кладах, то есть вместе с диргемами и западноевропейскими монетами, а иногда с индийскими и русскими. Исключение в этом отношении представляют лишь Киевский клад 1899 года, открытый на усадьбе Бродского по Екатерининской улице, где сразу

¹ Н. П. Бауэр. Ди эильбер унд голльбаррен дес руссишен Миттельальтерс, ч. I, Нумизматише Цейтшрифт, т. 62, Вена, 1929 г., стр. 81.

² А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древним кладам. Труды Моск. Нумизм. Об-ва, стр. 162.

³ Труды VII Археологического Съезда в Ярославле, том II, стр. 180—189.

оказалось 15 (по Н. П. Бауеру — 19) византийских монет 963/69—1057/59 гг. (от Никифора Фоки до Исаака Комнина. Все эти монеты золотые, так же как и арабский динар 1033 г. из Западного Халифата¹), и клад, открытый в 1846 году недалеко от Ораниенбаума Петербургской губ., в котором вместе с большим количеством диргемов и динариев находились 11 византийских серебряных монет 969—1025 гг. (1 — Иоанна Цимисхия, 969—976 гг. и 10 — Василия II и Константина VIII, 976—1025 гг.)².

Вот несколько типичных кладов этого рода.

«В 1912 г. 13 сентября на земле с. Денис Переяславского у. Полтавской губ. жителем села Тимофеем Форостовским был найден клад в глиняном кувшине; в состав клада входили:

а) диргемы 805—1008 гг. — 5325 (целых 402 и обломков 4923);

б) подражания диргемам — 5 обломков;

в) западноевропейские (богемские, датские, англосаксонские, немецкие) 919—1026 гг. — 41 (целых 13, обломков 28...);

г) подражания западноевропейским монетам X—XI вв. — 15 (целых 3, обломков 12);

д) византийские 969—1025 гг. — 4 (3 обломка монет Иоанна Цимисхия 969—976 гг.; 1 обломок монеты Василия II и Константина VIII — 976—1025 гг.);

е) подражания византийской монете Василия II и Константина VIII — 976—1025 гг. — 1 (медиа);

ж) индийские X века — 2 (целая X в., обломок 900 г.);

з) русские — 6 или 7 (Владимира — 2 целые и 3 или 4 обломка и Ярослава — 1 целая)³.

В упоминавшемся нами выше кладе 1887 года, открытому близ с. Шпилевки Сумского у. Харьковской туб., помимо диргемов, была византийская монета 948—959 гг. (Константина VII Багрянородного и Романа II).

В кладе 1915 г., найденном в поле д. Коробкино Льговского у. Курской губ., оказалась «монета византийская золотая, обрезанная, без ушка, 921—944 гг. (Роман I, Константин VII и Христофор)»⁴.

В кладе 1868 года, открытом в д. Гнездове, около Смоленска, помимо сасанидских и арабских монет, находились «византийская монета 780—797 гг.; англосаксонская монета; индийская монета, превращенная в подвеску»⁵.

По мнению видных историков и экономистов, незначительность numизматических памятников византийского происхожде-

¹ Г. Ф. Корзухина. Русские клады, 1954 г., стр. 90, № 30. У Н. П. Бауера в работе «Серебряные и золотые слитки русского средневековья», Вена, 1929 г., на немецком языке, византийских золотых монет 19, а арабская серебряная, стр. 90, № 19.

² А. К. Марков. Топография кладов..., 1910, стр. 31, № 174.

³ Г. Ф. Корзухина. Русские клады, 1954, стр. 85, № 18.

⁴ Там же, стр. 86, № 20.

⁵ Там же, стр. 87, № 23.

ния по сравнению с восточными свидетельствует об уравновешенном торговом балансе Руси с Византией. Ф. И. Михалевский считает даже не исключенным, «что для уравнивания счетов существовала специальная инстанция. Что торговля Византии с Русью вообще не была предоставлена самотеку, а регулировалась, видно из договора Олега с греками, согласно которому русские купцы не имели права купить волоки больше, чем на 50 золотых монет. Кстати, эта же статья договора показывает, что расчет велся на деньги»¹.

3

На рубеже X и XI столетий, когда наметился спад в притоке арабского монетного серебра с Востока, русские князья приступают к чеканке собственной монеты, вошедшей в историю в качестве первой русской чеканки.

Первые русские монеты чеканились из обоих металлов, золота и серебра. До сих пор до рук нумизматов дошло лишь 7—8 экземпляров русских златников и около 300 экземпляров серебренников. В XIX веке многие нумизматы, например, Рейхель, решительно отказывались видеть в них монеты. Они рассматривались одними в качестве медалей, другими как своеобразные верительные знаки или печати. Открытие в 1852 году богатого русскими серебренниками Нежинского клада положило конец этим представлениям. Общепризнанным теперь считается, что это были монеты, то есть деньги. Об этом говорит прежде всего их количество. Лишь в отношении восьмого типа «Ярославлева серебра» некоторые историки придерживаются прежних взглядов, аргументируя свою точку зрения «из ряда вон выходящей тщательностью выделки этих редчайших предметов»².

По сравнению с диргемами, если судить по открытым кладам и сделанным находкам, роль первых русских монет конца X и начала XI веков в платежном обороте древней Руси была невелика. То же самое следует сказать и о чеканке князя Олега (Михаила) Святославича Тмутараканского самого конца XI века (1083—1094).

Для XII века по отношению к южной Руси нумизматы фиксируют появление своеобразной серебряной валюты в форме шестиугольных (ромбик с усеченными острыми концами) слитков-пластиночек, получивших в литературе вопроса наименование «киевских гривен». В отличие от упоминавшихся нами выше продолговатых слитков серебра арабского происхождения, киевские гривны представляли чисто русское явление, не находящее себе аналогий ни на востоке, ни на юге, ни на западе. Форма их в такой степени определена, отработалась, устоя-

¹ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. Деньги в феодальном хозяйстве, т. I, 1948 г., стр. 220.

² История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 336.

лась, что позволяет видеть в них крупные монеты, принимавшиеся в расчетных актах не только в отвес, но и по счету.

Принимая во внимание имевший место в те времена уровень техники отливки, есть все основания говорить об определенности и отработанности и веса этих слитков-монет. Из числа достоверно известных 355 слитков этого типа, изученных Н. П. Бауером, самый легкий весил 135,43 г. (Задругье, Могилевской г.) и самый тяжелый — 169,83 г. (Великая Снетинка, Киевской губ.). Вычисление квалифицированного среднего веса по частоте дало Н. П. Бауеру цифру в 158,47 г.¹.

Общий вес памятников этого рода, поступивших в руки нумизматов, в настоящее время приближается к 100 кг.

Г. Ф. Корзухина находит, что общепринятая датировка этих памятников XII столетием носит условный характер и что отливка гривен киевского типа началась раньше, еще в конце XI века².

Для района Средней Волги и Камы нумизматы устанавливают в XI и XII столетиях обращение весового серебра лепешкообразной формы, по-видимому, камско-болгарского происхождения, на что указывает их топография. Их находят преимущественно на территории нынешней Татарской АССР.

4

В X веке начинается проникновение на восточноевропейскую равнину монет западноевропейской чеканки. Это мы уже видели по Денисовскому кладу 1912 года, справка о составе которого приводилась выше. Чисто динариевых кладов сравнительно мало, обычно эти монеты встречаются в кладах смешанных. Вот несколько типичных кладов.

В кладе, завернутом в бересту и открытом в 1898 году около с. Стражевич Могилевской губ., находились серебряные монеты: диргемы 916—995 гг. — 48, из них целых 16 и обломков 32, и западноевропейские, кельнские, германские, англосаксонские X—XI веков, плохой сохранности, целые и обломки — 159.³

В другом кладе, обнаруженному в той же местности в 1903 году, находились серебряные монеты: диргемы 915—1014 гг. — 46 и западноевропейские динарии 936—1059 гг. — 273. Тут же был слиток золота весом в 78,803 г.⁴.

В кладе, найденном в 1923 году в дер. Васьково Великолукского уезда Псковской губ., были обнаружены монеты: куфические — 155 целых и 4121 обломок, всего 4276, позднейшая из

¹ Н. П. Бауэр. Серебряные и золотые слитки русского средневековья (на немецком языке), ч. 1, 1929 г., Вена, стр. 109.

² Г. Ф. Корзухина. Русские клады, 1954 г., стр. 28.

³ А. К. Марков. Топография кладов..., 1910 г., стр. 139.

⁴ А. А. Ильин. Топография кладов..., слитков, 1921 г., стр. 36, № 151.

Н. П. Бауэр. Цитированная выше работа на немецком языке, стр. 99.

них 1013 г.; византийские — 4 целых и 1 обломок 921—1025 гг. и западноевропейские — 219 целых и 250 обломков, всего 469, датируемых 936—1059 гг.¹.

В большом кладе 1891 года, открытом в д. Демшина Новгородского уезда Псковской губ., насчитывалось 6748 монет, из которых 5921 целая и 827 обломков. Из числа 3638 монет, подвергшихся определению, куфических было 270, все 893/4—1013/14 гг., и западноевропейских — 3368, все X—XI вв.².

В кладе 1906 г., открытом в урочище Собачьи Горбы, близ Новгорода, находились монеты: диргемы 898—998 гг. — 267, византийские — 2 (Иоанна Цимисхия и Василия II и Константина VIII) и западноевропейские 925—1075 гг. — 67 (из них целых 53 и обломков 14)³.

К чисто динариевым относится клад 1929 года, открытый в Лодейном Поле Ленинградской области, где в составе 255 целых монет и 3 обломков были: английские 978—1035 гг. — 2, датские 1035—1075 гг. — 2 и немецкие 1002—1105 гг. — 251 целая и 3 обломка⁴.

В упоминавшемся нами выше Коростовском кладе 1891 года его монетная часть состояла из: диргемов 908—997 гг. в количестве 933, из которых целых было 15, обрезанных 14 и обломков 904, византийских — 3, из них одна целая и 2 обломка, и немецких пфенигов целых и обломков — 14⁵.

К крупнейшим динариевым кладам относится Вихлисский клад 1934 года, весивший 12 кг. и насчитывающий 12 300 целых монет и обломков⁶.

Таков в самых общих чертах характер восточноевропейских нумизматических памятников IX—XII веков.

5

Одно время некоторые историки и нумизматы пытались всю иноземную монету, и в частности диргемы, рассматривать как один из предметов древнерусского ввоза, обладавший лишь особенной потребительной стоимостью и приобретавшийся только как украшение, по преимуществу женское. Проникавшее к нам монетное серебро лишалось, таким образом, всеобщей потребительной стоимости, свойственной денежному эквиваленту, а самая торговля с чужеземными странами превращалась в меновую торговлю, в непосредственный обмен Т — Т, была знанием формы В, полной или развернутой формы стоимости.

¹ Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики..., 1926 г., стр. 290, № 22, стр. 293, № 6.

² А. К. Марков. Топография кладов..., 1910 г., стр. 131, № 212.

³ Выше цитированная работа Р. Р. Фасмера, стр. 291, № 26 и стр. 293, № 7.

⁴ Г. Ф. Корзухина. Русские клады, 1954 г., стр. 103.

⁵ А. И. Черепин. Коростовский клад, Рязань, 1892 г.

⁶ История культуры древней Руси, т. I, 1948 г., стр. 387.

Использование монет в качестве украшений известно не только в наши дни, но и со временем глубочайшей древности. Самый термин «монисто», кажется, связан с монетой. Припайка ушка или, совсем просто, пробитие отверстия для подвешивания легко превращает монету в украшение. Нетруден при нужде и обратный переход, без особых при этом потерь.

Если приведенный взгляд правилен, то на рассмотренных нами памятниках это должно было бы найти выражение в массовом приспособлении монет для эстетических целей.

Вот фактические данные. В уже приводившемся нами выше диргемном кладе 1863 года, открытому в Киеве на Подоле, из 192 монет восемь имели отверстие для подвешивания. В кладе 1928 года, открытому около с. Копиевки Дашевского района Винницкого округа Киевской области, из 500 диргемов, датируемых 549—955 гг., с дырочками для подвешивания оказалось 108, то есть примерно пятая часть¹. В гнездовском кладе 1868 года из 20 монет пять были превращены в подвески, из них сасанидских драхм 532 и 595 годов — 2, диргемов 737—748 гг.— 2 и одна индийская монета². Нет ли какой-то закономерности в том, что приспособленными для роли украшения оказываются часто монеты наиболее ранних сроков чеканки?

Приведенные клады дают наиболее крупные соотношения в явлении, которое нас сейчас занимает. Присутствие пробитых или с припаянными ушками монет в подавляющем большинстве кладов просто незначительно. Наоборот, в них порой на несколько тысяч монет нумизматы не фиксируют ни одной, приспособленной для роли украшения. Это мы видели выше.

Эстетическое использование монетного серебра, таким образом, имело место; однако о массовом характере этого явления речи быть не может. Ф. И. Михалевский совершенно справедливо указывает, что «рассматривать всю массу арабской и иной монеты, находимой в кладах, только как запасы украшений или материалов для них просто наивно»³.

Наконец, против взглядов на монетное серебро только или по преимуществу как на предмет украшения говорит в массовом масштабе наблюдаемое явление дробления целых монет на половинки, четвертушки, восьмые и друг. части. Мы, например, уже видели выше, что в Денисовском кладе 1912 года из 402 целых диргема приходилось 4923 резанца-обломка этих монет; то же самое в Васьковском кладе 1923 года, в Коростовском кладе 1891 года и т. д. и т. п. Ведь такое дробление монет никак не способствовало их сохранению и использованию в роли украшения.

¹ Н. В. Линка. Копиевский скарб. Археология, т. II, Киев, 1948 г.

² А. К. Марков. Топография кладов..., 1910 г., стр. 42, № 236.

³ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. Деньги в феодальном хозяйстве, том 1, 1948 г., стр. 222.

Интересно, что дробление производилось в Восточной Европе; «кладов с рублеными диргемами в Азии, Африке, Пиринейском полуострове и в Сицилии не встречается»¹.

Дробление, резание, разламывание монет было, конечно, вынужденным. Откуда шла такая повелительная нужда? Из платежного оборота, требовавшего мелкие и мельчайшие части денежной единицы для совершения расчетных актов. Это было своеобразное решение проблемы биллона, разменной монеты. (Поесть пирогов и попить меду на Киевском или Новгородском торгу без них было бы невозможно.) Никакого другого удовлетворительного объяснения этому явлению не может быть дано. Нечистый, на которого крестьянским поверьям возлагалась вся вина, тут совершенно ни при чем.

«При отсутствии в то время сейфов и недостатке у широких масс населения благоустроенных деньгохранилищ,— пишет Ф. И. Михалевский,— в земле могли храниться и оборотные кассы денежных людей. Особенно часто могли прибегать к земле как к кратковременному деньгохранилищу проезжие купцы. Однако, если у князей и бояр денежные сокровища могли накапливаться вне зависимости от ежедневной потребности в них, то сбережение денег как массовое явление неразрывно связано с наличием более или менее массового платежного оборота. Особенно красноречиво говорит о таком обороте наличие в кладах большого количества резаной монеты... в основной своей массе резанцы были несомненно продуктом внутреннего мелкого платежного оборота»².

Итак, перед нами металлические деньги, денежные эквиваленты. Это никто не в состоянии поставить под сомнение.

6

Сколько их прошло через руки нумизматов? Каков общий вес до сих пор открытых и так или иначе изученных вещественных памятников этого рода?

Точный ответ на эти вопросы весьма затруднителен. Сводные работы по кладам и находкам восточных и западных монет (А. К. Марков, Н. П. Бауэр, Р. Р. Фасмер), затем слитков (А. А. Ильин, Н. Г. Баусер) имеют 45—25-летний возраст, в значительной степени устарели и, естественно, не отображают современного положения дела.

Самая свежая, изданная в 1954 году работа Г. Ф. Корзухиной «Русские клады», выполненная со знанием дела, посвящена вещевым кладам. Монеты и денежные слитки — не в центре внимания автора. Она имеет с ними дело лишь в меру их присутствия в вещевых кладах.

¹ А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. VI, 1936 г., стр. 16.

² Названная выше работа Ф. И. Михалевского, стр. 222.

Сводных работ по интересующему нас вопросу ни в сороковых, ни в начале пятидесятых годов, таким образом, опубликовано не было.

Учитывая то, что в более или менее сводном виде было опубликовано до начала тридцатых годов, суммируя затем наши, разумеется, далеко не полные наблюдения за разрозненными и отдельными публикациями и сообщениями о сделанных за последние, примерно, двадцать лет находках и открытых кладах, мы приходим к представлению, что общий вес вещественных памятников денежного обращения Руси IX—XII вв. (монет и слитков), прошедших через руки и внимание ученых нумизматов, приближается и, может быть, превысил одну тонну.

Перед нами, таким образом, тонна серебряных грубо зриемых и осозаемых фактов. А далее следует целая серия неизвестных величин. Сколько кладов было вырыто за тысячелетний период, но от науки ускользнуло? Какое количество монетного и денежно-слиткового серебра вообще не подвергалось захоронению, было потом перелито, перечеканено, в XIII—XIV веках ушло в форме даней и выходов к татаро-монголам, осталось на Руси и в России последующих веков? Сколько кладов рассматриваемой поры еще поконится в земляных сейфах и поныне?

Ответ на все эти вопросы числом, конечно, невозможен.

Мы уже приводили выше справку БСЭ о диргеме и определили свое отношение к такого рода характеристикам. Автор справки не одинок и воспроизводит то, что должно писалось дореволюционными историками и нумизматами и пишется историками, нумизматами и экономистами наших дней.

А. В. Орешников, например, в начале тридцатых годов писал: «Огромное количество арабских монет, зарытых в кладах, затем западных X—XII вв., немецких, английских и других, являющихся одновременно с арабскими и с XI века сменивших их, указывает на нужду в серебре населения древней Руси...»¹. А. В. Орешников был крупным нумизматом.

Не менее крупный экономист, Ф. И. Михалевский, в 1948 году писал: «Имеющиеся сведения о богатых дарах князей в пользу церкви и монастырей свидетельствуют об огромных количествах золота и серебра, находившихся в распоряжении князей и церкви»². В качестве одного из подтверждений своей мысли он приводит летописный текст о том, с каким великолепием в смысле отделки золотом и серебром князь Андрей построил церковь в Боголюбове.

Еще более обстоятельно рассматривает интересующий нас вопрос историк Б. А. Романов. По его подсчетам, о которых мы уже вели речь выше, князь Олег в результате похода на Царь-

¹ Названная выше работа А. В. Орешникова, стр. 16.

² Названная выше работа Ф. И. Михалевского, стр. 224.

град в 907 году получил с греков дань в размере 8000 пудов серебра. Далее он ссылается на расходную часть новгородского «бюджета» в XI веке, на доходную часть смоленского «бюджета» в XII (по грамоте 1150 г.), определяет стоимость военного похода Ярослава Мудрого на Киев в 1015 году в 22000 гривен и т. д. Автор утверждает, что «военные предприятия уже в ту эпоху не строились иначе, как на денежной базе»¹. Далее он приводит справки о межсокровищных передвижениях благородных металлов, о дележе новгородцами серебра, разграбленного в городском дворе посадника Дмитрия. В связи со своими расчетами количества серебра, взятого с греков в 907 году, Б. А. Романов пишет: «Нет возможности определить степень легендарности размеров этой полученной Олегом дани. Но к XI—XII вв. на территории древней Руси, где не было собственной добычи ни золота, ни серебра, скопилось в результате внешней торговли по трём направлениям (запад, юг, восток) и войны, несомненно; очень значительное количество драгоценных металлов»². Итак, к XI веку, то есть в IX и X столетиях, скопилось очень значительное количество серебра.

Такого же мнения придерживается историк-экономист, знаток феодализма, проф. Ф. Я. Полянский. В 1954 году он писал: «Благородные металлы импортировались Русью в значительных количествах, причём серебро (в монетной форме) до начала XI века получалось преимущественно из арабских стран, а позднее из Западной Европы»³.

В совсем недавно вышедшей работе В. Л. Янин пишет: «...можно с полной уверенностью утверждать, что приток серебра в Русь был поистине гигантским»⁴. Сильнее этого сказать, кажется, нельзя.

С точки зрения прямых и непосредственных интересов самого предмета нашей работы нам следовало бы ограничиться приведением этих господствующих в литературе вопроса оценок и мнений. Чем огромнее и значительнее было количество денежного серебра в древней Руси, тем ведь хуже для версии денег-скота, несостоятельность и необоснованность которой мы стремимся доказать. Если бы эти количества действительно заслуживали приведенных эпитетов, то это был бы дополнительный и крепкий удар по рассматриваемой версии.

Правомерно ли употребление этих эпитетов? По нашему мнению,— нет. Все мы согласны с тем, что древняя Русь — это раннефеодальное классовое общество с господствующей ролью натурального хозяйства, что отчуждение прибавочного труда и

¹ История культуры древней Руси, т. I, 1948 г., стр. 378.

² Там же, стр. 321.

³ Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма, 1954 г., стр. 321.

⁴ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья, 1956 г., стр. 12.

продукта у непосредственных производителей осуществлялось в преобладающей степени либо в форме отработок, либо в форме феодальных поборов натураой всякого рода, что денежная форма феодальной ренты носила зачаточный характер, что товаро-денежные отношения играли подчиненную роль, что, следовательно, доля общественного продукта, движение которой сопровождалось денежным опосредствованием, была незначительной, очень малой по сравнению со всем продуктом всего общества.

Если все это признается, то как можно говорить об огромных, гигантских количествах монетного, вообще денежного, серебра, которого к тому же сама Русь не добывала. Для чего ей нужно было именно огромное его количество? История никогда и ничего не делала зря, ни с того, ни с сего. Ведь огромному количеству денег должно соответствовать и огромное развитие товарных отношений, чего явно не было. У древней Руси при слабом развитии товарных отношений не было нужды в огромных количествах денежного металла.

Надо вместе с тем иметь в виду, что «товарное производство и товарное обращение может существовать, несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначенная непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем объеме подчинен господству меновой стоимости...». Если мы остановим свое внимание на деньгах, то увидим, что они предполагают известное развитие товарообмена. Особенные формы денег — просто товарный эквивалент, средство обращения, платежное средство, сокровище и мировые деньги — указывают, в связи с относительным значением или преобладанием той или другой из этих функций, на очень различные ступени развития общественно-производственного процесса. Тем не менее, как показывает опыт, достаточно сравнительно слабого развития товарного обращения, чтобы могли образоваться все эти формы¹.

Итак, количество денежного серебра в древней Руси не было огромным или очень значительным, как это неосторожно хотят представить некоторые экономисты и историки; однако, оно было достаточным в такой степени, что исключало необходимость в других параллельных всеобщих и денежных эквивалентах, вроде, например, штук скота.

7

Выше, в историографической справке, мы видели, что с легкой руки В. В. Святловского в некоторых работах самых последних лет, например, в работе Б. А. Романова, проводится

¹ К. Маркс. Капитал, том I, 1936 г., стр. 121.

мысль, что термин «скот» в смысле денег, всеобщего эквивалента, стал речевым пережитком лишь в XI веке. Б. А. Романов так и пишет: «В XI веке на Руси термин «скот» — «деньги» является лишь пережитком и в дальнейшем отмирает...»¹. Этим самым резервируются IX и X века, как время существования, говоря словами В. В. Святловского, древнерусской «примитивной системы товаро-денег, выраженных в штуках скота...»².

Допускается, таким образом, что в XI и последующие столетия термин в качестве пережитка пришел из IX и X веков, где он пережитком не был, где скот (бык или корова) был деньгами, играл роль всеобщего эквивалента.

Насколько несостоятельны такого рода построения с точки зрения письменных свидетельств, мы видели выше. В самых ранних договорах Руси с греками, всюду, где речь идет о денежных отношениях, отчетливо слышен звон металла, а не мычание скота.

Несостоятельны эти построения и с точки зрения нумизматических памятников, краткий обзор которых мы только что сделали. Если в IX и X веках роль денег играл скот, то, спрашивается, что нам делать с тремя сотнями кладов с диргемами и их обломками (резанцами) и еще большим количеством отдельных находок этих серебряных монет? А ведь они, начав свое проникновение на территорию Восточной Европы еще в VIII и, вероятно, в VII столетиях, особенно интенсивно всасывались Русью именно в IX и X веках. Игнорировать молчаливый крик этих вещественных памятников невозможно. Объявить их рядовыми товарами, импортировавшимися только для удовлетворения эстетических потребностей или в качестве сырья для поделок бытовых вещей и предметов роскоши, тоже, как мы видели, невозможно. При тех огромных преимуществах, которыми серебро, тем более в монетной форме, обладает по сравнению со скотом в роли денежного товара, параллельность существования также исключена.

Выше, в так колоритно описанные Б. А. Рыбаковым городские торжища Киева и Новгорода мы попытались «вставить» мычащие деньги. Попытка оказалась неудачной. Обнаружилось полное несоответствие. Понятны и его причины. Русь была страной с земледельческой основой процесса общественного воспроизводства. Далее, скот ведь первобытные деньги, как правильно утверждает проф. Э. Я. Брегель³. В нормальных условиях им место в первобытном обществе в начале периода его разложения. Древняя Русь — это не первобытное, а феодальное общество. Имели ли место в развитии этого общества какие-либо отклонения от нормы? Можно ли назвать какие-либо явле-

¹ История культуры древней Руси, том I, 1948 г., стр. 370.

² В. В. Святловский. Примитивно-торговое государство как форма быта, СПБ, 1914 г., стр. 138.

³ Э. Я. Брегель. Денежное обращение и кредит капиталистических стран, 1955 г., стр. 9.

ния, которые вызывали отставание в развитии эквивалентной формы стоимости по сравнению с другими факторами и, таким образом, приводили к патологическому случаю, а именно, к феодальному обществу с первобытными деньгами? Нет. Древняя Русь была нормальным раннефеодальным обществом и никаких отклонений установить в нем невозможно.

Вот почему мычавшие деньги здесь оказались не ко двору, несоответственными, асинхронными всем основным факторам древнерусского общественного производства и в числе их достигнутому руссами уровню производительной силы труда.

Наоборот, соответственными, синхронными, хорошо входящими или вставляющимися в комплекс являются металлические деньги, монетное серебро, памятники которого мы рассмотрели. Серебряные монеты с их многочисленными дробными частями, резанцами, и служили орудиями обращения на городских торжищах древней Руси; сначала в IX—X веках эту роль выполняли арабские дирхемы, затем к ним присоединились русские серебреники, византийские милиарисии и западноевропейские динарии. За них и их дробные части можно было на торжище и пирогов поесть, и одеться во фризское сукно, попить меду и купить коня, обзавестись коровой и купить дров для отопления жилища, приобрести сыр и масло и одеться в рубаху из китайского шелка, купить рыбы на уху и стать владельцем целой флотилии ладей, приобрести пряслица из золотого шифера и связку дорогих мехов, накупить бус и добрых мечей и т. д. и т. п.

Само собой разумеется, что купля-продажа товаров на городском торге отнюдь не исключала того, что здесь же совершался непосредственный, типа Т — Т, обмен товаров, в котором, хотя и незримо, в функции лишь меры стоимости участвовало и серебро. Это участие в большинстве актов обмена указанного типа было неизбежно, поскольку в господствовавшей здесь купле-продаже (Т — Д — Т) серебро реально, то есть зримо и осязаемо выполняло функцию орудия обращения, в кредитных сделках функцию средства платежа, а также функцию сокровища, вещественные останки которой мы наблюдали выше.

Берсия не выдерживает критики со стороны вещественных памятников древнерусского серебряного монометаллизма.

ГЛАВА XI

АРГУМЕНТЫ М. Н. ПОКРОВСКОГО И Ф. Я. ПОЛЯНСКОГО

Выше мы видели, что большинство сторонников версии не утруждают себя сколько-нибудь развернутой аргументацией. Ссылка на то, что в древнерусском языке термин «скот» озна-

чал деньги, считается исчерпывающим все и вся доводом. После нее обычно следуют утверждения о несомненности, бесспорности и общеизвестности факта существования на Руси мычащих денег.

Однако зыбкость такого пути, шаткость аргументации типа: «как это видно из названий», без предварительного выяснения, не означали эти названия в исследуемые времена нечто другое, ощущается и некоторыми сторонниками версии. Не все считают приличным, удобным и возможным оставаться на поверхности одних терминов. Кое-кто из них стремится найти более надежные опоры для своей точки зрения, причем направление, в котором они ведут поиски таких опор, избирается ими подчас правильное. Они обращаются к древнерусскому производству, к характеру его производительных сил.

Но как они, попав уже в терминологический плен, изображают эти производительные силы?

1

Убежденный сторонник версии, М. Н. Покровский, полемизируя с историками, считавшими, что скотоводство в древней Руси было сильно развито, и ссылавшимися в подтверждение своих взглядов на «Правду Русскую», где термином «скот» весьма отчетливо обозначалось понятие, передаваемое на современном языке словом деньги, писал: «Вот, говорят, явное доказательство огромного значения, которое имело скотоводство в древней Руси. Вовсе нет, это доказывает лишь, что скота было мало, что скот был редкостью. «Деньгами для каждого народа становится тот товар, — говорит Бюхер, — которого он сам не производит, но который он постоянно выменивает у иностранцев»¹.

Через десять лет, в начале тридцатых годов, М. Н. Покровский снова возвращается к этому вопросу. По его мнению, скотоводство на Руси «уже было, но в зачаточном состоянии; расцвет его лежал впереди — для XII века мы имеем уже несомненные свидетельства того, что пахота с помощью лошади была общераспространенным явлением в южной Руси. Эта новизна скотоводства и связанная с нею дороговизна скота оставили любопытный след в древнерусских юридических памятниках. В некоторых статьях «Русской Правды» слово «скот» употребляется в смысле «денег» (аналогично в этом случае с древнеримским «пекуния»); но мы знаем, что деньгами, единицей меры, становятся обыкновенно такие предметы, на которые есть большой спрос, но которые существуют в то же время в ограниченном количестве... Рабочий скот в России

¹ М. Н. Покровский. Очерки истории русской культуры, 1, изд. б. Петроград, 1923 г., стр. 41.

IX—X вв. был еще редок и ценен, как в гомеровской Греции, оттого там и тут вычисляли цену других предметов на скот»¹.

Итак, скот был редкостью, домашнее животноводство для IX века — новинка, находится в зачаточном состоянии, как тягло-скот стал использоваться заметно лишь в XII веке и то только в южной Руси. Выше мы уже видели, что все это опровергается, противоречит новым вещественным памятникам, открытых и исследованным советскими археологами, начиная с тридцатых годов. Не будет слишком смелым утверждать, что взгляды М. Н. Покровского не находили опоры и в вещественных памятниках, изученных и до тридцатых годов.

Домашние животные это не только тягло, но и пищевой ресурс и ресурс для изготовления по преимуществу теплой одежды.

Огневое и подсечное земледелие могло обходиться и без животного тягло. Подсека эволюционизирует везде к пашенному земледелию, которое уже немыслимо без тягло. Когда же совершается этот переход в центральной части лесной полосы Восточной Европы?

Б. Д. Греков по этому поводу писал: «Работа П. Н. Третьякова одним этим объектом изучения (Березняки)² не исчерпывается. Он раскопал много поселков в Верхнем Поволжье и более позднего времени (VII—IX века) и пришел к выводу, что земледелие в этом районе господствует безраздельно и что характер земледелия постепенно меняется. Подсека, то есть земледелие досошное, постепенно сменяется сошным, пашенным. Оснащенной железным наконечником сохе предшествует деревянное рало. Лошадь, которая в прежнее время употреблялась в пищу, в связи с этими переменами становится необходимой для земледелия тяговой силой и начинает служить пищей лишь в очень ограниченной мере. Этот перелом в технике, то есть переход от подсечного к пашенному земледелию, приходится, по наблюдению автора, приблизительно на VII—VIII века³. Совершенно ясно, что такой переход вообще не мог бы совершаться, если бы не годами, а, может быть, поколениями не подготавливалось необходимое для этого тягло.

Эти выводы П. Н. Третьякова подтверждаются археологическими исследованиями В. И. Равдоникаса для северной части древней Руси (Старая Ладога), Б. А. Рыбакова для земли радиличей, В. В. Антоновича для древлян и другими.

Что же касается южной Руси, то еще В. В. Хвойка высказа-

¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I, 1933 г., стр. 17.

² Речь идет о раскопанном П. Н. Третьяковым в 1934—35 гг. укрепленном поселке в устье реки Сонохты, впадающей в Волгу в 20 км. ниже устья реки Шексны, вблизи дер. Березняки. Этот земледельческий поселок относится приблизительно к III—IV векам нашей эры.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, 1953 г., стр. 42.

зал мнение, обоснованное многочисленными археологическими наблюдениями и никем в литературе вопроса не оспаривавшееся, что «обитатели Среднего Приднепровья Славянской эпохи (последняя в понимании автора начинается с IV века нашей эры. М. Л.) знали многие отрасли производства, но ремесла не составляли главной формы труда местного населения — первенствующая роль принадлежала все-таки земледелию и скотоводству. Это подтверждается весьма частыми находками различных сельскохозяйственных орудий — железных наральников, мотыг, серпов, кос и других орудий, находимых в городищах и могильниках этого времени...»¹.

Как по археологическим наблюдениям обстоит дело с домашними животными в качестве пищевого ресурса?

По данным раскопок В. И. Равдоникаса, «население Старой Ладоги уже в VIII веке питается хлебом, имеет прирученных домашних животных, мясо которых идет в пищу, живет отдельными дворами («дым»), ведет индивидуальное хозяйство. Очень показательны костные остатки животных, найденных на территории раскопа. Первое место занимала здесь свинья (42% в сборах 1938 г. и 46% в сборах 1939 г.), затем крупный рогатый скот (26% — 1938 г. и 28,1% — 1939 г.) и мелкий рогатый скот — преимущественно овцы, в меньшей степени козы (12% — 1938 г. и 14% — 1939 г.). Все эти животные употреблялись в пищу; процентное соотношение собранных костных остатков приблизительно соответствует количественному соотношению видов в составе стада. Далее мы имеем в сборах экспедиции В. И. Равдоникаса наличие лошади (4% — 1938 г. и 5,6% — 1939 г.)... Нé лишены интереса цифры, показывающие соотношение домашних и диких животных в общем количестве определенных отдельных особей. По млекопитающимся мы имеем: для сборов 1938 г.... 84,8% домашних, 15,2% диких, для сборов 1939 г.... 87,7% домашних, 12,3% диких... в известной мере приведенные цифры (в среднем 88% на домашних и 12% диких) несомненно характеризуют удельный вес домашнего скотоводства и охоты в хозяйстве ладожан IX—X вв.»².

Заканчивая обзор этих вещественных памятников, академик Б. Д. Греков приходит к выводу: «Земледельческое хозяйство и домашнее скотоводство, с ним тесно связанное, здесь подчеркнуты полностью»³.

Итак, оседлое домашнее животноводство, органически сплетенное с основой воспроизводственного процесса, то есть с земледелием, на Руси IX и X веков, не говоря уже о более поздних столетиях, отнюдь не редкость, не новинка, и не только для южной Руси, но и для ее севера и северо-востока.

¹ В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья, Киев, 1913 г., стр. 61.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь, 1953 г., стр. 46.

³ Там же, стр. 47.

Почему же у М. Н. Покровского оно редкость и новинка? Может быть, он ссылается на какие-либо другие памятники и свидетельства, подкрепляющие его точку зрения? Мы видели, что этим он себя не утруждает и, надо сказать, не напрасно, ибо таких данных нет. У М. Н. Покровского все построено на своеобразном порочном «силлогизме».

Посылка I. Скот в смысле денег на Руси означал домашних животных.

Посылка II. По Бюхеру, у каждого народа деньгами становится товар, который он сам не производит и который, таким образом, у данного народа редок.

Заключение. Скот на Руси IX—X веков был редкостью, новинкой.

Первая посылка неверна. Слово «скот» в смысле денег, эквивалента, как мы видели выше, и по «Правде Русской» и по летописям означал отнюдь не домашних животных.

Посылка вторая построена на одностороннем утверждении Бюхера. По этому поводу Маркс писал: «Однако в общем и целом два обстоятельства играют здесь решающую роль. Форма денег срастается или с наиболее важным из предметов, которые получаются путем обмена извне и действительно представляют естественно развивающуюся форму проявления меновой стоимости туземных продуктов (например, на Руси восточное серебро. *M. L.*), или же — с предметом потребления, который составляет главный элемент туземного отчуждаемого имущества, как, например, скот. Кочевые народы впервые развиваются у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме и так как образ их жизни постоянно приводит их к соприкосновению с чужими общинами и тем побуждает их к обмену продуктов»¹.

Какова цена заключению, построенному на неверной первой и односторонней, а следовательно, неполной второй посылке, понять не трудно. На таких «силлогизмах» можно ведь доказывать все, что угодно, все, что придет в голову.

Теперь о ссылке М. Н. Покровского на то, что на Руси цены предметов вычислялись в штуках скота. Такого рода показаний и свидетельств в письменных источниках нет, категорически, решительно.

Напротив, как мы видели выше, в ст. 28 «Краткой» и ст. 45 «Пространной Правды» сами штуки скота выражены как цены в гривнах, кунах, ногатах и т. п. Эти последние даже самое богатое воображение не сможет существенно истолковывать как штуки скота. Да и кто штуки скота как цены стал бы и смог бы выражать в штуках скота? То же самое и в отношении цен на всякие другие предметы. В ст. ст. 76, 79—82, 96 и других цены на мед, лоды разных типов, веревку, птицу,

¹ К. Маркс. Капитал, том I, 1949 г., стр. 95—96.

сено, дрова, хлеб, мясо, рыбу и т. д. и т. п. выражены отнюдь не в штуках скота. Как могло это пройти мимо внимания М. Н. Покровского; понять трудно.

2

Сторонником версии древнерусских денег-скота, или, принимая его словоупотребление, «скотских денег» древней Руси, является профессор доктор исторических наук Ф. Я. Полянский. Аргументация, к которой он прибегает для обоснования своей точки зрения, весьма оригинальна и своеобразна. Как и М. Н. Покровский, он не находит возможным оставаться только в чисто терминологической области, но, следуя от терминов, апеллирует к характеру древнерусского производства. «Киевская Русь была не только земледельческой,— пишет он,— но и скотоводческой страной. Естественно, что скот, как подвижная форма материального богатства, функционировал как деньги. Само собой разумеется, что функции «скотских денег» были ограниченными и, в частности, такие деньги не могли служить сокровищем. Но все-таки они использовались в качестве мерила стоимости и отчасти средства обращения»¹.

Обращаясь к производству какого-либо народа или страны, в первую очередь к ее производительным силам, и ставя перед собой задачу выяснить его характер, совершенно правильно принято из порой многочисленных отраслей производительной деятельности выделять ту, которая решающим образом определяет процесс воспроизводства материальной жизни этого народа.

В современной экономической науке в ее широком смысле слова в соответствии с этим страны классифицируются на индустриальные, аграрные и т. д. Для докапиталистических времен рубрика индустриальных стран естественно отпадает. Здесь мы имеем дело по преимуществу с охотничье-рыболовецкими, скотоводческими и земледельческими странами и народами. Рубрику древних так называемых торговых народов мы по понятным причинам не можем ставить в один ряд с приведенными.

Остаточно эта докапиталистическая классификация стран и народов сохранила в какой-то степени свое значение и в наше время. Принято говорить, что Монгольская Народная Республика является страной скотоводческой, имея в виду кочевой, пастушеский образ жизни аратов, экстенсивный характер их хозяйства. Достаточно взрослый, соприкасавшийся с экономической географией, человек будет испытывать чувство неловкости, если скажут, что и Дания является скотоводческой страной, ибо ее сильно развитое животноводство в известном смысле прямо противоположно скотоводству Монгольской Народ-

¹ Письмо от 27.IX—4.XI 1954 г.

ной Республики, и прежде всего оседлым, высоко интенсивным характером этой отрасли производительной деятельности. Недаром Дания имеет репутацию «животноводческой фермы» для ряда стран Западной Европы.

Пусть никто нас не упрекнет в том, что этими примерами мы имеем тенденцию провести, хотя и очень отдаленные, аналогии между современной Данией и древней Русью. Отнюдь нет. Мы просто приглашаем к употреблению терминов «скотоводческая страна» и «скотоводческий народ» в том смысле, в каком они употребляются в марксистской литературе, например, у Энгельса в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где всегда имеется в виду пастушество, кочевка.

Что хочет сказать проф. Ф. Я. Полянский, утверждая, что Русь «была не только земледельческой, но и скотоводческой страной»?

Как понять его?

Что может означать это утверждение?

Означает ли оно, что продукты древнерусского домашнего животноводства в такой же степени существенно, решающим образом, как и продукты земледелия, определяли или обеспечивали процесс материального воспроизводства?

При рассмотрении вопроса о характере производительных сил древней Руси выше мы уже касались этой стороны дела. Главной статьей в пищевом балансе древних руссов, покрывавшей их потребность в ресурсах питания существеннейшим образом, был хлеб. Мясо домашних животных вместе с мясом диких, вместе с рыбой не избавляли древнерусское население от голодовок при неурожае, о чем имеются многочисленные свидетельства летописей. Показаний о голодовках, связанных с массовым падежом скота, летописи не содержат. Принимая это во внимание, такое понимание его утверждения, по-видимому, исключено.

Означает ли оно, что в некоторых районах южной Руси, непосредственно граничивших с причерноморскими степными пространствами, население вело пастушеский, кочевой образ жизни и скотоводство было в этих районах той отраслью производительной деятельности, которая решала вопросы воспроизводства?

Возможность существования таких экономических районов очень вероятна. У «своих поганых», берендеев и торков, подвластных Руси, хозяйство, пока они окончательно не осели и не были ассимилированы руссами, по-видимому, было именно таким.

Но причем здесь древние руссы?

Сделаем, однако, допущение, видимых оснований для которого у нас нет. Допустим, что какая-то часть и русского населения в пристепных районах южной Руси занималась кочевым

скотоводством и последнее было решающим для процесса воспроизводства в этих районах.

Позволительно ли было бы распространять эту характеристику на все 5—7-миллионное население древней Руси? Конечно, нет.

Совершенно очевидно, что версия о скотоводческом характере хозяйства древней Руси, о скотоводческой Руси не имеет под собой никакой базы фактов, свидетельств и показаний. Ничего похожего ни на датское животноводство (интенсивность), ни на монгольское скотоводство (экстенсивность, кочевка) на Руси не было. Проф. Ф. Я. Полянскому эта версия понадобилась, так же как М. Н. Покровскому понадобилось утверждение о неразвитости домашнего животноводства и редкости скота на Руси IX—XI веков, только для того, чтобы хоть как-то обосновать мысль, инспирированную терминологически и только терминологически, о том, что скот (бык или корова) играл роль денег.

Проф. Ф. Я. Полянский, как мы видели, считает, что бык или корова или, в его словоупотреблении, «скотские деньги» древними russами «использовались в качестве мерила стоимости и отчасти средства обращения». Его единомышленником в этом вопросе выступает и проф. В. В. Иконников. Использовать какой-либо товар в качестве мерила стоимости означает положить все другие товары как цены, выраженные в этом мериле.

Где же в древнерусской исторической документации такие цены?

«А се уроци скоту» свидетельствуют ведь как раз о прямо противоположном. Везде, когда речь идет о ценах, штуки домашних животных находятся не в эквивалентной, а в относительной форме стоимости. Примеров обратного, даже в виде отдельных случаев, поддающихся хоть сколько-нибудь широкому обобщению, в древнерусской исторической документации нет, категорически, решительно. Утверждение о домашнем скоте как мериле стоимости, таким образом, неправомерно, голословно.

То же самое надо сказать и о животных как средстве обращения. Нет ни одного документа о сделках купли-продажи, где бы штуки скота выполняли именно эту функцию денег. Проф. Ф. Я. Полянский может сослаться на обычай так называемого «пополонка» или «пополика». Как известно, сущность этого обычая заключалась в том, что участники акта купли-продажи после определения цены продаваемого в деньгах (гривнах, кунах, ногатах и т. п.) не всегда, но очень часто, договаривались о придаче или наддаче сверх этой цены со стороны покупателя каких-либо вещей. Не исключительно, но безусловно чаще всего здесь фигурируют штуки домашних животных. «А пополонка лошачка бурого», или «третьяка»,

или «лоншину», или реже «шубу баарью» и проч. Никто не станет отрицать, что эти явления носят глубоко реликтовый характер, и рассматривать «лошаucha бурого» в качестве орудия обращения на этом основании никак нельзя. Мы уже не говорим о том, что и «шубу баарью» и другие вещи, фигурирующие в пополонке, пришлось бы в этом случае рассматривать так же.

3

Проф. Ф. Я. Полянский не ограничивается рассмотренной нами только что аргументацией. В защиту своей точки зрения он призывает на помощь аналогии. «Такие деньги (то есть деньги-скот. М. Л.) были известны,— пишет он,— истории многих народов. Часто счет велся на металлическую монету, а расплата производилась скотом. Так, например, у франков VI века, как показывает «Салическая Правда», солид и динарий римского происхождения служили только счетной единицей. Реально штрафы оплачивались скотом»¹.

Итак, по мнению проф. Ф. Я. Полянского, у франков штуки скота (быки и коровы и т. п.) суть деньги.

Обратимся к документам. Частью из них мы уже пользовались выше и проводить их вновь не будем. Напомним лишь, что, например, в статьях 98—100 Монгольско-Калмыцкого Устава всякого рода возмещения, штрафы и платежи выражены в штуках скота (быках, коровах, лошадях и баарах). Нет сомнения, что у монголо-калмыков скот выполнял роль всеобщего эквивалента, денег. Мы убеждены, что это не будет отрицать и проф. Ф. Я. Полянский.

В «Салической Правде», представляющей собой запись древних франкских законов, сделанную на самом рубеже V и VI веков нашей эры, всякие возмещения, компенсации, штрафы и платежи выражены в солидах и динариях, то есть римских монетах. Вот несколько иллюстраций:

«II, 4: Если кто украдет годовалую свинью и будет уличен, присуждается к уплате 120 динариев, что составляет 3 солида, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков».

«III, 3, приб. 1-е: Если кто украдет корову без теленка, присуждается к уплате 30 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков».

«VII, 1: Если кто украдет ястреба, сидящего на дереве, и будет уличен, присуждается к уплате 120 динариев, что составляет 3 солида, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков».

«XXVII, 5, приб. 2-е: Если кто воровским образом соберет чужую жатву и будет застигнут (на месте преступления), присуждается к уплате 600 динариев, что составляет 15 солидов».

¹ Письмо от 27/IX—4/XI 1954 г.
194

«XXVII, 6: Если кто проникнет в чужой сад с целью покражи, присуждается к уплате 600 динариев, что составляет 15 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков».

«XXVII, 7: Если кто проникнет с целью воровства в поле, засаженное репой, бобами, горохом или чечевицей, присуждается к уплате 120 динариев, что составляет три солида».

«XXVII, 8: Если кто похитит с чужого поля лен и увезет его на лошади или на телеге, присуждается к уплате 600 динариев, что составляет 15 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков».

«XXVII, 13: Если кто заберется в чужой виноградник красть виноград и будет застигнут, присуждается к уплате 600 динариев, что составляет 15 солидов».

«XXVII, 24: Если кто запашет чужое поле без позволения хозяина, присуждается к уплате 15 солидов».

«XXIX, 2, приб. 5-е: Если оторвет нос, присуждается к уплате 1800 динариев, что составляет 45 солидов. Приб. 6-е: Если оторвет ухо, присуждается к уплате 15 солидов».

«XXIX, 9: Если кто кастрирует свободного человека, присуждается к уплате 8000 динариев, что составляет 200 солидов. Приб. 12-е: Если же оторвет совершенно, присуждается к уплате 8000 динариев, что составляет 200 солидов».

«XXX, 5: Если кто назовет другого зайцем, присуждается к уплате 3 солидов».

«XXXIV, 2: Если кто проведет по чужому, уже взошедшему, полю борону, или проедет с телегою не по дороге, присуждается к уплате 120 динариев, что составляет 3 солида»¹.

С тем же явлением мы встречаемся и в других германских «Правдах», например:

В Бургундской, либ. конст., V, 4: «Если кто-нибудь схватит благородного человека за волосы одной рукой, пусть платит два солида, если обеими, четыре солида; сверх того штраф: шесть солидов».

В Аллеманской, ЛУП, 29: «Если вопреки закону кто-нибудь неожиданно ударит свободного человека по голове, пусть уплатит 12 солидов».

В Саксонской, 1, 7: «Если (кто-нибудь) схватит другого за волосы, пусть уплатит 120 (?) солидов или с 11 соприяжниками даст клятву (в том, что уплатит)».

Во Фризской, XII, 65: «Если кто-либо в гневе схватит другого за волосы, пусть уплатит два солида и за нарушение мира 4 солида в пользу короля»².

¹ Салическая Правда. Перевод проф. Н. П. Грацианского, М., 1950 г., стр. 14—35.

² Правда Русская, том II, 1947 г., стр. 78—79. В целом по этому вопросу см. Н. П. Грацианский. Материальные взыскания по варварским правдам. Историк-марксист, № 7, 1940 г.

Член-корреспондент Академии наук СССР Ф. И. Михалевский предостерегал: «Мы ошиблись бы, если о степени распространения денег в рассматриваемую эпоху (речь идет о раннем феодализме. *M. L.*) судили бы по тому, как часто в законодательных актах эпохи фигурируют денежные платежи. Последние вряд ли производились, как правило, в денежной форме»¹.

Это безусловно верно. Помимо общих соображений о глубоконатуральной основе производства германцев, для этого имеются прямые документальные основания. Необходимо решительно сказать, что большая часть штрафов и налогов погашалась не солидами и динариями, а, как говорит Ф. И. Михалевский, — «натурой по денежным расценкам»².

Что это за натура?

«Рипуарская Правда» под титулом XXXVI гласит: «Если кто будет платить вергельд³, быка рогатого, зрячего и здорового пусть отдаст за два солида. Корову рогатую, зрячую и здоровую — за 3 солида. Коня зрячего и здорового — за 12 солидов. Кобылицу зрячую и здоровую — за 3 солида. Меч с ножнами — за 7 солидов. Меч без ножен — за 3 солида. Броню исправную — за 12 солидов. Щит с копьем — за 2 солида. Ястреба неприрученного — за 3 солида. Ястреба прирученного — за 6 солидов»⁴.

В политике Ирминона, аббата монастыря св. Германа — близ Сен-Жермена, а теперь на территории Парижа, указывается: «Ад хостем (военный налог) взимается по двум названиям — хостиликум и карнатикум... Когда взимаются в полном размере, равняются половине быка, или 4 овцам, или же четырем солидам»⁵.

«Единственная повинность, — пишет по этому поводу Ф. И. Михалевский, — которая в политике действительно фигурирует преимущественно в денежной форме, притом не в динариях, а в солидах, — это военный налог (ад хостем). Однако и по отношению к этому налогу встречаются оговорки о замене денег баранами, частями быков. Часто платежи обозначаются «солидами в зерне или в каком предмете может»⁶.

Итак, быки и коровы, кони и кобылицы, мечи с ножнами и без них, брони, щиты с копьями, ястребы неприрученные и прирученные, овцы, баараны, зерно и вообще «в каком предмете может».

¹ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. Деньги в феодальном хозяйстве, т. I, 1948 г., стр. 16.

² Там же.

³ Штраф по преимуществу за убийство.

⁴ Салическая Правда, М., 1950 г., стр. 13.

⁵ Н. П. Грацианский. Политик Ирмилона.

⁶ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. Деньги в феодальном хозяйстве, т. I, 1948 г., стр. 16.

Все это зафиксировано в документах, носящих («Правды») характер законов. «Но даже там, где этого нет, несомненно, допускались платежи натурой по денежным расценкам», — замечает вполне справедливо Ф. И. Михалевский¹. Перечень на- туры, фактически вносившейся вместо денег, был, таким об- разом, куда шире и многопредметнее. На это, впрочем, пре-дельно четко указывает «в каком предмете может».

В связи с этим сделаем небольшое отступление от основной нити изложения. Мы приводили выше статью 45 «Пространной Правды», «а се уроци скоту». Толкование ее доставило немало хлопот многочисленным комментаторам. Напомним, что заключительная часть статьи такова: «то ти уроци смердом, оже платять князю продажю»². Переводчики на современный русский язык обрабатывают эту часть следующим образом. Болтин: «Се суть цены постановленные поселяном, по коим взыскивать с них пеню на князя». Платонов: «Сии цены поста-новляются для земледельцев, которые они должны платить в пеню на князя». Сторожев: «Вот урочные цены, которые взы-скиваются в пользу потерпевших за украденный скот, вместо поличного, когда воры будут простые свободные люди, которые платят князю продажу»³.

В условиях глубоконатурального хозяйства древней Руси экономическая, и притом настоятельная, необходимость принимать в счет всякого рода денежных платежей натурку представляется совершенно бесспорной. Не ближе ли всех к истине Болтин? Не следовало ли перевод сделать так: «Это цены, по которым скот принимается от смердов при уплате денежных штрафов князю». Впрочем, решающее слово здесь должно быть предоставлено специалистам-герменевтам.

Вернемся к основной нити. Верно ли утверждение проф. Ф. Я. Полянского, что у салических франков «реально штрафы оплачивались скотом»? Из приведенных нами материалов совершенно ясно, что они погашались далеко не одним скотом, а даже к то чм может. Исключительность и всеобщность для скота, таким образом, отпадает.

Далее. Проф. Ф. Я. Полянский, ссылаясь на «Салическую Правду», утверждает, что «часто счет велся на металлическую монету». В этом документе нет ни одной статьи, в которой счет велся бы не на металлическую монету, не в солидах и дина-риях.

Проф. Ф. Я. Полянский, далее, утверждает, что эти монеты у салических франков «служили только счетной единицей». (Разрядка наша. М. Л.) Что может означать это неосторож-ное «только»?

¹ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. Деньги в феодальном хозяйстве, т. I, 1948 г., стр. 16.

² Правда Русская, том II, 1947 г., стр. 396.

³ Там же, стр. 396—397.

«Превращение товара в счетные деньги в уме, на бумаге или на словах,— указывает Маркс,— происходит всякий раз, когда какой-нибудь вид богатства оценивается с точки зрения меновой стоимости. Для этого необходим золотой материал, но лишь представляемый». Счетные деньги — мерило стоимости, мысленно представляемые, идеальные деньги.

Исходя, однако, только из самого элементарного: «идеальное есть материальное, отраженное и переработанное в человеческой голове», проф. Ф. Я. Полянский не сможет отрицать, что, прежде чем попасть в головы салических франков, солид и динарий должны были находиться вне этих голов, быть сначала осязаемыми, зримыми, на худой конец, они должны были о них слышать от тех, кто их видел и осязал. Короче говоря, прежде чем стать идеальными, счетными, солид и динарий должны были быть реальными. Разве не ясно, почему монголо-калмыки не выложили штрафы в своем Уставе в солидах и динариях?

Есть ли в «Салической Правде» статьи, где солид и динарий с необходимой ясностью подразумеваются не только как мысленно представляемые, счетные, идеальные? Есть.

Мы имеем в виду параграф I раздела XLIV о Рейпусе. Он гласит: «По обычаю следует, что (если) человек, умирая, оставит вдову, и кто-либо пожелает ее взять, то, прежде чем он вступит с нею в брак, тунгин или центенарий должен назначить судебное заседание, и на этом заседании должен иметь при себе щит, и три человека должны предъявить три иска. И тогда тот, кто хочет взять вдову, должен иметь три равновесных солида и один динарий. И должны быть трое, которые взвесят его солиды, и если после этого будут согласны, он может взять (вдову замуж)»².

Во всей этой процедуре ясно подразумеваются отнюдь не идеальные, а реальные солиды. Но дело, разумеется, не только и не столько в показаниях этого раздела.

Член-корреспондент Академии наук СССР Ф. И. Михалевский по этому поводу писал: «Конечно, для того, чтобы благородные металлы могли стать мерой стоимости и средством обращения, необходимо наличие в обращении известного количества денег... Не следует, однако, забывать, что ни одна из функций денег не могла бы развиваться в той или иной мере, а следовательно самое наличие денег как таковых не могло бы иметь места, если бы деньги совершенно не служили средством обращения, то есть если бы за деньги нельзя было приобрести те или иные ценности, если бы деньги не служили орудием обмена»³.

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, 1949 г., стр. 64—65.

² Салическая Правда, 1950 г., стр. 44.

³ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. Деньги в феодальном хозяйстве, т. 1, 1948 г., стр. 17.

Мы не будем здесь приводить общеизвестные факты чеканки золотых и серебряных монет меровингами и каролингами. Нумизматические памятники этих времен свидетельствуют об этом со всей неопровергимостью. Чеканные монеты при всей их редкости в обществе салических франков, а эта редкость вполне соответствовала тому, что лишь незначительная часть продуктов труда принимала товарную форму, были, вопреки мнению проф. Ф. Я. Полянского, не только счетными, но и реальными деньгами. Древним германцам они были известны задолго до образования франкского государства. Еще Тацит писал о них: «...те из германцев, которые к нам живут поближе, вследствие торговых сношений, более дорожат золотом и серебром, и некоторые виды наших монет научились узнавать и отдавать им предпочтение»¹.

Итак, у монголо-калмыков скот — это всеобщий эквивалент, деньги. По мнению проф. Ф. Я. Полянского, у салических франков скот тоже всеобщий эквивалент, деньги. Достаточно в сущности самых общих представлений о характере производительных сил тех и других, чтобы прийти к бесспорному заключению, что одно из этих двух утверждений должно, ошибочно.

Рассмотренные нами материалы показывают, что ошибочно мнение проф. Ф. Я. Полянского. Ведь, если он будет логически последовательным, ему придется объявить деньгами салических франков и ястребов, и мечи, и щиты, и копья, и зерно, и все остальное «в каком предмете может». Если прибегать к аргументу самоподвижности, то разве она у прирученного ястреба хуже, чем, скажем, у быка или коровы?

Само понятие денег при таком образе суждений, четкая граница между деньгами с их всеобщей и непосредственной обмениваемостью и остальной товарной чернью, лишенной этого качества, рассеивается, расплывается в тумане неопределенностей. Чернь вообще исчезает, все становится деньгами, все кошки серыми. О какой дисциплине понятий в таких условиях может идти речь?

4

Если согласиться с проф. Ф. Я. Полянским, что в эпоху европейского раннего феодализма скот был деньгами, а, следовательно, всякие взносы, платежи и приношения сюзерену скотом были взносами, платежами и приношениями денежными, то ведь придется подвергнуть реконструкции, ныне весьма отчетливые, категории двух форм феодальной ренты, а именно, натуральной (продуктовой) и денежной. Все изъятия прибавочного продукта скотом придется отнести к ренте денежной, а не натуральной.

Впрочем, разве можно переделкой отражения переделать отражаемое?

¹ Соч. П. Корнелия Тацита, I. M., 1870 г., стр. 231.

Так обстоит дело с попытками для обоснования версии древнерусских денег-скота привлечь аргументы по аналогии. Аналогия оказалась совершенно несостоятельной просто потому, что у салических франков скот и всякая другая «нatura», принимавшаяся в платежи, не играли роли денег, не были деньгами. Скот был натурой, а не деньгами, в противоположность им.

Любопытно следующее обстоятельство. Книга проф. Ф. Я. Полянского «Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма», на которую мы уже ссылались выше, была подписана к печати 16. I 1954 г. По рассматриваемому вопросу в ней можно прочитать, что во времена салических франков деньги были большой редкостью и что штрафы по постановлениям «Салической Правды» «на самом деле выплачивались натурой и прежде всего скотом»¹. (Подчеркнуто нами. М. Л.) По контексту совершенно отчетливо видно, что не деньгами, а «натурой и прежде всего скотом». И это совершенно правильно, точно.

Не прошло и года, как проф. Ф. Я. Полянский стал утверждать нечто прямо противоположное. В письме от 27/IX—4/XI 1954 года, как мы видели выше, он указывает, что «такие деньги (то есть деньги-скот. М. Л.) были известны истории многих народов...» и далее по контексту — они имели место и у салических франков.

Что заставило проф. Ф. Я. Полянского отказаться от своей прежней, совершенно правильной, точки зрения — остается неизвестным. О взглядах же ученого на тот или иной вопрос принять судить по высказываниям, которые во времени сделаны последними.

Взносы, платежи и приношения натурой, в том числе и скотом, а не деньгами, свидетельствуют о натуральнохозяйственной основе франкского производства, о слабом развитии, а в некоторых местах государства салических франков о зачаточном характере товаро-денежных отношений. Ф. И. Михалевский в связи с этим совершенно справедливо указывает: «В доказательство широкого развития товаро-денежных отношений Допш ссылается на те случаи, когда допускались факультативные платежи (в натуре или деньгами). Для всякого непредубежденного исследователя ясно, что такие платежи как раз свидетельствуют об обратном, а именно о том, что товаро-денежные отношения не достигли еще широкого развития, что превращение продукта в товар носит еще характер исключения, а не правила. При несомненно существовавшей уже в общественных верхах жажде денег такие факультативные ставки платежей должны были практиковаться во всех тех случаях,

¹ Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма, 1954 г., стр. 35.

когда превращение продукта в деньги не было совершенно исключено»¹.

И сам проф. Ф. Я. Полянский правильно указывает: «Наличие обмена, торговли зерном, вином, яйцами и т. п., наличие ярмарок в VIII веке ни в коей мере не может служить аргументом в защиту тезиса Допша о капиталистической организации производства в каролингском поместье. Как указывал Маркс, меновое хозяйство отнюдь не противоречит натуральному хозяйству (см. К. Маркс. Капитал, том II, Госполитиздат, 1951, стр. 113), даже там, где «...подавляющая масса продуктов, предназначенная для собственного потребления, не превращается в товары...» (К. Маркс. Капитал, т. I, 1951, стр. 176), может существовать товарное производство и товарное обращение»².

5

Проф. Ф. Я. Полянский в полемике упрекает нас в следующем. «Автор игнорирует,— пишет он,— значение терминологии. Она живучая и характеризует реальные явления»³.

Этот упрек брошен в наш адрес за утверждение, что древнерусский термин «скот» в его вторичном значении всеобщего эквивалента, денег вовсе не «характеризует реальные явления», является терминологическим пережитком, речевым реликтом, короче, что скот (бык или корова) на Руси уже не выполнял роли денег. Проф. Ф. Я. Полянский придерживается противоположного мнения: скот в смысле денег означает быка или корову, как термин не является реликтом и характеризует реальные явления.

Наличие терминологических пережитков в человеческой речи вообще он, однако, не отрицает, признает. Освещая, например, вопрос о характере монастырского поместья в конце первой четверти IX века в королевстве франков, он пишет: «Франкский крестьянин, хотя и называется иногда «колоном» и «свободным», на деле уже тогда потерял свободу; название «свободный манс» являлось в это время терминологическим пережитком»⁴.

Оказывается, термин «свободный манс» вовсе не «характеризует реальные явления»! И это безусловно верно.

Задача нашей работы — доказать, что деньги на Руси, хотя и обозначались иногда словом «скот», но на деле домашние животные этой роли уже не играли; название «скот» являлось в это время терминологическим пережитком.

¹ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. Деньги в феодальном хозяйстве, т. I, 1948 г., стр. 19—20.

² Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма, 1954 г., стр. 57—58.

³ Письмо от 27. IX — 4. XI 1954 г.

⁴ Только что названная книга Ф. Я. Полянского, стр. 69.

Ведь нельзя же допустить мысль, что франки монополизировали право на терминологические пережитки!

В отношении терминологии все наши усилия направлены к тому, чтобы следовать указаниям академика Б. Д. Грекова, которые мы приводили выше¹. Простой пример. Вот в современном русском языке существует слово «продажа» с определенным и ясным, вторичным, смысловым содержанием, а именно: это акт отчуждения собственности за денежный эквивалент. Сможет ли кто-нибудь, вооружившись этим термином в его современном вторичном значении, правильно понять ряд статей «Правды Русской» и летописных текстов, где он также встречается с «продажей»? Конечно, нет. Почему? Просто потому, что в древнерусском языке этот термин наполнен другим, первичным, ничего общего с современным не имеющим смысловым содержанием. Там это штрафы, взыскиваемые со смердов в пользу князя. Можно как угодно вертеть эту древнерусскую «продажу», ставить ее во все падежи и числа и т. д. и т. п., но проникнуть в ее первичный смысл таким путем не удастся.

Что же делать?

Надо, как указывает академик Б. Д. Греков, идти не от терминов к выяснению фактов и явлений общественно-производственной, материальной жизни изучаемой эпохи, а наоборот от последних и из последних — к объяснению терминов, от содержания — к форме. Этот путь, очевидно, противоположен житейскому, обыденному, когда мы с младенческих лет, сталкиваясь прежде всего с формой, следуем от нее к содержанию. Для научного исследования, если оно хочет быть научным, этот младенческий путь совершенно не пригоден. Только путь следования от содержания к форме, в данном случае речевой, может избавить от риска и опасности терминологического пленения и неизбежного при этом изобретательства и выдумывания таких «явлений» и «фактов», которых объективная историческая действительность изучаемой эпохи не знала.

Конечно, и младенческий путь рано или поздно, с большими или меньшими муками познания и издержками в виде заблуждений, приведет и приводит нас к истине. Научный путь, очевидно, потому и научный, что он экономичнее.

Профессор Ф. Я. Полянский прав, заявляя, что терминология живуча. В каком смысле? Только в следующем. Язык развивается медленнее, чем условия общественно-производственной, материальной жизни. В процессе развития языка происходит отмирание одних речевых форм и нарождение новых. Не все старые речевые формы, термины окончательно, начисто сдаются в архив, предаются забвению (например, гобино). Огромная часть их продолжает жить, утилизируется языком путем наполнения их новым содержанием, новым смыслом, соот-

¹ См. выше, стр. 170.

ветствующим изменившимся условиям общественной жизни. Мы только что видели, что «продажа» как термин настолько живучा, что не умерла, живет. То же самое, например, гость, задница, подлый, пошлый, торжественный, похожий и т. д. и т. п. Таких примеров можно привести тысячи, десятки тысяч. Такого рода реликтовыми явлениями, терминологическими пережитками наполнен язык каждого народа.

Терминологической темы мы уже касались и вернулись к ней, допустив, естественно, повторение некоторых мыслей только потому или для того, чтобы парировать удары нашего уважаемого оппонента.

6

Резюмировать эту главу можно так. В ходе нашей критики взглядов и аргументов тех сторонников версии древнерусских денег-скота, которые делают попытки подкрепить свою точку зрения путем апелляции к фактам древнерусского общественного производства, привлекает внимание следующее любопытное явление.

Ф. Я. Полянский и М. Н. Покровский, как мы видели, в рассматриваемом вопросе являются единомышленниками. И тот и другой считают, что в древней Руси скот (бык или корова) выполняли роль денег, что термин «скот» в его вторичном значении денег не речевой пережиток, что он, говоря словами Ф. Я. Полянского, «характеризует реальные явления». И тот и другой отправляются от термина. Своей общей, терминологически инспирированной точке зрения каждый из них стремится найти опору в древнерусском производстве, в его характере.

И что же? Оба «находят» в «фактах» и «явлениях», совершенно противоположных, друг друга взаимоисключающих.

М. Н. Покровский изобретает, по крайней мере для IX—XI столетий, чрезвычайную редкость скота на Руси. Ничтоже сумняшееся, он рассуждает так: вот, мол, есть историки, которые утверждают, что скота на Руси было много. Ничего подобного. Наоборот. Уже одно то, что термин «скот» означал деньги, говорит, спрашивайтесь у Бюхера, что домашние животные были редкостью.

Ф. Я. Полянский конструирует нечто прямо противоположное. Ему понадобилось преувеличить роль животноводства и объявить его сердцевиной древнерусского производства и воспроизводства наряду с земледелием, а Русь — не только земледельческой, но и скотоводческой страной.

Как довериться, положиться на точку зрения, которую пытаются обосновать, покоясь на опорах взаимоисключающих, друг друга разрушающих? Дело здесь все в том, что опоры эти надуманные. В древнерусской исторической действительности фактов и явлений, на которые пытаются опереться М. Н. Покровский и Ф. Я. Полянский, не было. На небылицах, очевидно, можно строить только небылицы.

ВЕРСИЯ И ДОРУССКОЕ ПРОШЛОЕ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

Итак, в IX—XII веках термин «скот» в его вторичном значении в древнерусском языке представлял собой пережиточное явление.

Не существует ли возможностей, не теряя достаточно ясной этнической нити, нашупать то время, когда он не был пережитком? Может быть, этап в процессе развития производства предков русских славян, на котором скот (бык или корова) играл роль денег и термин отражал реальное положение вещей, в исторической ретроспективе не так далек?

Мы говорим: «не теряя достаточно ясной этнической нити» потому, что всякое иное, в отвлечении от этого, решение не представляло бы для нас интереса, не обладало бы силой доказательности.

Наше критическое рассмотрение версии древнерусских денег-скота нельзя было бы считать исчерпывающим и законченным, если бы мы не заглянули в это дорусское прошлое в жизни восточного славянства.

Рубеж между дорусским и русским периодами в истории Восточной Европы мы понимаем в обычном, ставшем традиционным, смысле, а именно: это середина IX века. Такое понимание является не совсем точным. На севере русский период начался несколько позднее. Северная и северо-восточная часть восточного славянства, то есть Смоленская, Полоцкая, Новгородская, Ростово-Суздальско-Владимирская земли стали именоваться «Русью» со второй половины X столетия. Первоначально «Русью» назывались только земли среднего Поднепровья с Киевом во главе, заселенные южной частью восточного славянства.

Итак, отправимся в эту глубь веков.

ГЛАВА XII

ПРОИЗВОДСТВО АНТОВ

1

Начнем с юга. «Вещественные памятники свидетельствуют,— пишет Б. А. Рыбаков,— что культура, созданная... антскими племенами, послужила основой для Киевского государства, для богатой и яркой культуры Киевской Руси... Киевские князья X века говорили на том же языке, что и анты в VI веке, верили в того же Перуна, плавали на тех же «моноксилах» и по тем же старым антским путям... Анты — не только предки

восточных славян, но и создатели всей их культуры¹. Такова точка зрения археолога-историка.

«VI—VII века,— пишет академик Б. Д. Греков,— это время выявления собственной оригинальной восточнославянской, иначе антской, или русской, культуры. С этого времени восточные славяне в письменных источниках именуютсяантами, а один из сирийских писателей, Захарий, называет их «рос». Весьма вероятно, что один из правых притоков Днепра, носящий имя Рось, связан с названием народа — рос. На эти предположения наводят и археологические факты: именно в Поросье найдено наибольшее количество антских вещей. Именно здесь, в стране чернозема, в полосе перехода леса к степи, имелись налицо условия для более быстрого роста культуры по сравнению с северной лесной полосой... Тут позднее мы застаем славянские племена полян, уличей (до их переселения на юго-запад) и северян»².

Мысль о тождестве антов и росов-руси академик Б. Д. Греков повторяет не раз. «Начиная с VI века памятники позволяют говорить более определенно,— пишет он,— о характере собственной и в достаточной степени определившейся культуры восточного славянства, известного с этого времени под именем антов-руси. В этот же период анты-русь входят в непосредственное общение с Византией и народами Востока и завязывают с ними постоянное общение»³.

Эту господствующую в нашей исторической науке точку зрения в основном разделяет и археолог-историк П. Н. Третьяков, предлагающий, однако, к ней весьма существенный и, на наш взгляд, веско аргументированный корректив. «Против такого решения вопроса,— пишет он,— если он решается в самой общей форме, возражать, конечно, не приходится. Мнение Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова основано на прочном фундаменте фактических, прежде всего археологических, данных. Жизнь и культура Руси IX—XI вв. действительно были переполнены совершенно отчетливыми и непосредственными отзывами антского прошлого. Мало того, в антской культуре, кажется, не было таких черт, которые в том или другом преломлении не были бы представлены в Киевское время. И тем не менее приведенное выше мнение,— продолжает П. Н. Третьяков,— не вполне соответствует истине, оно нуждается в некоторых коррективах»⁴.

Что это за коррективы? Общее у антов и росов-русов — это прежде всего их славянство, а следовательно, и язык. Ниже мы увидим, что тем и другим в одинаковой мере присущи оседлый образ жизни и земледельческая основа их производства. При

¹ Вестник Древней Истории, 1939 г., I, стр. 337.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь, 1953 г., стр. 373.

³ Там же, стр. 383.

⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 1953 г., стр. 211.

всем этом П. Н. Третьяков не находит возможным их отождествлять. Анты и росы-русы — это не два различных наименования для одного и того же явления. Разделяет их пространство, а как активную, ведущую политическую и военную силу на восточноевропейской равнине — и время.

П. Н. Третьяков считает, что анты — юго-западная часть восточного славянства, а росы-русы — его юго-восточная часть. Первые занимали в качестве своей основной территории междуречье Днепра и Днестра и Прикарпатье, вторые — междуречье Днепра и Дона в его лесостепной части. Взаимодействовали, взаимопроникали и соседили они друг с другом в Среднем Поднепровье. О территории росов-русов П. Н. Третьяков пишет: «Именно здесь, где-то на Днепре и на Дону, обитали когда-то росомоны Иордана. На северо-западе от Нижнего Дона в 555 году, то есть в антскую эпоху, *hros* были известны Псевдо-Захарию, о чём уже упоминалось выше. Росомоны и *hros* — это племена неизвестные, теряющиеся на границах сарматского мира, но какими-то запутанными нитями несомненно связанные с росами — Русью IX века»¹.

Свои корректизы П. Н. Третьяков обосновывает следующими фактами. Византийские источники четко отличают антов от росов-русов во времени и пространстве. Последние как «северная и страшная гроза» появляются на два с лишним столетия позднее. Пути их походов на Южное Причерноморье в отличие от антов пролегают не только по Днепру, но и по Дону, через Меотиду и далее вдоль крымского побережья².

Древняя топонимика юго-востока лесостепной полосы Восточной Европы особенно насыщена этнонимом «рос»³.

Общеизвестны знаки княжеской собственности в древней Руси, хорошо исследованные Б. А. Рыбаковым⁴. Привлекая фактический материал из статьи проф. С. П. Толстова «Из предыстории Руси»⁵, П. Н. Третьяков приходит к выводу, что, «прежде чем попасть на «Владимирово серебро» или на кирпичи Десятинной церкви, эти знаки имели длительную историю в Северном Причерноморье и, что особенно интересно, — не в западной, а именно в восточной его части... Уже давно было отмечено, что знаки боспорских аспургианов, в частности знак Савромата II, напоминает тамгу киевских князей... В статье С. П. Толстова приведены многочисленные и при этом совершенно бесспорные параллели тамге киевских князей, среди знаков, происходящих из Средней Азии — из Хорезма, Согдианы

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 1953 г., стр. 214.

² Там же, стр. 212—213.

³ Там же, стр. 208.

⁴ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси, С. А. VI.

⁵ С. П. Толстой. Из предыстории Руси.— Сб. «Советская Этнография», VI—VII, 1947 г., стр. 39 и след.

и других областей — и относящихся к различным столетиям. I тысячелетия н. э.»¹.

П. Н. Третьяков не считает возможным конструировать ряды генетических связей между этими знаками и лишь констатирует, по-видимому, бесспорный факт, что к киевским князьям их знаки собственности пришли из юго-восточной, а не юго-западной части восточного славянства, от росов, а не от антов.

Свои поправки к господствующей точке зрения на рассматриваемый вопрос П. Н. Третьяков резюмирует так: «Таким образом, на основании различных данных становится очевидным, что анты и древние росы — это действительно не одно и то же. Росы локализовались на Днепре и на восток от него, в отдалении от основных антских центров. В VI—VII веках, в период Балканских войн, росы, несомненно, существовали, но оставались в тени, хотя, очень вероятно, они и входили в состав антского объединения, о чем говорят византийские вещи, найденные в левобережье, и сообщение Прокопия Кесарийского о том, что анты жили и к северу от утургуротов — гунно-болгарских племен, кочевавших в приазовских степях. В VI—VIII вв., когда к активной политической жизни приобщились не только юго-западные и южные, но и все другие восточнославянские племена, росы возглавили их, как ведущая политическая и военная сила. На исторической сцене северного Причерноморья они выступили не менее грозно, чем двумя-тремя столетиями раньше отметили свое появление на Дунае анты и склавины. Анты и росы-русы — это как бы две волны вступающего в политическую историю восточного славянства: первая — охватившая преимущественно юго-западную часть славянских племен восточноевропейской равнины и вбиравшая в себя лишь отдельные восточные и северные элементы, и вторая — более могучая, возглавляемая росами и представляющая сначала юго-восточные славянские племена, а позднее и всю огромную массу восточных славян»².

За этническое и территориальное значение термина «Русь», его происхождение из среднего Поднепровья и последующее постепенное распространение на все древнерусское государство высказывался и М. Н. Тихомиров³.

Итак, анты и росы-русы — это южная часть восточного славянства, первые — ее западное крыло, вторые — крыло восточное. Место стыка между этими славянскими племенами или объединениями племен, корпус, несомый этими крыльями, — это среднее Поднепровье. В VII—VIII веках росы-русы, все более выдвигаясь на положение ведущей политической и военной силы, включили в себя и потомков антов. В VI, V, IV,

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 1953 г., стр. 216.

² Там же, стр. 217.

³ Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». «Советская Этнография», VI—VII, 1947 г.

и далее вглубь, веках положение такой силы занимали анты, включавшие в свое объединение и росов-русов.

Археологическая наука в составе лесостепных вещественных памятников первых восьми столетий нашей эры не выделяет отдельно памятники антов, с одной стороны, и росов — с другой. Причиной этому является, во-первых, то, что свои корректиды П. Н. Третьяков высказал совсем недавно, а, во-вторых, на наш взгляд, такое выделение сделать, пожалуй, и невозможно, по крайней мере в приемлемо отчетливой форме. Этому препятствует большое число очень важных и притом совершенно одинаковых черт в производственном облике тех и других, не говоря уже об их славянстве и общем языке, что нами уже отмечалось выше.

На север от Азовского моря,— сообщает Прокопий Кесарийский,— «сидят бесчисленные народы антов». Другие авторы также называют их «бесчисленными» и «многочисленными». Еще каких-либо данных о численности антов и росов мы в письменных источниках почерпнуть не можем. Византийские источники, естественно, составляли себе представление о численности этих племен по тем вооруженным силам, которые из северного Причерноморья обрушивались на империю.

Еще не так давно культура антов и росов в археологической науке связывалась с памятниками городищ роменско-борщевского типа¹. Однако в последние годы число сторонников этой точки зрения все более сокращается. Общепризнанным и господствующим становится мнение, связывающее эту культуру с памятниками «поля погребений» черняховского типа. Этого мнения придерживаются Б. Д. Греков², М. Ю. Брайчевский³, П. Н. Третьяков⁴ и ряд других историков и археологов.

«Поля погребений» еще в конце прошлого века открыл и начал изучать В. В. Хвойка. «В настоящее время остатки черняховской культуры,— сообщает П. Н. Третьяков,— обнаружены более чем в трехстах пунктах. На Днепре они имеются по обоим берегам реки, начиная от устья Десны на севере и до порожистой части Днепра на юге. В западном направлении «поля погребений» днепровского облика и соответствующие им остатки поселений идут широкой полосой к верхнему течению Днестра, захватывая среднее и верхнее течение Буга, верховья Случи и верховья Горыни. На востоке они имеются по Суле, Пслу и Ворскле, достигая местами берегов Донца»⁵.

¹ Например: Б. А. Рыбаков. Вестник Древней Истории, 1939 г., 1, стр. 322 и др. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. Материалы и исследования по археологии СССР, № 8, 1948 г., стр. 12.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь, 1953 г., стр. 519.

³ Археология, том VII, 1952 г., стр. 23. (На украинском языке).

⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М., 1953 г., стр. 157.

⁵ Там же, стр. 157—158.

Вместо принятой ранее датировки этой археологической культуры II—V веками нашей эры М. Ю. Брайчевский на основе новых данных археологической науки считает необходимым заключающую дату перенести «на VI, а то и на начало VII ст. н. э., тем более, что памятники VII—VIII ст. ст. типа Пастерского городища, Ягнятинского кургана, Луцка, Виткова, Гнидави, Липы и др. чрезвычайно сходны с памятниками культуры полей погребений черняховского типа»¹.

Какие же выводы о характере производительных сил антов и росов делает историческая наука из всех этих вещественных памятников и письменных свидетельств?

Б. Д. Греков считает, что «у славян этого периода господствует пашенное земледелие и оседлое скотоводство»². М. Ю. Брайчевский находит, что «хлеборобский характер хозяйства антов ни у кого не вызывает сомнений»³. «Нет никакого сомнения в том, что у антов... — пишет П. Н. Третьяков, — господствовало развитое пашенное земледелие, знакомое не только с ралом, но и с большим и тяжелым плугом, влекомым парой, а может быть, и двумя парами волов, несущих ярмо»⁴.

Основания для такого рода выводов весьма тверды. Это частоходимые на поселениях и городищах железные лемехи и серпы⁵, железные «чресла»⁶ от массивного плуга⁶ и другие орудия сельскохозяйственного производства.

Эти выводы находят подтверждение и со стороны письменных источников. Маврикий Стратег о славянах своего времени писал следующее: «У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах (скирдах?), в особенности проса и пшеницы»⁷.

В антских землях «существовала прочная оседлость», — пишет П. Н. Третьяков⁸. «...Анти були осілим народом», — считает М. Ю. Брайчевский⁹. Мнение Б. Д. Грекова об оседлости антов мы уже привели выше. Такого же мнения придерживается и Б. А. Рыбаков¹⁰.

Остеологический инвентарь городищ и поселений свидетельствует, что анты и росы занимались также охотничим промыслом и рыболовством. Нет, однако, никаких оснований для

1 Археология, том VII, 1952 г., Киев, стр. 23. (На украинском языке).

2 Б. Д. Греков. Киевская Русь, 1953 г., стр. 519.

3 Археология, том VII, 1952 г., Киев, стр. 24. (На украинском языке).

4 П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 1953 г., стр. 166.

5 Археология, IV, Киев, 1950 г., стр. 15—16 в статье В. И. Довженок.

6 И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного левобережья, С. А. XIII, 1950 г.

7 Цитируется по П. Н. Третьякову. Восточнославянские племена, 1953 г., стр. 165.

8 Там же, стр. 162.

9 Археология, VII, Киев, 1952 г., стр. 24.

10 Вестник древней истории, 1939 г., стр. 325.

того, чтобы этим отраслям производительной деятельности придавать характер решающих для процесса воспроизведения. Равным образом нет никаких прямых или косвенных указаний об общественном разделении труда между сельским хозяйством, с одной стороны, и охотой и рыболовством — с другой, разделении, которое осуществлялось бы через связи товарного обмена.

Совершенно иную картину рисуют нам историки и археологи, резюмируя изучение вещественных памятников ремесленного производства рассматриваемой поры.

«Культура полей погребальных урн... распространенная на обоих берегах Среднего Днепра,— пишет Б. А. Рыбаков,— знает ряд сложных производств. Помимо обработки железа и меди, появляется искусство выемчатой эмали (особый днепровский вариант общеварварских эмалей), появляется гончарный круг и производство черной лощеной посуды, обжигаемой в специальных горнах римского типа, совершенствуется обработка кости (пропиленные гребни и друг. изделия). Все эти производства связаны с выделением специалистов-ремесленников, которое произошло в IV—V вв. н. э.»¹.

Последующие столетия, VI и VII, представляются Б. А. Рыбакову под знаком некоторой деградации. По его мнению, к этому времени исчезает римская провинциальная культура приднепровских областей, исчезает, как и повсеместно в Европе V в., производство выемчатых эмалей, исчезает гончарный круг. Этот временный упадок может быть связан с нашествием гуннов. Ремесленный характер сохранило лишь ювелирное производство...»². Впрочем, автор считает, что ремесло VI—VIII вв. стояло в приднепровье на довольно высоком техническом уровне «и могло служить основой для складывавшегося в это время государственного образования»³.

Письменные источники не содержат никаких указаний о существовании в землях антов и росов городов, которые являются наиболее отчетливым выражением и продуктом процесса отделения ремесла от земледелия и вместе с тем процесса выделения из патриархального ремесла товарного производства. Исключение в этом отношении представляет уже упоминавшееся выше сообщение, приводимое В. Г. Васильевским и Б. Д. Грековым, о существовании в земле росов, где-то в устье Дона, города Росиа, который они связывают с полулегендарной Артанией, позднее Приазовской или Причерноморской Русью⁴.

Отсутствие такого рода свидетельств привлекло внимание П. Н. Третьякова, который в связи с этим пишет: «Указывая

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, 1948 г., стр. 118—119.

² Там же.

³ Там же, стр. 115.

⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь, 1953 г., стр. 443 и 447.

на отсутствие городов... в антских землях, Иордан исходил, несомненно, из представления о византийском городе. Городов наподобие Фессалоник, Томи или Херсонеса у славянских племен начала и середины I тысячелетия нашей эры, конечно, не существовало. Но, судя по археологическим данным, более скромные городские поселения — города-торжища, центры сопредотечения ремесла и торговли, в античную эпоху уже начали зарождаться. К ним относилось уже не раз упоминавшееся Пастерское городище, где были встречены многочисленные следы обработки металлов. Здесь жили кузнецы, ювелиры, резчики по кости и гончары. Из железа, добываемого из болотных руд, ими выделялись различные орудия сельского хозяйства, инструменты и оружие. Из цветных металлов — меди, бронзы, серебра и золота, привозимых из других стран, изготавливались разнообразные предметы убора и украшения: пряжки, застежки, фибулы, браслеты, перстни, серьги и т. д., составлявшие в то время излюбленную принадлежность не только женского, но и мужского костюма¹.

П. Н. Третьяков, далее, подмечает одно очень важное явление, это — «поразительное», по его словам, однообразие изделий ремесленного производства — гончарного, ювелирного и других, наводящее на мысль о стремлении ремесленников к массовому стандартизованному производству, следовательно, к производству, рассчитанному на продажу. П. Н. Третьяков отвергает ранее распространенное среди археологов мнение об исчезновении в середине тысячелетия гончарного круга. В гончарных изделиях VI—VIII веков на левобережье он фиксирует «особенности, свойственные керамике северного Кавказа и салтово-маяцких городищ бассейна Донца»².

Украинский археолог-историк М. Ю. Брайчевский по рассматриваемому вопросу делает следующие выводы. Имея в виду кузнечное и гончарное производство, он утверждает, что у «антов I—II столетий н. э. ремесло уже отделилось от сельского хозяйства в самостоятельную отрасль производства, работало на рынок. Об этом свидетельствует широкое распространение в памятниках культуры полей погребений, начиная со II ст. н. э., посуды, изготовленной на гончарном кругу. Эта посуда, как доказано советскими учеными, была посудой ремесленного происхождения и изготавливлась на продажу. Большое значение имеют остатки мастерских, также открытых на древнеславянской территории...»³. И далее автор приводит перечень изученных археологами остатков гончарных, железообрабатывающих, ювелирных и иных ремесленных мастерских.

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 1953 г., стр. 170—171.

² Там же, стр. 172.

³ Археология, VII, 1952 г., Киев, стр. 26.

Еще категоричнее выводы автора в отношении доменно-кузнецкого ремесла. «Таким образом, когда мы говорим, что во II ст. н. э. ремесло в антском обществе уже отделилось,— пишет автор,— то мы имеем в виду не начало, а завершение этого процесса.

Выделение ремесла в самостоятельную отрасль производства перерастает узкие рамки натурального хозяйства, поскольку продукт ремесла может реализоваться только через рынок. Поэтому и сельское хозяйство — основная отрасль производства — должно быть достаточно продуктивным, чтобы давать дополнительный продукт, который мог бы быть превращен в товар»¹.

К сожалению, из поля зрения М. Ю. Брайчевского совершенно выпал патриархальный ремесленник, по нашему мнению, центральная фигура антского ремесленного производства. Ошибочно в связи с этим утверждение автора, что продукт ремесла может реализоваться «только через рынок». Патриархальный ремесленник еще не товаропроизводитель, с продуктом своего труда на рынке он не появляется, работает он по преимуществу на заказ, он может стать агентом товарного обращения в тех случаях, когда реализует натурю или расходует деньги, полученные за исполнение заказа, для приобретения элементов своего личного или производственного потребления.

Это не означает, что в антском ремесленном производстве не было фигуры ремесленника-товаропроизводителя, работавшего по преимуществу на рынок, на неизвестного покупателя. Она, несомненно, была, но отнюдь не в качестве главной, центральной.

Представление, что продукция гончарного круга могла идти только на рынок и что это знамение товарного производства, является недоразумением. Гончар с гончарным кругом пережил также стадию патриархального ремесла, работы по преимуществу на заказ.

Выводы, сформулированные М. Ю. Брайчевским, могут породить преувеличенные представления о товарном производстве и товарном обращении в антской производственной организации.

Таков в основных чертах характер производительных сил лесостепной полосы Восточной Европы в начале и середине I-го тысячелетия нашей эры в оценке советских историков и археологов.

2

Перейдем теперь к другой стороне производства рассматриваемого времени, к производственным отношениям.

Как характеризуют наши историки и археологи совокупность производственных отношений, составлявших экономическую структуру, то есть базис восточнославянского общества лесо-

¹ Археология, VII, 1952 г., Киев, стр. 26.

степной полосы, а также соответствующую ему надстройку? Какая точка зрения по этому вопросу является в настоящее время господствующей, разделяемой большей частью наших ученых?

«Новые археологические данные и показания письменных источников (арабских, византийских и собственно русских), — пишет Б. Д. Греков, — рассмотренные в свете марксистско-ленинского учения о базисе и надстройке, позволяют трактовать VI—VIII века в истории восточного славянства как переходный период от родового строя (на последней стадии его развития) к классовому, феодальному обществу, как переходный период от «военной демократии» к раннефеодальному государству. Этот период можно назвать «полупатриархальным-полуфеодальным». Действительно, это был период, когда в восточнославянском обществе происходило становление феодальных отношений в условиях разложения общинно-патриархального строя, когда на основе развивающегося имущественного и политического неравенства возникли классы, стала появляться частная собственность на землю, стало развиваться крупное землевладение и эксплуатация землевладельцами крестьян-общинников; это был период, когда появились у восточных славян и первые политические объединения»¹.

В том же духе, но с меньшей определенностью и более осторожно, высказывается П. Н. Третьяков. Говоря, например, о племенной организации антов, он указывает: «Это были, однако, отнюдь не древние племена эпохи рода-племенного строя и не фратрии или союзы древних племен, а выросшие из последних политические объединения территориальных общин, приобретающие характер образований уже государственного порядка»².

В том же направлении и весьма определенно высказывается М. Ю. Брайчевский: «Можно смело утверждать, что экономическая база для возникновения классового общества у антов была налицо уже в самом начале антского периода³. Решающим моментом и тут является такое развитие экономики, которое давало возможность получения гарантированного прибавочного продукта, что и является необходимым условием эксплуатации человека человеком и, таким образом, разложения родового общества на антагонистические классы эксплуататоров и эксплуатируемых»⁴.

И далее. «Антское политическое объединение было для своего времени закономерным явлением — оно представляло собой звено в общей цепи исторического развития в ранний период

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь, 1953 г., стр. 533.

² П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 1953 г., стр. 179.

³ Началом антского периода автор считает II ст. н. э. См. стр. 42 его работы в Археологии, VII, 1952 г., Киев.

⁴ Там же, стр. 36.

средневековья. В это время подобные государства создавались и на Западе у германцев и в Центральной Европе — у западных славян. Антское государство не было среди них каким-либо исключением. Из приведенного ясно, что нельзя ограничиться оценкой антов как общества, находящегося на стадии военной демократии, как это обычно делается в нашей литературе. В антское время у восточных славян совершается переход к классовому обществу...»¹.

О том, что в антском обществе выделилась господствующая верхушка, сосредоточившая в своих руках власть, свидетельствуют византийские письменные источники. В IV веке, как сообщает Иордан, остготский (остроготский) король Винитар, победив антов, распял их короля (князя, царя, рикса) Божа с 70 антскими вельможами для устрашения других, «чтобы висевшие трупы внушали большой страх подданным». Отзвук этой трагедии фиксирует неизвестный автор «Слова о полку Игореве». Аварский хан Баян (Ваян) предает смерти Межамира, сына Идаричева, брата Калагаста (Келагаста) как самого могущественного человека в антском обществе. Из контекста видно, что речь идет отнюдь не о физической силе самого Межамира. Византийские источники знают и других антских риксов-королей: Добриту (Лавриту), Пирогоста, Ардагаста, Мусокия и друг.

«Многочисленные факты говорят о том,— указывает П. Н. Третьяков,— что власть антских... вождей покоилась не только на признании их организаторских и воинских способностей, как это было в древности при родовом строе. В антское время решающая роль принадлежала, несомненно, имущественному положению того или иного лица или семьи, членом которой данное лицо являлось»².

Основанием для изложенных выше выводов являются не только прямые письменные свидетельства и показания, но и богатые археологические данные. Последние указывают на значительное имущественное, а следовательно, и классовое расслоение в антском обществе. Мы имеем в виду довольно резкую дифференциацию похоронного инвентаря. Наряду с потреблениями бедными, лишенными каких-либо вещей, встречаются очень богатые захоронения, с вещами из драгоценных металлов и т. п. В числе других пример такой дифференциации является Черняховский могильник, раскопанный и изученный еще В. В. Хвойкой³.

Клады монетные, смешанные и вешевые — также свидетельство имущественного неравенства у антов и росов⁴. Многие из

¹ Археология, VII, 1952 г., Киев, стр. 40.

² П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 1953 г., стр. 179.

³ В. В. Хвойка. Поля погребений в среднем Поднепровье, ЗРАО, новая серия, том XII, вып. 1—2, СПБ, 1901 г.

⁴ Б. А. Рыбаков. Статья в Вестнике древней Истории, I, 1939 г. стр. 330—332.

них насчитывают тысячи монет, а в некоторых вещевых кладах, например, в Перещепинском, золотые вещи весили свыше 20 кг.

М. Ю. Брайчевский и П. Н. Третьяков на основе изучения значительного археологического материала приходят к выводу, что у антской правящей верхушки было регулярное войско типа позднейших дружин древнерусских князей, которое использовалось не только для отражения нападения врагов, для походов на Византию и другие страны, но и против эксплуатируемой части общества¹.

Эти же авторы находят, что эксплуатация рабского труда имела место в достаточно заметных масштабах, хотя рабовладение в антском обществе не сложилось и не представляло собой «целостной системы производственных отношений»².

М. Ю. Брайчевский в связи с этим пишет: «В славянском обществе, несмотря на значительное развитие в середине 1-го тысячелетия нашей эры рабовладения, рабовладельческая формация не возникла, поскольку это общество встало на путь развития феодальных отношений. Причины этого в том прогрессе, который безусловно имел место в земледелии. Генезис классового общества у древних славян совершился на основе земельных отношений. Технический уровень земледелия в антскую эпоху делал использование рабского труда невыгодным, и эксплуатация крестьянина, которая выливалась в форму феодальной ренты, давала без сомнения больший эффект. Очевидно, в рабов, лишенных средств производства, славяне превращали только военнопленных, которые не имели своего хозяйства и средств производства и должны были получать их от господина. Следствием же имущественных отношений в среде славянского общества во второй половине 1-го тысячелетия н. э. было феодальное закабаление, при котором производитель сохранял собственность на некоторые орудия производства, а прибавочный продукт получался в виде натуральной ренты»³.

Таковы в характеристиках специалистов-исследователей основные черты производственных отношений у южной части восточного славянства в первых восьми столетиях нашей эры.

Каким представляется производство этих же столетий в лесной полосе, у северной части восточного славянства?

Господствовавшее ранее в литературе вопроса мнение о сравнительно позднем, лишь во второй половине первого тысячелетия нашей эры, появлении славянских племен в лесной полосе Восточной Европы, в верховьях Днепра, Волги, на Волхове и т. д. ныне может считаться полностью опровергнутым.

¹ М. Ю. Брайчевский. Статья в Археологии, VII, 1952 г., Киев, стр. 32—33 и П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 1953 г., стр. 180—182.

² Там же, стр. 30—31 и там же, стр. 175.

³ Археология, VII, 1952 г., Киев, стр. 37.

«Исследования городищ в бассейне Верхнего Днепра позволяют заключить,— указывает П. Н. Третьяков,— что на рубеже и в первые века н. э. здесь продолжало обитать то же самое население, что и раньше... Какого-либо перерыва в жизни их обитателей не обнаруживается»¹.

Представляется бесспорным, что лесная полоса славянскими и другими племенами была заселена реже, чем лесостепная.

Вещественные памятники, добытые и изученные главным образом советскими археологами, рисуют нам производство славян лесной полосы более примитивным и отсталым по сравнению с производством южной части восточных славян. В первой половине рассматриваемой поры юг уже пахал, а север все еще палил подсеку.

Березняковское городище, исследованное П. Н. Третьяковым и относимое им к III—V векам нашей эры, находится в Верхнем Поволжье и дает материал, поддающийся достаточно широким обобщениям. Топоры, серпы, ножи, однолезвийные мечи, изготовленные руками населения этого городища из железа, добывшего из местных руд. Железных сошников или лемехов нет. Лошадь, крупный и мелкий рогатый скот, свинья. Несомненно подсечное земледелие. Охота и рыболовство здесь играют, безусловно, большую роль, чем на юге. Керамика без гончарного круга. Из привозной меди продуцировались некоторые украшения. Бешей извне очень мало. «Раскрытая раскопками картина изображает, несомненно, патриархальное гнездо, поселок «большой семьи», численностью в 50—60 человек, на общинных началах ведущей свое хозяйство, имевшей общие запасы, наконец, погребавшей останки мертвых в общей семейной усыпальнице — своеобразном «домике мертвых»,— пишет П. Н. Третьяков². Оседлый характер жизни этих людей не вызывает никаких сомнений.

Можно ли огневое земледелие здесь считать отраслью, которая решающим образом обеспечивала процесс воспроизводства? П. Н. Третьякову это представляется сомнительным. Подсека,— пишет он,— «еще не являлась здесь абсолютно преобладающей отраслью хозяйства»³. Тем не менее, у лесных племен она, по его же мнению, «играла в их экономической жизни крупнейшую роль»⁴.

Такую же в основном картину рисует нам Черкасовское городище около Орши⁵, Огубское городище на Угре⁶, в том же

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. 1953 г., стр. 117.

² Там же, стр. 121.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 269.

⁵ Працы Археологичнай Комісіі Беларускай Акад. науку, том II, 1930 г., стр. 78—79.

⁶ Труды Государственного Исторического Музея, 1926 г., I, статья В. А. Городцова.

районе Мощинское на реке Попалте¹, Банцеровское около Минска² и другие.

Среди историков и этнографов общепризнанным является мнение, что подсечное земледелие — это знамение первобытно-общинных отношений производства у лесных племен в период их заката, увядания. Оно соответственно, синхронно именно этим отношениям.

«До середины 1-го тысячелетия в верховьях Днепра, на Верхней Оке и Волге еще господствовали патриархально-родовые порядки», — пишет П. Н. Третьяков³. Внутри коллективов типа Березняковского, несомненно, существовало разделение труда, но оно, во-первых, в основном было половозрастным и, во-вторых, осуществлялось или совершалось, конечно, не через обмен, а под авторитетом главы этой «большой семьи». Вещи извне, как мы отмечали, в этих коллективах — большая редкость. Такая же, очевидно, редкость и акты обмена с внешним окружением. В таких условиях отыскивать не только денежную форму стоимости, но даже ее предшественницу — всеобщую форму стоимости было бы малопродуктивным занятием. Здесь, несомненно, господствовали простые и особенные эквиваленты.

К началу второй половины тысячелетия в производство лесной полосы (географический центр, северо-запад, север и северо-восток будущей территории древнерусского государства) накапливаются причины, приводящие к существенным изменениям и производительных сил, а с ними и производственных отношений. Производство лесных славян Восточной Европы заметно подтягивается к уровню производства южной части. Пашенное земледелие и здесь становится господствующей формой, появляются соответствующие ему орудия сельскохозяйственного производства, соха, сначала многозубая и сплошь деревянная, позднее — с железным сошником. При раскопках городища Старая Ладога в культурном слое VII века В. И. Равдоникас обнаружил железный сошник. В раскопанном скотном дворе того времени «солома и половы прямо-таки массами залегают в навозе. Ясно, — приходит к заключению автор раскопок, — что уже с VII века хлебопашество было коренным производством в Ладоге»⁴. Мы вправе это распространить и на более южные местности лесной полосы.

Здесь еще в большей степени, чем в лесостепи, хозяйство сохраняло натуральный характер.

Все эти новые факторы синхронны уже не патриархально-общинному, а индивидуализированному характеру сельского хо-

¹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, М., 1899 г.

² Труды Института науки и техники, сер. I, вып. 2, статья К. Флякс-Бергера.

³ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 1953 г., стр. 264.

⁴ В. И. Равдоникас. Старая Ладога, С. А. XII, 1950 г., стр. 39.

зяйства, в конечном счете, иным, новым у восточных славян, феодальным отношениям производства.

Изменения в производительных силах, вызревание феодальных отношений производства во второй половине первого тысячелетия нашей эры и привели русских славян к производству, с основными чертами которого мы познакомились выше, в четвертой и пятой главах.

Наш краткий обзор восточнославянского производства первых семи-восьми столетий нашей эры мы можем резюмировать следующим образом:

1. Основа его — земледелие и органически связанное с ним оседлое животноводство. В лесостепи на протяжении всего периода господствующей формой является пашенное земледелие, сначала с пахотным орудием, имеющим железный наральник, а во второй половине с плугом, имеющим горизонтальный ползун. В лесной полосе в течение первой половины рассматриваемой поры — подсека с главными своими орудиями: топором, огнем и серпом, а во второй половине господство и здесь переходит к пашенному земледелию с сохой как главным орудием.

2. Лесоречные промыслы — звероловство, бортничество и рыболовство не отделены от основной отрасли производительной деятельности, то есть от сельского хозяйства. Значение их в пищевом балансе и в балансе одежды возрастает по мере углубления на север, в лесную полосу.

3. Вещественные памятники свидетельствуют о протекавшем общем общественном разделении труда, то есть об отделении ремесла от сельского хозяйства, а также и об особенном общественном разделении труда, то есть о разделении ремесла на его отдельные виды, из которых отчетливо прослеживается домено-кузнечное на местных болотных и дерновых железных рудах, ювелирное на привозных цветных и драгоценных металлах, гончарное и косторезное.

4. Преобладает патриархальное ремесло, большая часть ремесленной продукции изготавливается не на рынок, а на заказ. По-видимому, очень распространена форма содержания ремесленников соседской или территориальной общиной, миром, задругой, вервию. Процесс выделения товарного производства из ремесла делает свои первые шаги.

5. В целом производство восточных славян этой поры носит глубоконатуральный характер, усиливающийся на севере, в лесной полосе. При всем этом из лесостепных районов на продажу в римские провинции в первые столетия нашей эры вывозится продукция сельского хозяйства — зерно, а из лесной полосы через Приазовье — пушнина.

6. Письменные и вещественные памятники свидетельствуют об интенсивно протекавшем процессе имущественного расслоения восточнославянского общества, особенно в лесостепной полосе. На этой основе выделяется правящий, эксплуататорский класс

во главе с королями (риксами, князьями), с одной стороны, и масса эксплуатируемых, состоящая из земледельцев и ремесленников, а также рабов — с другой.

7. В качестве одной из существеннейших сторон отмеченного процесса образования антагонистических классов историки фиксируют складывание частной собственности вообще, на землю в частности. Возникающее и развивающееся крупное землевладение все в большей степени становится основой классового гнета и эксплуатации общинников-земледельцев со стороны собственников земли. Зарождаются феодальные отношения производства.

8. Для охраны складывающихся отношений собственности и поддержания эксплуатируемых в повиновении правящая верхушка господствующего класса обзаводится постоянной вооруженной силой типа позднейших княжеских дружин, противостоящей народным массам. Появляются первые политические объединения государственного характера.

Еще раз считаем необходимым подчеркнуть, что в связи с известным отставанием в развитии производительных сил лесной полосы по сравнению с лесостепью соответственно отставала в своем развитии и другая сторона производства. Патриархально-общинные отношения в лесной полосе распадались и уходили в прошлое медленнее и несколько позднее.

Таковы итоги нашего краткого обзора восточнославянского производства за восьмисотлетний период, непосредственно предшествующий образованию древнерусского государства, Руси.

Выше мы сопоставляли скот (быка или корову) в роли денежного товара с главными факторами, которые характеризуют производство древней Руси (IX—XII вв.) и которые исторический наукой зафиксированы в качестве бесспорных и достоверных. Сопоставляли для того, чтобы выяснить, в какой мере такая роль скота будет соответствовать этим факторам, будет ли синхронна. Результаты этого сопоставления мы видели.

Такое же сопоставление мы должны теперь сделать с только что приведенными основными факторами, которые характеризуют восточнославянское производство I—VIII столетий и которые исторической наукой фиксируются в качестве бесспорных и достоверных.

Нетрудно видеть, что результат получается такой же, как и в первом случае.

Мы можем констатировать, что и здесь главное заключается в том, что скот (бык или корова) в роли денежного эквивалента несоответственен, асинхронен таким явлениям восточнославянского производства этой поры, как оседлый образ жизни и земледелие в качестве такой отрасли производительной деятельности, которая решающим образом обеспечивала весь процесс воспроизводства.

Какой же денежный эквивалент обслуживал примитивный торговый оборот рассматриваемой поры? Это был римский динарий и монеты антской чеканки. К краткому обзору этих нумизматических памятников мы и перейдем.

ГЛАВА XIII

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АНТСКОГО ПЕРИОДА

1

Выше мы уже отмечали имеющие хождение в литературе вопроса неправильные характеристики количества, например, арабского монетного серебра, которое обращалось в древней Руси. Редкий нумизмат, а за ними историки и экономисты это количество не сопровождают эпитетами «огромное», «гигантское» и т. п., забывая о том, что оно не могло быть огромным в силу такого простого факта, как господство натурального хозяйства. Без преувеличений дело не обошлось и в отношении римского динария.

Говоря об отделении у антов ремесла от сельского хозяйства уже в I—II вв. нашей эры и о расчетах ремесленников «на широкую продажу» своих изделий, М. Ю. Брайчевский пишет: «Второе общественное разделение труда и образование внутреннего рынка обусловили возникновение денежной торговли. Свидетельством этого являются клады римских монет, которыми буквально усеяны древнеславянские земли. Территория распространения римских монет в Восточной Европе полностью совпадает с территорией антов, определенной на основе письменных источников, и с территорией полей погребений черняховского типа. Не может быть сомнения, что римская монета была в античном обществе денежным знаком и имела внутреннее обращение; больше того, у антов существовала даже собственная чеканка монет, которая подражала римским образцам. Такие «варварские» монеты были найдены на наших землях (Черняхов, Ромашки, Бронница, Столыне, Касперовка, Городок и друг.).

Преобладающее большинство римских монет, выявленных на античных землях, относится ко II столетию н. э. (время Антонинов; чаще всего Антонина Пия и Марка Аврелия). Более древние монеты встречаются тут очень редко. Совпадение даты максимального распространения римской монеты с датой отделения ремесла от земледелия никак не может быть случайным. Но время обращения римской монеты в античном обществе не ограничивалось II ст. н. э. Имеются бесспорные доказательства, что римская монета сохраняла свое значение у антов примерно в IV—V ст. н. э. и, очевидно, еще позднее»¹.

¹ Археология. Киев, VII, 1952 г., стр. 26—27.

Итак, древнеславянские земли были буквально усеяны римскими монетами. Это даже нечто большее, чем огромное количество. А между тем арабский дирхем, бесспорно, обращался в Восточной Европе в количествах куда больших, чем римский динарий. Некоторые дирхемные клады, как мы видели выше, насчитывали в своем составе свыше десяти тысяч монет (например, Великолукский, Муромский и друг.). Самые крупные клады с римскими динариями насчитывают в своем составе лишь по тысяче или около этого монет (например, Нежинский, Кашперовский, Ольгопольский и друг.).

Оставим, однако, все эти преувеличения, носящие характер настоящей болезни. Мы о них говорили выше в достаточной степени.

Наибольший по своим масштабам приток римского динария в восточнославянские земли падает на времена римского владычества в Дакии. Римляне рассчитывались динариями за хлеб, вывозившийся ими из античных земель. Акты, таким образом, во внешнеторговых отношениях с Римом и римскими провинциями имели активный торговый баланс.

М. Ю. Брайчевский в своей работе, специально посвященной вопросу о времени обращения римского монетного серебра в восточнославянских землях, высказывает правильное соображение, что реализация этого сальдо в форме монетного серебра была обусловлена внутренними причинами, а именно, потребностями внутреннего торгового оборота в орудиях обращения. «Причины массового притока римской монеты,— пишет он,— следует искать прежде всего во внутреннем развитии античного общества... Внешняя денежная торговля, следствием которой и был прилив римской монеты на славянские земли, была возможна лишь при наличии внутренней денежной торговли. Поэтому можно утверждать, что римская монета обращалась как денежный знак не только между античным обществом и империей, но и внутри самого античного общества»¹.

Это соображение правильно, несмотря на то, что автор в связи с выпадением из его поля зрения патриархального ремесла и в этой работе преувеличивает масштабы товарного производства и товарного обращения в античном обществе. Приведенное нами только что высказывание уважаемого археолога нуждается в следующей поправке: римский динарий был не знаком денег, а самими деньгами.

Соображение подкрепляется и тем, что специалисты-нузимматы не устанавливают в заметных масштабах признаков использования римского монетного серебра для удовлетворения эстетических потребностей. Оно несомненно имело денежное назначение.

Таким образом, скот (бык или корова) не играл роли денег

¹ Археология, Киев, VI, 1952 г., стр. 77.

не только в IX—X веках, но и на протяжении восьми столетий, предшествующих возникновению древнерусского государства, Руши. Сторонники версии древнерусских денег-скота не могут почерпнуть и из этого периода никаких доказательств в подкрепление своей точки зрения.

2

На этом мы закончим наш экскурс в дорусское историческое прошлое восточнославянского производства, закончим потому, что дальнейшее углубление связано с потерей ясной и бесспорной этнической линии. В самом деле, в сармато-скифские времена (I век нашей эры — VII век до нашей эры) довольно смутно выступает венедский этап, очень смутно этап геродотовых невров, меланхленов, будинов и друг., об этнической принадлежности которых ученые-специалисты еще ведут споры. Совсем темно в смысле славянского этногенеза в киммерийский период.

Мы поэтому ограничимся самыми общими и бездоказательными соображениями об интересующем нас этапе. Он, возможно, имел место в скифские времена, в первом тысячелетии до нашей эры, в лесостепи и степи, главным образом междууречья Днепра и Волги. Мы имеем в виду очень неясную и запутанную этническую линию, идущую из тех времен в первую половину первого тысячелетия нашей эры к росомонам, боровшимся с готами, к *hros*-ам сирийца Захария. Предки их, возможно, ассимилировали значительные кочевнические элементы восточных скифов и сармата.

На такого рода размышления и предположения наталкивает следующее. Известно, что в северочерноморских греческих колониях, Ольвии, Херсонесе, Пантике и друг., в Боспорском царстве господствовала денежная форма стоимости, чеканилась металлическая монета. Однако над степью и лесостепью она, кажется, власти не имела. Нумизматы дружно отмечают полное отсутствие здесь кладов с этими монетами. «В лесостепной области,— пишет В. В. Крапоткин,— насколько известно, не найдено еще ни одного клада с монетами Ольвии, Херсонеса, Боспорского царства или монетами, чеканенными в Греции»¹.

Не выполнял ли в первом тысячелетии до нашей эры роль денег в торговле между племенами степи и лесостепи скот?

Если тщательное исследование вскроет несостоятельность приведенных соображений, то интересующий нас этап надо будет отодвинуть во II тысячелетие до нашей эры, когда первобытная Европа вступила и переживала «скотоводческий период» в истории своих производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Это было начало разложения первобытнообщинного строя, которому и соответствовали первобытные деньги, то есть деньги-скот.

¹ Вестник Древней Истории, 1951 г., № 4, стр. 244.

Г
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюме всей работы можно формулировать так.

Версия древнерусских денег-скота, имеющая и по сей день хождение по страницам нашей учебной и периодической литературы, распространяемая в лекциях, читаемых в нашей высшей школе, на учебных занятиях в средней, является ошибочной. На том хронологическом отрезке в истории восточного славянства, который носит наименование древней Руси, домашние животные не выполняли роли денежного эквивалента. Эту роль они не выполняли и на предшествующем восьмисотлетнем антическом этапе.

Эта версия несостоятельна потому, что приписываемая ею домашним животным роль денежного эквивалента противоречит, несоответственна, асинхронна всем основным, притом бесспорным, факторам и явлениям древнерусского общественного производства, в том числе:

оседлому образу жизни древних руссов;

земледелию, как отрасли производительной деятельности, существеннейшим и решающим образом обеспечивавшей процесс общественного воспроизводства;

феодальным отношениям производства и достигнутому уровню развития частной собственности;

степени и глубине общего (родового) и особенного (видового и подвидового) общественного разделения труда, осуществлявшегося или совершившегося посредством товарного обмена, и т. д. и т. п.

Такая роль скота асинхронна, несоответственна всем этим явлениям в такой же степени, как, например, ручной жернов нашим временам или паровая мельница временам Мономаха, или винтовка полку князя Игоря.

У Маркса в «Капитале» и у Энгельса в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» имеются, основанные на обобщении огромного фактического материала, указания, что домашние животные выполняли роль денег исторически вскоре после первого крупного общественного разделения труда, в недрах первобытнообщинного строя, когда начался процесс его разложения, что такая роль скота соответственна, синхронна кочевому, пастушескому образу жизни. Скот — первобытные деньги.

Древняя Русь не была первобытным обществом. Это было раннефеодальное общество, нормальное по всей своей структуре, без каких-либо признаков отклонений, которые имели бы своим следствием запоздание в развитии формы стоимости.

Эта версия не выдерживает критики со стороны древнерусских письменных источников. Ни в «Правде Русской», ни в летописях, ни в других документах домашние животные никогда

не выступают в форме денежного эквивалента, наоборот, всегда и только в относительной форме стоимости.

Она не выдерживает критики и со стороны вещественных памятников. Нумизматические материалы древнерусского периода исключают какую-либо возможность функционирования домашних животных в роли денег. Монетное серебро в древней Руси в подавляющей своей массе имело денежное, а не эстетическое назначение.

Пришлось бы удивляться или принять за веселую шутку, если бы кто-нибудь всерьез стал доказывать и утверждать, что, как это видно из названия, современная английская денежная единица весит 400 граммов, а в современной Франции, как это опять-таки видно из названия *l'argent*, роль денег выполняет серебро.

Такой же примитив имеет место в аргументации большинства сторонников этой версии. В их аргументации, кроме трафаретного и наивного, «как это видно из названия», кроме «скотника», «скотницы» и «скотолюбия», ничего нет. Сторонники версии не дают себе труда присмотреться к тому, что в древнерусском языке термин «скот» в его вторичном значении ценностей вообще, имущества, возмещения, эквивалента и его только что приведенные производные были такими же речевыми реликтами, как и фунт стерлингов в современном английском или *l'argent* в современном французском.

Попытки некоторых сторонников версии подыскать для нее опору в древнерусском общественном производстве привели, как мы видели, к искаложению характеристики его, к изобретению таких «явлений», которых в нем не было. Такие попытки привели, например, М. Н. Покровского к утверждению о чрезвычайной редкости скота на Руси, а Ф. Я. Полянского, напротив,— к утверждению, что Русь была скотоводческой страной.

Противниками версии древнерусских денег-скота, как отмечалось выше, ясно сформулировавшими в печати свою точку зрения в отношении всего древнерусского периода, были автор настоящей работы (1941 г.)¹ и А. Д. Гусаков (1946 г.)². Свои выступления в печати по этому же вопросу оба повторили: последний — в 1954 г.³ и первый — в 1955 г.⁴.

Все эти выступления остались незамеченными. Версия по-прежнему находит себе приют на страницах и первого тома

¹ Труды Казанского ФЭИ имени В. В. Куйбышева, вып. VI, 1941 г., стр. 201.

² Изв. Академии наук СССР. Отделение экономики и права, № 3, 1946 г., стр. 232—233.

³ Проф. А. Д. Гусаков. Денежное обращение дореволюционной России, 1954 г., ВЗИФ.

⁴ Научные записки Казанского ФЭИ имени В. В. Куйбышева, вып. IX, 1955 г.

учебника «История СССР» для вузов (1947 г.)¹ и «Очерков истории денег и денежного обращения» Ф. И. Михалевского (1948 г.)², и учебника «История СССР» для 8-го класса средней школы (1954 г.)³, и учебника для вузов по курсу «Денежное обращение и кредит капиталистических стран» проф. Э. Я. Брегеля (1955 г.)⁴, и журнала «Вопросы истории» в 1954 и 1955 годах⁵.

Выступления остались незамеченными не только потому, что версию поддерживают многие авторитетнейшие ученые старшего поколения, что, по-видимому, является главной причиной, но и потому, что авторы этих выступлений сделали их без сколько-нибудь достаточной аргументации, порой буквально в несколько строк, походя, попутно с рассмотрением других вопросов.

Это последнее обстоятельство и побудило нас написать настоящую работу, развернув в ней по возможности все доводы, аргументы и факты против рассматриваемой версии.

Надо иметь в виду, что эта версия у многочисленных читателей сеет обильные семена сомнений в том, что древняя Русь достигла по своим временам высокой производственной культуры, не менее высокой, чем современные ей западноевропейские государства. А ведь наша страна была не всегда, не исконно отсталой. Отсталой, как известно, ее сделало татаро-монгольское порабощение.

Надо также иметь в виду, что если в феодальном обществе скот — не натура, а деньги, то неизбежно должны быть перестроены, изменены, переделаны наши представления, во-первых, об объеме товаро-денежных отношений в сторону их увеличения и, во-вторых, о соотношении, во времени и объемно, двух форм феодальной ренты, натуральной и денежной.

Кому, однако, не ясно, что отражаемое не станет кривым от того, что мы будем его отражать в кривом зеркале!

Наш труд будет вполне вознагражден, если при очередных переизданиях со страниц нашей учебной литературы для вузов и средних школ, вообще со страниц нашей печати эта версия будет вытеснена.

А лишить ее такого пристанища давно пора.

Основания к этому весьма просты: скот на Руси деньгами не был.

¹ История СССР, том I, 1947 г., учебник для вузов, стр. 99.

² Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. Деньги в феодальном хозяйстве, том I, 1948 г., стр. 14.

³ История СССР. Учебник для 8 класса средней школы, 1954 г., изд. 13, стр. 52.

⁴ Э. Я. Брегель. Денежное обращение и кредит капиталистических стран. Учебник для вузов, 1955 г., стр. 318.

⁵ Вопросы истории, 1954 г., № 1, стр. 120; 1955 г., № 11, стр. 73.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Авенариус — 14
Аль-Мукааддаси — 145
Антоний Римлянин — 154
Антонович — 77, 188
Арциховский — 19, 78, 84

Альбион — 125
Андрей Боголюбский — 86, 99, 182
Антоний Пий — 220
Ардагаст — 214
Аскольд — 91, 92

Б

Багалей — 174
Бауэр — 33, 36, 37, 57, 175, 176, 178,
 181
Белох — 66
Беляшевский — 174
Богдановский — 163
Болеслав — 93, 166
Брайчевский — 208, 209, 211, 212, 213,
 215, 220, 221
Булычев — 217

Бартоломей — 14
Бахрушин — 27
Баян (Ваян) — 214
Беляев — 14, 64, 65
Богданов — 24, 25
Бож — 214
Болтин — 6, 21, 22, 23, 70, 156, 161,
 197
Брегель — 30, 168, 185, 225
Бюхер — 187, 190, 203

В

Варлаам Хутынский — 99
Васильевский — 210
Владимирский-Буданов — 72, 159
Воронин — 19, 78
Всеволод Большое Гнездо — 86

Василий II — 176, 179
Винитар — 214
Владимир — 83, 86, 89, 91, 92, 96, 99,
 166, 167, 176, 206
Всеволод — 72, 86, 140

Г

Гартвиг — 140
Герман св. — 196
Гильфердинг — 59
Гомер — 168, 169
Грацианский — 195, 196
Гусаков — 27, 224
Гуттийт — 14
Юрия Рогович — 142, 143

Герберштейн — 12
Гетц — 156, 157, 159
Годскин — 51
Городцов — 216
Греков — 27, 68, 70, 73, 75, 77, 81, 94,
 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 103, 104,
 105, 107, 117, 118, 124, 170, 188,
 189, 202, 205, 208, 209, 210, 213

Д

Даль — 167
Дир — 91, 92
Добрита (Лаврита) — 214
ДовиарЗапольский — 71, 74

Даниил Заточник — 83
Дмитр (посадник) — 183
Довженок — 209
Дювернуа — 162

Е

Епифанов — 30

Ефименко — 208

З

Забелин — 14, 15, 16, 32, 33, 57

Загоровский — 159

Заблоцкий — 14, 45

Захарий — 63, 205, 206, 222

И

Ибн-Хаукаль — 141

Иван Грозный — 43

Игорь — 72, 91, 92, 143, 214, 223

Изяслав Мстиславич — 147

Иконников — 27, 167, 168, 193

Иоанн Цимисхий — 176, 179

Ирминон — 196

Ибн-Хордадбех — 141, 145

Иверсен — 14

Изяслав Давидович — 147

Изяслав — 100

Ильин — 174, 178, 181

Иордан — 63, 206, 211, 214

Исаак Комин — 176

К

Казанский — 12, 14, 22

Калагаст (Келагаст) — 214

Каргер — 19

Карл Великий — 103

Кауфман — 22, 43

Каценеленбаум — 168

Кене — 14, 15, 16

Кий — 71

Ключевский — 14, 15, 31, 71, 73, 74,

97

Константин — 166

Крапоткин — 222

Курашов — 141, 144

Куник — 14, 15

Казвини — 145

Карамзин — 6, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 16,
18, 21, 162

Каролинги — 139, 147

Кафенгауз — 150, 157

Каченовский — 11, 12, 13, 14, 22, 23,
24, 32

Климент — 35

Константин VIII Багрянородный — 176

Константин III — 176, 179

Корзухина — 33, 140, 143, 176, 178,
179, 181

Кулишер — 25

Л

Ланге — 14, 159, 161

Лапинский — 67

Лев Диакон — 73

Ледевель — 8

Леонтий — 162

Лешков — 14, 96, 102

Линка — 180

Ломоносов — 70

Лявданский — 78

Лященко — 27, 28, 29

де-Ланноа — 12

Лебедев — 27

Леклерк — 70, 71, 74

Ленин — 49, 51, 57, 58, 59, 97, 108,
109, 110, 112, 121, 123, 129, 132

Лихачев — 175

Лют — 72

Ляпушкин — 209

М

Маврикий (монах) — 140

Маврикий Стратег — 209

Максимейко — 159, 162

Марков — 173, 174, 176, 178, 179, 180,
181

Межамир — 214

Мейчик — 159

Микифор Щитник — 117

Миллер — 70

Маврикий (Псевдо-Маврикий) — 69

Мавродин — 77, 86

Марк Аврелий — 220

Маркс — 47, 48, 49, 50, 51, 54, 55, 57,
58, 59, 60, 61, 76, 87, 91, 107, 108,

121, 122, 128, 133, 134, 149, 184,

190, 198, 201, 223

Молчановский — 77

Монгайт — 42

Михалевский — 39, 40, 41, 126, 127,
167, 173, 177, 18, 181, 182, 196,
197, 198, 200, 225
Мстислав Владимирович — 99

Моро де Жоне — 64
Мрочек-Дроздовский — 14, 22, 23, 159
Мусокий — 214

Н

Наджиб Хамадани (Ахмет Тусский) —
42
Никифор Фока — 176

Наршахи — 147
Никифор митрополит — 167
Никольский — 96

О

Одаф св. — 140
Олег (Михаил) Святославович Тму-
тараканский — 177

Орешников — 25, 26, 181, 182
Олег — 56, 71, 72, 91, 177, 182, 183
Ольга — 72, 75, 89, 92, 99

П

Павинский — 66
Патерн — 58
Перун — 204
Платонов — 156, 161, 197
Покровский — 24, 25, 62, 80, 187, 188,
190, 191, 193, 203, 224
Пр сняков — 44
Прозоровский — 14, 15, 37

Пассек — 19
Петр св. — 140
Бирогост — 214
Погодин — 7, 14
Полянский — 41, 62, 162, 183, 191,
192, 193, 194, 197, 198, 199, 200,
201, 202, 203, 224
Прокопий — 63, 69, 207, 208

Р

Равдоникас — 78, 188, 189, 217
Рейхель — 14, 177
Рожков — 71, 73, 74, 76
Роман II — 176
Ростислав Мстиславович — 99
Рубруквис — 12
Рыбаков — 19, 29, 77, 78, 84, 85, 86,
90, 112, 113, 114, 116, 127, 128,
132, 134, 135, 136, 137, 138, 140,
144, 147, 154, 185, 188, 204, 205,
206, 209, 210, 214

Раковецкий — 156
Рейц — 161
Роман I — 176
Романов — 30, 31, 33, 36, 38, 39, 46,
56, 57, 182, 183, 184, 185
Рыдзееvская — 95
Рюрик — 91, 92

С

Савельев — 14, 15, 16, 45, 173, 175
Садко — 154
Свентельд — 72
Святополк — 93, 96, 166
Святослав Всеvолович — 86
Святослав — 72, 73, 91, 92, 138, 144,
145
Сонцев — 14
Степанов — 24, 25
Струмилин — 159

Савромат II — 206
Самоквасов — 77
Святловский — 23, 24, 31, 165, 166,
167, 169, 184, 185
Сергеевич — 95, 97, 159
Соловьев — 11, 12, 14, 16, 67
Сталин — 98, 170
Сторожев — 156, 161, 197

Т

Татищев — 6, 69, 142, 159
Теофил — 87
Тихомиров — 41, 156, 207

Тацит — 199
Тизенгаузен — 14, 174
Толстой — 14

Толстов — 206
Третьяков — 19, 62, 78, 79, 188, 205,
206, 207, 208, 209, 210, 211, 213,
214, 215, 216, 217
Трахтенберг — 25, 40, 166
Трутовский — 10, 14, 19, 20, 21, 24, 25

У

Удинцев — 159
Усов — 14, 43

Урланис — 65, 66, 67, 68, 82
Успенский — 9, 10, 11, 13, 14, 32

Ф

Фальатаф — 58
Федоровский — 77
Феодосий Печерский — 100, 101
Форостовский Тимофей — 176

Фасмер — 173, 174, 179, 181
Федор Студит — 115
Фляксбергер — 217
Френ — 14

Х

Хвойка — 188, 189, 208, 214
Христофор — 176

Хорив — 71

Ц

Цитович — 97

Ч

Черепин — 9, 14, 16, 17, 18, 19, 22,
23, 24, 26, 32, 33, 57, 173, 175, 179
Чернов — 14
Чичерин — 95

Ш

Шлецер — 6, 22, 69, 70, 74
Шуберт — 14

Шодуар — 14, 21, 22, 23

Щ

Щек — 71
Щербатов — 6, 21, 22, 69, 70, 71, 74

Щелкина — 41

Э

Эверс — 156
Эммеран — 140

Энгельс — 47, 48, 50, 51, 57, 58, 83,
91, 192, 223

Ю

Юрий Всеволодович — 142

Юшков — 97

Я

Яблоновский — 66
Янин — 38, 39, 41, 42, 46, 183
Ярополк — 99
Ярослав — 6, 22, 47, 93, 96, 101, 161,
166, 176, 177, 183

Яковлев — 68
Ян Кожемяка — 83
Ярослав Святополкович — 92

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. ВВЕДЕНИЕ

<i>Глава I. Версии древнерусских денег в дореволюционной исторической науке</i>	5—24
1. Вопросы денежного обращения древней Руси в освещении дворянских историков	5—9
2. Буржуазная историография вопроса	9—24
<i>Глава II. Проблемы древнерусских денег в советской исторической науке</i>	24—46
<i>Глава III. Предмет и некоторые соображения о методе исследования</i>	46—62
1. Предмет работы	46
2. Один из аспектов экономического закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил	46—49
3. Главное членение работы	49—53
4. Факты нумизматические	53—55
5. Письменные свидетельства	55—57
6. Эквиваленты	57—61
7. Остальные членения работы	61—62
Б. ВЕРСИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ДЕНЕГ-СКОТА И...	
(Продолжение названия этого раздела даётся в наименованиях входящих в него глав)	
<i>Глава IV. Производительные силы</i>	63—90
1. Население	63—68
2. Производительные силы в свете письменных источников	68—76
3. Останки костной и мускульной системы производства. Земледельческая основа процесса воспроизведения	76—80
4. Лесоречные промыслы	81—82
5. Ремесло	82—90
<i>Глава V. Производственные отношения</i>	90—121
1. Господствующие классы общества	91—93
2. Классы эксплуатируемые	93—98
3. Крупная земельная собственность феодалов	98—102
4. Вервь — мирская собственность на землю	102—106
5. Собственность на другие средства производства в сельском хозяйстве и лесоречных промыслах	106—107
6. Отношения собственности в ремесле	107—117
7. Основной классовый антагонизм	117—118

8. Резюме о производительных силах и производственных отношениях, о производстве древних руссов	118—121
Глава VI. Общественное разделение труда	121—133
1. Общее и особенное общественное разделение труда.	
Два способа его совершения	121—122
2. Неразделённость сельского хозяйства и лесоречных промыслов	122—125
3. Процесс второго крупного общественного разделения труда	125—133
Глава VII. Связи товарного обмена	133—149
1. Внутренняя торговля	134—138
2. Внешнеторговые связи	138—149
Глава VIII. Покупатели-продавцы	149—155
Глава IX. „Правда Русская“ и летописи	155—171
1. „Правда Русская“ и явления омонимии	155—160
2. Форма цен времён „Правды Русской“	160—163
3. Интересная параллель	163—165
4. Версия и летописи	165—169
5. Предостережения академика Б. Д. Грекова	169—171
Глава X. Серебряный монометаллизм древней Руси	171—186
1. Арабское монетное и слитковое серебро	171—175
2. Византийское серебро	175—177
3. Монетное серебро русской чеканки. Слитки	177—178
4. Западноевропейское серебро	178—179
5. Деньги или украшения и проблема биллона	179—181
6. Против некоторых преувеличений	181—184
7. Соответствие и синхронность	184—186
Глава XI. Аргументы М. Н. Покровского и Ф. Я. Полянского	186—203
1. Аргументация М. Н. Покровского	187—191
2. Аргументация Ф. Я. Полянского	191—194
3. Несостоительные аналогии	194—199
4. Ещё один момент	199—201
5. Реплика о терминологии	201—203
6. Резюме главы	203
В. ВЕРСИЯ И ДОРУССКОЕ ПРОШЛОЕ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА	
Глава XII. Производство аитов	204—220
1. Производительные силы	204—212
2. Производственные отношения	212—220
Глава XIII. Нумизматические памятники аитского периода	220—222
1. Римские динарии	220—222
2. Бездоказательные соображения	222
Г. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Указатель имен	223—225
	226

Михаил Францевич Лучинский
ДЕНЬГИ НА РУСИ IX– XII вв.

Редактор И. М. Кусургашев
Корректор Т. Н. Бык

* * *

Сдано в набор 29/X-1958. Подписано к печати 3/IV-1959. ПФ 00324.
Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 14,84. Тираж 4000.
Заказ № 0267. Цена 8 руб. 90 коп. +переплёт 1 руб. 50 коп.

Типография Татполиграфа Министерства культуры ТАССР
Казань, ул. Миславского, д. № 9

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
7	9 снизу	шерстяным	шерстным
7	11 снизу	шерстяного	шерстного
15	18–19 снизу	резаней	резан
95	Сноска 2	Е. А. Рыдзаевская	Е. А. Рыдзеевская
111	15 снизу	деятельности	деятельностью
156	4 сверху	А чаще кто...	Аще кто...
229	7 сверху	Фальтаф	Фальстаф

Заказ № 0267.